

С (УУБ)
А-23
755-К

Леонид Араков

755-К

ОДНАЖДЫ ВЕСННОЙ

Туваингосиздат 1950

Национальная библиотека ЧР

k-000755

755

ПОСВЯЩАЕТСЯ
30-ЛЕТИЮ
ЧУВАШСКОЙ
АССР

ЛЕОНИД АГАКОВ

ПЕРРЕ, СУРКУННЕ

ПОВЕСТЬ

Чăвашларан

К. Горбуновпа К. Эсливанова
куçарнă

ЧĂВАШ АССР ГОСУДАРСТВО ИЗДАТЕЛЬСТВИ
Шупашкар — 1950

ЧУВАШ
А 23

ЛЕОНИД АГАКОВ

Кор
СССР
КА 23

ОДНАЖДЫ ВЕСНОЙ

ПОВЕСТЬ

Перевод с чувашского
Н. Горбунова и К. Эсливановой

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧУВАШСКОЙ АССР
Чебоксары — 1950

ПРОБЕРЕН
23 10 10 ОКТ 2017

~~00~~755 - К

Чувашская
Республика
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это было весной. В полную силу цвели сады. Стройные деревца черемух и вишен, приземистые яблони, одетые в белый праздничный наряд, издали казались покрытыми пушистым снегом. Дворы и улицы были наполнены сладковато-нежным ароматом. После заката солнца, когда от реки веяло вечерней прохладой и начинали заливаться соловьи, благоухание усиливалось и сады выглядели каким-то сказочным царством, созданным на счастье и радость людям. Хотелось полной грудью вдохнуть чудесный, пьянящий воздух.

Очень хороши сады весной!

Но весной 1922 года вся красота ожившей природы никого не радовала в деревне Эндрьял, ничье не веселила сердце; пышное цветение садов и чистый животворящий воздух были не на пользу людям: омраченные лица не светлели, на них не загорались радостные улыбки. Голодный люд, всю зиму питавшийся различными суррогатами, которых раньше никто бы и в рот не взял, к весне окончательно обессилел. Кончилась лебеда, смешанная с молотым овсом, уничтожены жолуди, собранные осенью; раньше того прирезан и съеден скот. Больше ничего не осталось. Из дома в дом стучится ненасытно жадная смерть, уносит в костлявых объятиях очередную жертву, не брезгуя ни старым, ни малым. В маленькой церкви, на краю деревни, не проходит дня без панихид и унылого похоронного звона. Селяне выносят из церкви покойников и молча идут на кладбище, мимо цветущих садов, еле волоча слабые ноги и понуро опустив головы. У людей, измученных голодом и выбившихся из сил, притупились чувства жалости и отзывчивости, разум как бы затуманился. Как знать, может быть тот, кто провожает сегодня своего близкого на погост, завтра сам подвергнется такой же участи?

Вечером, едва разойдется по дворам стадо, в котором осталось не более тридцати-сорока голов скота, принадлежащего зажиточным крестьянам, деревня будто вымирает. Девушки и парни не выходят на веселые весенние хороводы, не поют звонких песен; не слышно залиистой игры на гармошке: мертвая тишина кругом. Разве изредка взвояет голодная собака, или ночной сторож глухо простучит колотушкой.

Только сады, усыпанные цветом, попрежнему дышат чудесным запахом и слышно, как заливаются там неутомные соловьи, напоминая, что жизнь на земле не замерла.

Вот в такой вечер, в покосившейся на бок избышке, что притулилась на краю оврага, лежала в постели пожилая, охваченная тяжелым недугом женщина. Она с трудом переводила дыхание и временами впадала в беспамятство.

В полночь, когда в зажиточных дворах петухи начали свою обычную переключку, больная собрала последние силы, и, облизывая языком запекшиеся губы, промолвила чуть слышно:

— Воды, Микуль... дай воды...

Смуглый паренек лет тринадцати, с черными мелкокаракулевыми волосами и карими живыми глазами, только что задремавший на длинной скамейке возле стены, проворно вскочил.

— Воды: нельзя тебе, анне¹...

— Нет дай, а то не выдержу...

Микуль принес из сеней ковш воды. Мать, задыхаясь, торопливо выпила и со стоном опустила голову на подушку. Через несколько мгновений, глубоко вздохнув, она прошептала:

— Я, наверное, сегодня умру, ывалэм²... очень тяжело. Так еще не было. Слишком трудно... Ах, жаль, Тараса не увижу. Не знаю, где он сейчас? Может быть, уже нет в живых. Ребята, что вместе с ним отправились, вернулись, а наш пропал, видно... Не увижу сердечного.

Сын, сдерживая слезы, пытался утешать:

— Не говори так, анне, он вернется... А потом— вон у Стенькиных мать тоже тяжело болела, как ты, да

¹ *Анне*—мама, матушка.

² *Ывалэм*—сыночек.

поправилась и теперь ходит, работает. И ты поправишься.

— Ах, ывалэм, что про Стенькиных говорить... Они могут добыть еду... А у нас с тобой — ни корки.

— Завтра получу в столовой и все тебе принесу, анне,—с детской готовностью отозвался сын.

— Не надо, милый! Тебе нужно жить, а я свое прожила. Хорошо бы, конечно, увидеть Тараса. Когда он вернется, дружнее живите... Нынче, по приметам, хлеба должны уродиться... Хотя у нас засеянного и нет почти, да на миру человек не пропадает, говорят. Дом почините, заведите скотину... Тарас любит работу, он насчет этого весь в отца...

Голос женщины совершенно ослабел, последние слова она проговорила еле слышным шопотом. Затем простионала и совсем затихла.

— Анне, анне, что ты сказала?

Мальчик дотронулся до плеча матери, попытался заглянуть в лицо, но в избе было темно и он ничего не увидел. Лампу зажечь — нет ни спичек, ни керосину.

— Анне, анне,—громче позвал встревоженный подросток.— Подай, прошу, голос...

Мать не отвечала. Микуль, подумав, что она умерла, с горьким плачем выбежал на улицу и, оглядываясь по сторонам испуганными, полными слез глазами, начал торопливо стучать кулаком в окна соседнего дома.

— Павел пичче!¹ Марфа аппа!² Вставайте, идемте к нам... кажется, мать умирает.

Крикнув это, он опять помчался домой.

Мать лежала неподвижно, не подавая никаких признаков жизни. Соседка, прибежавшая вместе с мужем на зов Микуля, сбросила с нее дерюжное одеяло, потрогала руки, послушала сердце.

— Бьется, она еще дышит,—прошептала сердобольная женщина.— Сходи-ка, Павел, домой, там, в сенях, на полке кружка молока стоит. Принеси, попробуем дать. Авось поможет. Да захвати чего-нибудь посветить.

Павел вышел, а соседка начала ласково успокаивать мальчика, глядя его черную, курчавую головку:

— Не плачь, ывалэм, не бойся. С ней пройдет.

¹ Пичче — буквально дядя, вообще — обращение к старшему мужчине.

² Аппа — тетка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В конце той же ночи, уже перед зарей, по дороге, редко обсаженной березами, быстро шел человек высокого роста и широкий в плечах. Шел он со стороны города. Темнокаштановые его волосы мягкими прядями падали на высокий лоб, усеянный бисеринками пота. Густые, резко очерченные брови, сросшиеся у переносья, серые глаза и жесткие складки в уголках губ придавали его лицу энергичное, даже суровое выражение. Но лицо смягчалось мелкими лучиками возле глаз, возникавшими, когда человек вдруг улыбался каким-то своим думам неожиданно доброй, почти детской улыбкой.

Шлем со звездой, гимнастерка, синие брюки, сапоги, шинель, перекинутая через плечо,—составляли его одежду. Заметно торопясь и все чаще перекидывая шинель с одного плеча на другое, поправляя тяжелую сумку за спиной, он останавливался только для того, чтобы закурить. Гимнастерка прилипала к телу, пот струйками сбегал по лицу, но путник, не обращая ни на что внимания, спешил вперед.

Дойдя до полосатого столба с цифрой «27», он повернул направо и по тропинке, пролежавшей среди озимей, направился в Эндрьял.

Это был сын вдовы Хведюсь из Эндрьяла — Тарас. Три года назад, в такую же весеннюю пору, оставив дома пожилую мать и маленького братишку, он с другими парнями своего села ушел служить в Красную Армию.

На дальней стороне много испытал Тарас, защищая от врагов молодую Советскую республику. При штурме Перекопа чуть не утонул в Сиваше, а в последних боях, на Дальнем Востоке, был серьезно ранен в правый бок и долго пролежал в военном госпитале. Последние полгода из дома не приходило никаких известий, он даже не знал, что там делается. Слышал только, что в Поволжье была страшная засуха.

И чем ближе становилась родная деревня, тем сильнее охватывало его волнение: он боялся, что не застанет никого в живых.

Тревога Тараса не была беспричинной. В пути ему довелось увидеть не мало удручающих картин. На станциях и пристанях кишмя кишел народ, устремляясь в хлебные стороны. Всюду было переполнено, грязно;

ослабевшие и отекавшие от голода люди, в ожидании пароходов или поездов, вповалку лежали на полу и на скамьях, иногда подкрепляясь кусками суррогатного хлеба; здесь же их порою настигала неумолимая смерть. Его семья, вероятно, тоже голодает: старому и малому где найти пищу?

Заметив тропинку, уходящую в сторону, Тарас подумал: «Это, кажется, к гумнам богатея Лявы. Интересно, каковы теперь его дела? Неужели попрежнему живет народным горбом?»

Закурив новую папироску, Тарас направился вдоль изгороди вниз.

До чего знакомые места! Вот начало долины Кеске. Сюда еще мальчишкой он ездил в ночное. Вдали видна кривая береза, под которой затевались детские игры. Правее—овраг Алдана. Каждой осенью он делал там запруду и приходил с матерью мочить коноплю. А вот здесь, около Марсуковского мякинника, под засохшей громадной ветлой, разбитой летней грозой, он в первый раз робко обнял милую Варук, осмелившись признаться ей в любви.

«Как-то она живет теперь? За три года получил от нее всего два письма. Может быть, давно вышла замуж, позабыв старую дружбу?» От этой мысли сердце его болезненно сжалось, и он, глубоко вздохнув, ускорил шаги. А воспоминания роем пронеслись в голове, увлекая в далекое прошлое.

Тарас узкой тропинкой перебежал овраг и свернул в маленький переулок, густо затененный переплетающимися между собой ветлами. Здесь темней и прохладней.

Сколько раз он, сбежав вниз, выбирался из этого оврага? Сколько раз, с веселой ватагой друзей-мальчишек, скатывался на санках под горку?.. Еще более теплая волна воспоминаний охватила его. Эх, родимая сторонка!

В деревне тихо, ни звука. Предрасветные силуэты домов и деревьев выглядят фантастически, причудливые их очертания напоминают не то крутые бугры, не то копны сена. Лишь густой аромат цветущих садов знаком и неизменен. Тарас с наслаждением вдохнул в себя сладкий, пахучий воздух.

Наконец, виден их домик. Но почему в окнах, в отличие от других, так неуручно горит свет? Что это

значит? Тарас встревожился. Не открывая перекосившейся калитки, перемахнул через обветшалую, низкую изгородь, вбежал на невысокое крылечко, с силой дернул за скобу двери. Дверь мягко поддалась, и Тарас вошел в избу.

На столе мигает лампешка, слабо освещающая передний угол избы. На скамейке, около печки, кто-то спит, укрывшись с головой. На другой скамье тоже лежит человек.

«Ну, хоть оба, кажется, живы,—промелькнуло в голове у Тараса,—а больше ничего и не надо, остальное будет».

Он повесил шинель на гвоздь у двери и положил сумку на стол; потом, не будя мать и брата, осторожно подвинул табурет к столу и, облегченно вздохнув, еще раз закурил.

Теперь некуда спешить. Родные, к кому он так стремился, здесь, в избе, и спокойно спят. Может быть, их свалила усталость или они, чтобы не чувствовать голода, заставили себя забыться сном. Кто знает? Пусть спят, он их не станет будить.

Но Тарас не мог долго выдержать. Потушив папироску, он вскочил и, подойдя к скамье, откинул с головы матери одеяло.

— Анне...

Ответа не было.

— Анне, анне, проснись!—громче позвал Тарас, легонько дотронувшись до худого плеча матери. Та, болезненно застонав, глубоко вздохнула, не открывая глаз спросила:

— Чего?

— Вставай, анне!

— Ах, сил нет, Микуль.

— Это не Микуль, анне, это я.

— Кто?

— Тарас, Тарас я!

Больная мать, услышав родной голос, собрала последние силы, повернулась на бок, приподнялась на локте. Некоторое время она, ничего не понимая, глядела на сына, учащенно дыша и силясь разобраться в происходившем. Потом, очевидно все поняв, застонала и опять уронила голову на подушку.

— Ах, сынок, я ведь умираю... Думала и тебя не увижу. Ладно хоть хоронить приехал.

Микуль, сладко заснувший после пережитой тревоги, услышав плач матери, тоже вскочил, протирая глаза.

Тарас крепко обнял братишку, поцеловал, и оба они принялись успокаивать мать. Старший сын ласково утешал:

— Не плачь, анне, не волнуйся. Твои тревоги кончились, я вернулся и, как видишь, жив и невредим. Поправисься—и будем замечательно жить. Я сегодня же привезу доктора. Кушать хочешь? У меня в котомке есть кое-что для вас...

Мать постепенно успокаивалась. Заставив братишку поскорее вскипятить воду в котелке, Тарас вынул из дорожного мешка сахар, конфеты, хлеб и колбасу. Мать, не отрываясь, глядела на сына, спрашивала, как он жил последние полгода, когда от него перестали приходиться письма. Не желая ее расстраивать, он старался все показать в лучшем свете. Про свое тяжелое ранение даже не заикнулся, рассудив: «Об этом можно будет после рассказать, когда она окончательно выздоровеет».

Вскоре вода в котелке весело забурлила. Сыновья, подвинув стол поближе к постели больной, уселись рядом и принялись за чаепитие, наперебой угощая мать. Тарас украдкой смотрел на истощенные лица родных, с болью представляя, каким лишениям они подвергались. Слабая улыбка озарила лицо матери. По исхудавшим щекам скатились счастливые слезы.

— Может, скоро и мы будем жить как люди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тарас, хотя и прилег на самом рассвете, проснулся, по привычке, в положенный час. Умылся, оделся, потом вышел на крыльцо.

Солнце еще не достигло верхушек ветел. Роса крупным жемчугом покрывала густую зелень двора. На голубом, прозрачном небе ни облачка. Воздух не шелокнется, тихо, тепло. В недосыгаемой вышине вьется жаворонок, рассыпая свои звонкие трели. Чудесное утро!

Тарас хозяйским взглядом обвел свой двор и серьезно задумался.

— Н-да,—проговорил он вслух, после длительного размышления, сокрушенно покачав головой,—придется все начинать заново.

Хозяйство, действительно, пришло в полный упадок. Соломенная крыша амбара сползла с обеих сторон на землю и покрылась зарослями лопухов, крапивы и лебеды. Дверь конюшни, сколоченная когда-то Тарасом, сорвавшись с перержавевших петел, валялась возле саней, единственная оглобля которых подпирала ветхий забор; тут же стоял покосившийся хлевушек, обратив подслеповатое крошечное оконце не то на подгнившее нижнее бревно избы, не то на телегу, потерявшую два колеса и погруженную передней осью в буйные заросли бурьяна.

«Просто не знаю, за что приняться,—огорченно думал Тарас,—трудная задача!»

Вдруг за спиной кто-то окликнул его:

— Здорово, Тарас Петрович, когда приехал?

Он обернулся и увидел соседа Павла пичче, стоявшего у изгороди, которая едва доходила ему до пояса. Сосед добродушно улыбался сквозь черные усы и такую же бороду.

Не дожидаясь приглашения, Павел пичче перекинул через изгородь свое худощавое тело, облаченное в синие штаны из домашнего крашеного холста и такую же рубашку, подал Тарасу худую, жилистую руку.

— Измучились они без тебя тут, Тарас Петрович. Да и сам, наверное, видишь, никак наладиться не могут. Микуль молод, до больших дел не доходит еще, а мать с постели не встает. Вчера напугала нас, беда!—сказал он, усаживаясь на крыльцо, доставая трубку и берестяную коробку с крупно крошенным самосадом. Затем добавил ободряюще:

— Ну, ничего, поправитесь, теперь хозяин домой вернулся, все к лучшему пойдет.

— На, попробуй фабричного,—предложил Тарас, вынув из кармана солдатский кисет.

— А-а, этот, пожалуй, получше. Я его давно не пробовал,—промолвил Павел-пичче, бережно набирая щепоть табаку.—Удивительное дело, Тарас Петрович, и когда, наконец, товаров вдоволь появится? Мы тут начисто обеднели. Взамен керосина некоторые лучину жгут, спички, вот, кремнем заменили...—Он извлек из кармана серый кремень и огниво, приспособиваясь к стародавнему способу добычи огня.—Мыла и в помине нет. А уж про ситец и думать забыли. Беда без това-

ров, замаялись совсем. Неужели и в городе так перебиваются?

— Да, вроде этого, Павел пичче.

— Тяжело, чересчур тяжело.

— Ну, ничего, недолго осталось терпеть, скоро жизнь наладится.

Двое односельчан, случайно проходивших мимо, увидев Тараса, зашли во двор и приветливо поздоровались.

— А-а, Тарас, оказывается, приехал! Ну, как добрался, браток?—спросил мужчина по имени Тябук, плотный, черноватый с лица.

— Доехал благополучно.

— Мать все же не забыл, выходит,—вставил другой, прозванный Хомутом за свои кривые ноги.

— А почему бы забыть?—отозвался Тарас, взглянув быстро и с любопытством, будто увидев его в первый раз в жизни.

— Так ты же, наверное, этих, новых взглядов держишься?—с легкой иронией спросил Хомут, посмотрев сначала на Тараса, а потом на соседей, слушавших этот разговор с живым интересом.

— Ну и что тогда?—Тарас понял, наконец, нехитро закинутую удочку.

— Да я слышал, будто теперь у некоторых в моду вошло родителей и жен бросать,—проговорил тем же тоном Хомут, вложив в прежнюю иронию еще и крупичу нарочитого равнодушия, хотя и сгорал от любопытства услышать ответ.

— Э-э, мало ли чего могут наболтать, Эндри пичче, ты меньше слушай,—пожав плечами, серьезно сказал Тарас.

Все замолчали. Павел пичче, воспользовавшись паузой, опять начал свое.

— Вот хоть бы керосин, соль, да еще кое-какой припас по хозяйству... Оплошали через край.

— Будет, все будет,—успокоил Тарас.— Заводы в городах теперь налаживаются. Сами знаете, какое время пережили. Все силы были брошены на борьбу с врагами. Не шутка, четырнадцать государств на нас войной пошли. Конечно, тяжело пришлось и рабочим, и крестьянам. Мы тоже на фронте горюшка хлебнули не мало. Что же делать? Кому старое возвращать захочется? По нагайке полицейского да по барину никто из

нашего брата не скучает. Понятно, старый режим еще снится тем, кто жар загребал чужими руками, да советская власть их обезвредит,—убежденно говорил Тарас серьезным и сосредоточенным слушателям.—Теперь главные трудности позади, война кончилась. Мы теперь на мирное строительство перешли. Верно, голод пока руки вяжет. Но дело за нами самими, друзья. Приложим руки к земле, пройдет один-два года и мы хорошо заживем. Будет хлеб—будут и товары.

— Складно ты говоришь, да не знаю, как на деле повернется,—недоверчиво сказал Хомут, почесывая затылок, — что-то сомнительно.

— Почему это?

— Да уж больно хозяйство в упадок пришло. Хлеб по разверстке сдавать приходилось. Путёвой скотины почти не осталось. А теперь этот голод навалился...

— Правда, Тарас Петрович, в справедливом слове не может быть обмана,—вставил Павел пичче.

— Конечно, правда, — согласился Тарас, — но надо понимать, почему так получилось. — И он принялся рассказывать о бедствиях, принесенных царской войной, об иностранной интервенции, о происках внутренних врагов. Он говорил, как умел, о том, что теперь необходимо все силы направить на поднятие молодой республики, что партия считает военный коммунизм пройденным этапом—продразверстка заменена единым продналогом.

— Трудности были неизбежными, но временными, и они уже на исходе. Слышали ли вы, что по предложению товарища Ленина у нас введена новая экономическая политика?

Оказывается, о НЭП'е здесь имели очень слабое представление. Пришлось разъяснить, для чего он введен, что это даст для развития хозяйства.

Во двор один за другим заходили все новые и новые слушатели. Неизвестно, кто сообщил, но только многие узнали, что вернулся Тарас. Пришли повидать его мужчины и женщины, девушки и дети; каждый приветливо здоровался с ним.

Вместе с другими пришла и Варук, красивая смуглая девушка с темными глазами и правильным носом на загорелом лице, которое оттенялось черными, как смоль, волосами, разделенными прямым пробором.

— Сыва-и?¹ — проговорила она мелодичным грудным голосом, краснея и, словно огнем, обжигая его своим взглядом.

Тарас на мгновение растерялся, увидев любимую девушку в розовом платочке и белом, праздничном сарафанчике из тонкого полотна, ловко облежавшем ее стройную фигуру. Чтобы люди не заметили его смущения, Тарас опустил глаза. Девушка отошла к подругам, поправляя туго заплетенную, блестящую косу.

Интересный разговор продолжался своим чередом. В деревне почти не было газет, и все хотели знать, совсем ли кончилась война, окончательно ли прогнали белых, как живут в городах рабочие, какие льготы вводятся для крестьян. Тарас понимал, что каждый новый человек, тем более недавно побывавший в городе, является здесь живой газетой, подробно и толково рассказывал о текущих событиях. Да, предоставляются большие льготы и помощь государства беднякам, безлошадным. Например, выдаются семена взаймы, отпускаются машины в кредит для обработки земли. А чтобы лучше использовать эти машины, надо организовать сельскохозяйственное товарищество. Хорошим подспорьем являются и комитеты взаимопомощи, кооперация. Все это было существенно и важно. Крестьяне слушали с напряженным вниманием, изредка перебивая вопросами. И на лицах можно было прочесть: «Да, это наша власть, заботится о бедноте и середняках».

— Ну, а вы как поживаете здесь? — спросил Тарас. — Какие новости в деревне? Я вот все вам рассказываю, а от вас почти ничего не слышу.

— Какие у нас могут быть особенные новости, — отозвался Павел пичче, ковыряя в чубуке согнутой провололочкой и вздыхая, — видишь — от голода ни на ком лица нет.

— Да, заметно, — согласился Тарас, оглядывая бледные и исхудавшие лица большинства крестьян. — Но спокойно ли, по крайней мере, живете? Как-то раз мне писали, что бандиты тут шибко пошаливают, вывели что ли их?

— То-то и беда, что все еще держатся, — угрюмо пробасил Тябук. — Слышал, было восстание в Курмыше? Запаслись тогда оружием — вот и балуются теперь.

¹ Здоров ли ты?

— И сильно балуются?

— Не стесняются. То и дело слышно: у того лошадь увели, там корову прирезали или амбар очистили. Женщины к лесу подойти боятся. Неделю назад в Мучашском лесу, недалеко от дороги, двух девчонок изобидели. Одна не вытерпела позора, в тот же день повесилась.

— Что за безобразие! Неужели некому их окоротить?

— Приезжала рота красноармейцев, часть бандитов уничтожила, да, видно, не всех,—опять пробурчал Тябук.

— У бандитов есть атаман—никого не боится. Махоркой прозван. Никакая ловушка, говорят, ему не страшна, из любой ускользает,—таинственным шопотом, припав к самому уху Тараса, сообщил маленький чернявый мужичок, опасливо поглядывая по сторонам, словно боясь, что его подслушает бандит.

Все рассмеялись над его испугом.

— Если миром взяться, конечно, изловить можно, да несмелый у нас народ,—вставил парень, стоявший рядом с Тарасом.—Боятся.

— Побоишься, пожалуй,—прикрикнул на него Хомут,—вон председатель Матякассинского сельсовета сделал облаву, а дальше знаешь, что ему от Махорки было?

— Что?—поинтересовался Тарас.

— На другой же день банда всю его семью вырезала. А этот цыпленок про облаву пищит!—сердито закончил Хомут и отвернулся.

— У них, говорят, в каждой деревне свои есть, потому выловить-то и трудно. Как чуть что, так и оповещают.

— Агенты, значит?

— Ну да.

Тарас, выслушав это, призадумался. Ясно, что бандитам проще всего обидеть безоружных, робких людей. Собрались в шайку, должно быть, дезертиры, уголовники, старые офицеры, словом, всякий сброд. А кулаки помогают им, в расчете на то, что, в случае крупного восстания против Советов, бандиты лишними не будут. И Тарас мысленно решил: «Своими силами тут трудно

справиться. Лучше просить помощи в городе. Падать духом нельзя».

А вслух сказал приумолкшим людям:

— Уж если мы сумели справиться с буржуазными государствами, так бандитов этих не испугаемся. Не позволим мешать нам трудиться и строить новую жизнь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Эндриял глубоким оврагом разделяется на две части. На южном склоне оврага красуется большой, двухэтажный дом. Нижний этаж выстроен из крупного серого камня, а верх—из дерева. Дом обнесен бревенчатым дубовым забором. Во дворе сохранились солидные постройки, напоминающие, что хозяйство было поставлено когда-то на широкую ногу.

Дом и до сих пор похож на крепость. В нем живет семья Лявы Уртема. Род Лявов, исстари богатый, знал весь уезд. Старик Лява владел в округе несколькими доходными мельницами, скупал у крестьян по дешевке зерно, яблоки, шерсть, яйца, кожу, складывал все это в свои просторные амбары, потом, вместе с сыном, вывозил на дальние рынки — в Рыбинск, Астрахань, Питер и Москву.

Несколько пар коней и скот, заполнявший двор, обслуживались доброй полдюжиной сильных и ловких работников.

Все уездное начальство было для Лявы «своим». Оно не мешало ему богатеть и властвовать, зато и Лява не оставался в долгу, устраивал властям при каждом удобном случае пир горой.

Разбогатевший Лява мечтал заделаться чувашским царьком, купил себе дворянское звание и даже метил попасть в думу. Но случай оборвал широкие его замыслы: за год до войны Лява скоростижно умер.

Убрался он удивительно быстро: вечером вернулся с ярмарки, а под утро его нашли в постели уже окоченевшим. Как говорили после люди, он на ярмарке, будучи под хмельком, позабыв свою почтенную старость, увел у русского барышника вороного жеребца. Барышник догнал его и будто бы как следует избил, а под конец, чтобы не повадно было, огрел оглоблей по голове и бросил бесчувственным мешком в тарантас.

«Жаден был, сытости не знал, но все же подавился»,— говорило про него большинство крестьян, облегченно вздыхая.

Только «яблоко от яблони далеко не падает»: сын старого Лявы—Уртем, успешно усвоив «науку» отца, покатился по той же дорожке. Откупившись от воинской повинности деньгами, он остался в деревне на всю войну полным хозяином над осиротевшими стариками, детьми и женщинами. И жил он в свое удовольствие, ни с кем не считаясь, никому не кланяясь, никому не отдавая отчета.

Горькими слезами и соленым потом обливались чувашские женщины, выносливые в труде и сдержанные в горе, с утра до вечера сгибая спины на его широких загонах.

Половина сельской земли оказалась в его руках, хлеб обозами отправлялся в разные стороны для продажи. Война еще более обогатила сына умершего Лявы.

Сущность февральской революции Уртем понял быстро. Прикрепив красный бантик на грудь, он отправился в волость на первое же «крестьянское собрание», рассудив, что его жизнь и жизнь ему подобных февральские события никакому изменению не подвергнут.

Только буря Октябрьской революции тряхнула его основательно.

Правда, он многое успел припрятать в надежные места, но все же комбед вывез у него около ста возов хлеба, много ценного имущества, разобрал два амбара, роздал скот беднякам, а потом обложил крупной контрибуцией и заставил ее уплатить.

Кулак по-волчьи лязгал зубами от злости, но поделаться ничего не мог. Гнев его поневоле остался неудовлетворенным, но не погас. Через год, когда началось Курмышское кулацко-эсеровское восстание, сын Лявы вооружился обрезом и заставил местного священника читать контрреволюционные проповеди, чтобы держать в страхе и повиновении всех ненавистных ему людей.

Однако, привести в исполнение свои планы ему не удалось. Восстание не разгорелось широко: его сразу же притушили. Пришлось опять, сцепив зубы, терпеть. Время шло. Советы укреплялись, и молодая республика выгнала врагов за свои пределы. Обозленный сын Лявы снова притих, затаив в себе жгучую ненависть и неутоленную жажду мести.

В 1921 году, когда начали чернеть и оттаивать дороги, в Эндрияле появился шурин Уртема, брат его жены. Во время войны он был унтер-офицером, а после февральской революции, став на сторону укрепившихся кулаков, учинял массовые расстрелы крестьян, пытавшихся своей властью национализировать помещичьи земли. После Октябрьской революции его считали пропавшим без вести. Но он неожиданно вернулся, сбежав из-под конвоя при следовании в тюрьму после того, как осудили его за кражу со склада государственного имущества.

В тот вечер за штофом самогона долго засиделись родственники, оплакивая прошлое и проклиная настоящее. Охрипшим голосом отпетого пропойцы унтер-офицер пел похабные песни, вспоминая былое.

— Эх, на плечах погоны, на груди кресты!..

Хозяева, боясь, что разгул услышат с улицы, унимали пьяного. Но ему уже не сиделось спокойно. Вскочив на ноги и ударяя себя в грудь кулаком, он принялся выкрикивать с хвастливой, хмельной удалью:

— Ха, они думают—Василия Разумова уничтожили! Нет, брат, шалишь, Василия Разумова голыми руками не возьмешь! Он еще жив, живет, туды вашуш... О-о, я еще покажу себя, я за все отомщу! За то, что лишили чина и в тюрьму посадили, за богатства, отнятые у отца, за все! Таких, как я, в России много, очень много. Мы соберемся вместе и... создадим свою непобедимую армию. И уж тогда мы отомстим всем этим пролетариям, начнем их вешать, резать, жечь! У меня у самого полк будет. Полк! А я полковником стану. А пока я не Разумов... Я—Махорка,—добавил он тихо, заплетающимся языком, размахивая руками, как ветряная мельница.

Неизвестно, сколько времени проораторствовал бы Махорка, да крепкая домашняя сивуха взяла свое, и он, «потеряв управление», закачался, захлопал отяжелевшими веками и, бессмысленно обводя собутельников осоловелыми глазами, грузно шлепнулся со скамьи на пол. Услужливые родственники тотчас уложили гостя на скамейку у двери.

Правда, полковником Махорка не стал, но когда начала подсыхать земля, он, с помощью друзей Уртема, собрал около себя значительную шайку бандитов. В трущобах Засурского леса, куда не ступала нога человека, он

создал «штаб» и начал терроризировать население. Сначала грабил прохожих, резал уведенную скотину; позднее его обнаглевшие «молодчики» принялись навещать окрестные деревни. Связи бандитов делались все крепче и обширнее: в селах не мало было кулаков, точивших зубы на Советскую власть. По их указке и производились грабежи, нередко сопровождавшиеся убийствами.

Они всю округу держали в страхе. Отряд милиции, посланный на ликвидацию банды, ничего поделывать не мог и, потеряв несколько человек убитыми, едва выбрался из леса. Крестьяне одной из деревень вздумали было сделать облаву своими силами, да тоже ничего не получилось: бандиты забросали кое-как вооруженный и неорганизованный отряд гранатами и крестьяне разбежались врассыпную. Возглавлявшего облаву председателя сельсовета бандиты через несколько дней зарезали со всей его семьей.

Много амбаров очистила банда Махорки, много угнала лошадей, порезала крестьянского скота, не мало ограбила прохожих, обидела женщин. Бесчинства радовали кулаков, которым от этого разбоя была только польза. Видя горькие слезы населения, они откровенно и злорадно шипели:

— Вот, вот! Так и надо вам! Погодите, не то еще будет!

Но долго радоваться им не пришлось. Через месяц после неудавшихся облав для ликвидации бандитов была выслана хорошо вооруженная красноармейская рота. За несколько дней она прочесала окрестные леса и, обнаружив бандитское гнездо, многих выловила. Одних уничтожили на месте, других отправили в город. Из «штаба» вывезли уйму награбленного добра, которое бандиты еще не успели никуда спровадить. Однако самого Махорку с несколькими приближенными поймать не удалось.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Под вечер, накормив мать (она стала чувствовать себя несколько лучше), Тарас вышел чинить калитку.

К нему подошли Мигиш с Исаем, молодые парни—погодки. Когда Тарас уходил в армию, они были еще подростками, но в его отсутствие оба успели вырасти, превратились в статных, красивых юношей.

— Скорой работы!

— Спасибо.

— Починить думаешь?

— Да, все хозяйство в упадок пришло.

Парни, поздоровавшись за руку с Тарасом, сели возле него на траву.

— Мы пришли поговорить,—начал Мигиш.—Решили побеспокоить тебя, Тарас Петрович.

— Очень хорошо,—ответил тот.—Я и сам думал вечером к кому-нибудь сходить, посидеть.

— Вот что, Тарас Петрович,—продолжал Мигиш, взглянув на Исаю и заручившись его поощрительным кивком,—я сегодня был в волости. Со мной говорил Арсланов из волкома, знаешь, тот Тренькассинский парень, что недавно из Казани с учебы приехал. Спрашивал про нашу жизнь, что молодежь, дескать, делает. Говорит, пора нам организовать ячейку РКСМ. В других деревнях, говорит, уже многие состоят в комсомоле, а у нас еще нет. Как узнал, что ты вернулся, велел сначала с тобой посоветоваться. Мы ведь сами мало что понимаем и это нас режет. Как ты думаешь, есть у нас возможности организовать ячейку?—спросил Мигиш, выжидающе глядя на Тараса серыми пытливыми глазами.

Тарас поднял калитку и, поставив ее на место, стряхнул с армейских брюк приставшие соринки, поправил шлем и сказал:

— Хорошее, нужное дело вы, ребята, затеяли. Я сам собирался начать. Насчет этого надо поговорить как следует. Давайте лучше зайдем в избу.

Дома Тарас объяснил, какова, по его мнению, роль комсомольцев в деревне, в чем состоят их задачи. Парни слушали его с жадным вниманием.

— А как вы думаете, сколько человек можно набрать в организацию для начала?—спросил Тарас, окидывая их серьезным взглядом.—Я так считаю: на первое время и пяти человек хватило бы.

— Ну, столько-то найдется! Это немного,—быстро переглянувшись, уверенно ответили ребята.

— Только знайте, друзья,—предупредил Тарас,—не нужно привлекать неустойчивых, которые клонятся «туда и сюда». Лучше сначала организовать бедняков, они надежные, свои люди. Причем таких, которых богачи не запутали в свои тенета. Мы создаем не увесели-

тельный кружок, а крепкую, дисциплинированную организацию. Она возглавит молодежную работу на селе, да и на всю общественную жизнь будет влиять.

— Ну, а руководить будешь ты.

— Там видно будет. Знаешь чувашскую поговорку: «Не запрягай коня, пока он не родился». Сначала организуем ячейку. Как вы думаете, кого туда можно наметить?

Мигиш стал считать по пальцам.

— Скажем, я—раз, Исай—два, ты сам—три. Потом Васюк с Шенгерчем могут войти.

— Коля, с той стороны оврага,—добавил Исай.

— Правильно, Коля... еще кто?

— Антун...

— Нет, с ним дело не пойдет, трусоват он,—отмахнулся Мигиш.

— Ну, пока и хватит,—остановил Тарас,—не всех сразу. В дальнейшем сами будут приходить. Вот девчат привлечь не мешало бы.

Парни молча переглянулись.

— Девушки, пожалуй, не найдутся,—проговорил Мигиш нерешительно. Заметив утвердительный кивок Исая, он тверже добавил:—Стеснительные они, сплетен побоятся.

— Позже все равно придется вовлекать. Знаете, что сказал о женщинах товарищ Ленин? «Каждая кухарка должна уметь управлять государством». А где они смогут научиться, если их не вовлекать в общественные дела?

— Одна, кажется, есть,—подал неуверенный голос Мигиш.

— Кто?

— Учительница.

— Э-э, что ей у нас делать?—проговорил Исай, разводя руками и хмуря тонкие черные брови.—Дело не в дело, только хныкать будет. Какой в ней толк? Не надо... Ну их, образованных.

— Ничего, привыкнет,—успокоил Тарас, едва заметно улыбаясь.—Без образованных людей нам никак не обойтись. Они очень нужны будут... Ну, так когда же соберемся, товарищи? Если за дело браться, время вести не следует.

— Завтра можно, к вечеру.

— Где?

— Это все равно.

— Ладно... Вечером, конечно, люди свободнее. Оповестите тогда. Договоримся.

Разговор смолк. Исай, собираясь уходить, встал.

— Подождите, не спешите, друзья,— кивнул головой Тарас.— Мне еще кое-что хочется узнать. Спрашивал, спрашивал Микуля, да так ничего путем и не понял. Кто у вас в Совете делами заправляет?

— О-о, там состоит самая знатная публика,— усмехнулся Мигиш, снова усаживаясь на скамейку.— Председатель — Казяр Кузьма, а при нем секретарем Иливан. Да только беда с ними: когда ищешь их по делу, ни за что не найдешь, неизвестно где пропадают.

Тарас удивленно повернул голову.

— Да? Ну и нашли! Какой головой думали при выборах? Чего молчали? А не урядником ли был раньше Казяр Кузьма?

— Не слышал,— пожал плечами Исай.

— Мне помнится так. Иливан тоже всему уезду известен, давнишний жулик и пройдоха. Кем только он не был? Сколько народу по миру пустил? Я помню, как он вскоре после революции все кричал на собраниях против Советов, а сейчас — смотри, да мотай на ус: сам стал властью. Ай-ай, ну и молодцы! Как вы это допустили, чорт побери!—возмущенно кипел Тарас.

— А что будешь делать? В деревне знающих да смелых было мало. Ну, конечно, разные пройдохи и лезли прямо на голову,— несмело оправдывался Исай.

Тарас стал ходить взад и вперед по избе. Ребята не сводили с него удивленных и восторженных глаз.

— Если у нас в деревне такая власть, можно заранее сказать, социализм не построишь. Сменить их надо. Да разве они захотят стараться за народ! Для них хоть сегодня же все перемери! Им даже лучше будет,— взволнованно говорил Тарас, ероша свои непослушные волосы.

— Это правда,— промолвил Мигиш.— Вот, к слову сказать, в других деревнях столовые для голодающих как полагается работают, кормят по совести, сытно. А у нас каждый день неразбериха. Из хорошей муки — шайтан их знает, что выпекают. А варево — и говорить нечего, просто какие-то помои...

— Кто там старший?

— Мамун, зять Лявы.

Тарас даже сплюнул с досады.

— Эх, и народ же! Государственной помощью пользоваться не умеете. И дела-то всего сварить, да съесть. Просто уму непостижимо! Мамуну доверились!

— У него изба большая, народ кормить удобно, так, кажется, решили на собрании,— попытался оправдать односельчан Исай.

— Изба-а больша-ая,—передразнил Тарас нараспев.— Изба-то большая, да и глотка без дна! Сразу много хватает. Ну, а после открытия столовой хоть раз проверяли их?

— Этого не слыхал. Но народ сильно недоволен.

Тарас сел к столу и закурил папиросу, чтобы собраться с мыслями.

— Слушайте, ребята. Нам, действительно, надо как можно скорее организовать. Иначе мы ничего не наладим. Пора втолковать народу, что нам с Казяром и Иливаном не по пути. Давайте действовать!

Парни ушли бодрые и довольные.

«С этими сработаемся. Только надо направить их на верный путь,— думал Тарас, оставшись один.— Они, пожалуй, не поддадутся на кулацкие подачки, сладкое от горького смогут отличить».

С улицы убежал запыхавшийся Микуль.

— Пичче, я тебе письмо принес!—крикнул он еще с порога звонким голосом.

— Какое письмо?—удивился Тарас.

— Сейчас увидишь!—проговорил Микуль, доставая из-за пазухи помятый кусочек бумаги.

В избе становилось темновато и поэтому Тарас был вынужден читать у окна это неожиданное послание, в котором косыми каракулями было выведено всего лишь несколько слов: «Тарас, мне нужно с тобой поговорить. Приходи сегодня к нашему дому. Варук».

Тарас радостно улыбнулся и, повернувшись к Микулью, разувавшему у порога лаптишки, спросил:

— Кто тебе дал это письмо?

У Микулы в глазенках забегали веселые искорки.

— Сама Варук. А когда тебя не было, она все спрашивала, нет ли писем, чего пишешь и скоро ли домой вернешься. Она, видно, хочет выйти за тебя замуж,— глядя на брата плутоватыми глазами, добавил он.

— Ну, ну! Будет тебе, не очень ли много знаешь, разговорился слишком,— остановил его Тарас, принимая строгий вид.— Кипяти лучше чай для матери, да пои ее.

— А чего тут особенного, что я так сказал? — обиженно засопел носом Микуль.— И не я один, все говорят. Один раз даже мать так сказала.

— Ну, довольно, довольно, делай, что велят.

Тарас одернул гимнастерку, затянулся потуже ремнем и вышел на улицу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ночью в дверь осторожно постучали. Уртем Лява, незадолго улегшийся спать, поднял голову и, затаив дыхание, прислушался. Снова послышался легкий стук.

— Кто там?—сердито спросил Уртем.

— Я, отопри, пожалуйста, скорее,— послышался дрожащий мужской голос за дверью.

— Кто ты?

— Посыльный от Махорки.

— Имя говори.

— Пожедан. Неужели не узнаешь, Уртем Лявоныч? Христа ради впусти скорее.

Уртем встал и ввел непрошеного гостя в сени. Пошарив на полке, чиркнул спичкой и осмотрел с ног до головы вошедшего. Это и впрямь был помощник Махорки. Но в каком ужасном виде он явился! Без шапки, с всклокоченными волосами, в рубашке, вымазанной кровью, и порванных штанах. Глаза, обычно нахальные и хитрые, бегали испуганно, настороженно.

— Ты зачем пришел?—глядя исподлобья на трясущегося Пожедана и чуя недоброе, спросил Уртем.

— Махорка прислал,— хриплым шопотом ответил тот, поворачивая на свет бледное скуластое лицо, украшенное темным фонарем под левым глазом и исцарапанным, приплюснутым от природы носом.

— Ну, айда, раз так, заходи в дом.

В избе Уртем засветил лампу, грузно сел за стол, широко расставив локти, и опять посмотрел на гостя холодным испытующим взглядом из-под насупленных, лохматых бровей. Темные глаза неприятными кошачьи-ми огоньками отражали свет лампы. Говоря по правде, Уртему уже стали надоедать бандиты: беспокойства много, а толку мало.

Недолгое молчание показалось Пожедану вечным.

— Ну, говори, чего тебе надо?—сурово произнес

Уртем, поднимая каким-то неуловимым движением правую бровь и одновременно опуская левую.

— Пропали мы совсем, Уртем Лявонич,—виновато мигая под недружелюбным взглядом, ответил Пожедан.—Разгромили нас, да так неожиданно.

Уртем поднял лысеющую голову, покрытую пучками волос цвета верблюжьей шерсти. Он начал кое-что понимать.

— Как это случилось?

— Так вот и случилось. Все у нас порушили. Третьего дня мы втроем—Махорка, я, да Чалэшпусь направились в Большие Ходары. Там вдова Хветле есть. Ну, хорошо, доехали. Начали пить, гулять. Хветле еще двух баб привела. Ночь провели весело. Нам и в голову не приходило, что так получится...

Пожедан перевел дух и потрогал ребром ладони выступающий кадык.

— Слушай-ка, Уртем Лявонич, будь благодетелем, налей стаканчик горлышко промочить. Нутро горит, никакого терпения нет.

Уртем вынес из чулана початый штоф самогона, лопать полбленного хлеба, пустой стакан и почти швырнул все это на стол.

— Пей,—отрывисто буркнул он.

Пожедан, не поморщившись, выпил стакан вонючей жидкости и продолжил свой рассказ, угодливо заглядывая в глаза Уртему.

— На рассвете оседлали мы лошадей и помчались обратно. Добрались до леса. Тихонько напевая, поехали шагом. До места уже самая малость оставалась, как вдруг, слышим ружейные выстрелы. И понять нельзя, откуда стрельба идет. Спереди, сзади, с боков. Махорка ехал рядом со мной. Недолго думая, он огрел жеребца нагайкой и пустился вперед. Мы за ним. Выехали на край поляны, смотрим, а на том конце, между деревьями, пулемет, прямохонько на нас направлен, прорва солдат бегают. Тут Махорка резко осадил своего коня на задние ноги и круто повернул назад. Ну, и мы за ним! Ох и летели! Пули около самых ушей свистят: взи-взи! Сейчас настигнет, сейчас смерть, думаю. Не понимаю, каким образом ни в меня, ни в Чалэшпуся не попало. Ну, а Махорке здорово повредило левое бедро... И какой он, все-таки, крепкий! Версты две ехал на лошади, сидел прямохонько, а потом, видать, невтер-

пеж ему стало, закачался и повалился под ореховый куст. Лошадь испугалась, вперед метнулась. Мы едва остановили разгоряченных коней, бросились к нему. А он — как мертвый. Перевязали ему рану рубашкой и перенесли в укромное место.

— А как лошади? — хмуря брови, спросил Уртем.

— Убежали, — виновато развел руками Пожедан. Лицо его под влиянием самогона стало багроветь, глаза вновь обрели прежнее наглое выражение. — Зашли в самую чащу, а стрельба не прекращается. То будто рядом, то далеко где-то слышно. Души не чуем, думаем, вот-вот накроют. Ну, если бы даже и наскочили на нас, живыми не сдались бы... После два дня мы отлеживались в лесной чаще, никуда не двигались. Хорошо, что Чалэшпусь захватил от Хветлы два полштофа, вот и ублажали все Махорку. Выпьет несколько глотков, да и лежит, не то спит, не то без памяти. А сам бредит, команду подает, ругается разными словами. А потом... потом...

У Пожедана забегали хитрые глаза. Он закончил, придав своему лицу удрученный вид:

— Я уж и сам то пожалел...

— Что такое? — предчувствуя новую неприятность, сердито спросил Уртем.

— Да вот Махорка вчера выпил остальное вино и совсем взбесился. Все равно нам погибать, говорит, приведите бабу, погибать так, дескать, при женской ласке. Мы было принялись уговаривать. Ну, что ты с ним будешь делать? Пошли с Чалэшпусем бабу искать.

Лицо Уртема еще больше помрачнело. Однако Пожедан, изрядно захмелев, ничего не заметил. Помолчав немного, он долил в стакан самогонки, снова опрокинул.

— Вышли мы на Четаевскую дорогу, прошли так версты с полторы, видим — девченка пасет у оврага корову. Такая маленькая, круглоличенькая, лет шестнадцати, не больше. Прислонилась к плетню и тонким голоском поет. Увидела нас — сразу отскочила. Мы подошли поближе, а она побледнела вся, губы дрожат, в глазах страх. Видно, догадалась... Чалэшпусь заранее сообразил, что надо говорить. Издали кричит ей: «Кто тебе разрешил здесь пасти корову?» «А разве нельзя?» — спрашивает она дрожащим голосом. «Конечно, нельзя! Идем-ка к леснику, на месте лучше разбе-

ремся». Схватил девченку и потянул через канавку в лес. Та, понятно, заревела. «Молчи лучше, а то по уху получишь, сейчас так и тресну»,— припугнул Чалэшпусь. Она помертвела и онемела сразу. А он захватил ее покрепче подмышку и поволок дальше. Девченка время от времени только стонет.

Подходим к Махорке. Смотрим, лежит, положив ногу на ногу, курит, да глядит исподлобья. Ну, настоящий волк! Чалэшпусь подтолкнул к нему девку, а она споткнулась об пенек да и упала.

«Твой приказ исполнен!»—доложил Чалэшпусь.

Махорка ничего не ответил, головой в сторону кивнул: «Ступайте, дескать». Мы, конечно, поняли, отошли. Порядочно прошло времени. Вдруг слышим—выстрел раздался. Мы обратно побежали. Смотрим, на полянке лежит наша девченка, хрипит, бьется, как прирезанный цыпленок, из которого дух еще не вышел, все лицо кровью облито. Махорка спиной к нам стоит, в руке кольт держит. Так и не обернулся, только револьвером вперед показал: «Пошли»...—«А с этой что же делать будем?»—спросил Чалэшпусь. «Пусть лежит», ответил Махорка и, прихрамывая, направился в чащу.

— Зачем же он убил ее?— не удержавшись, спросил Уртем, наполняя и себе стакан.

— Искусала она ему руки, лицо поцарапала.

— Куда же вы потом направились?

— К вечеру добрались до опушки. Ночью Махорка к тебе хотел пойти, да раненая нога разболелась, пришлось залечь в лесную сторожку. Вот к тебе и послал. Наказал прислать патронов, да денег. Кто знает, говорит, может в другие края придется сматываться... Ты наше-то добро пристроил что ли, Уртем Лявонич?

— Нет еще, не успел.

— Эх, а сколько у нас его в этот раз было! Без остатка наверное вывезли, шайтановы дети.

Уртем опорочил свой стакан, поставил на стол.

— Стало быть, так у вас жизнь идет,—медленно и негромко произнес он, обдумывая создавшееся положение, теребя правую бровь, рыжей метелкой нависшую над глазом.

— Вот так и идет,—с готовностью отозвался Пожедан.

— Значит, «ни туда и ни сюда». Та-ак. Ну, а что он думает дальше делать?

— Не поддамся, говорит. Снова сил наберу и еще хлеще, дескать, красных громить буду...

Пожедан низко опустил голову и проговорил внезапно упавшим голосом:

— Будет ли толк? Видать, понапрасну я с ним связался. Сколько суд присудил — отсидел бы, а там, глядишь, вышел бы. А теперь уж назад дороги нет...

— Но-но, выбрось эту дурь из головы, — повысил голос Уртем, опять поднимая брови и глядя в упор холодными глазами. — Мы еще не со всеми рассчитались, кто нас в беду вогнал. Дай срок, доберемся, возьмем свое.

Пожедан весь сжался под взглядом Уртема.

— Я ничего... Я только подумал...

— Довольно, — грозно стукнул по столу Уртем. — Отправляйся немедленно обратно. Сколько патронов тебе дать?

— Штук триста.

— А денег?

— Давай побольше, сколько не жалко.

— А провизии возьмешь?

— Не помешает! — Вспомнив продолжительную голодовку в лесу, Пожедан повторил: — Не мешает, Уртем Лявонич.

Пожедан приладил за плечи приготовленную хозяином котомку, выпил прямо из горлышка оставшийся самогон и окончательно осоловел.

— Слушай-ка, Уртем Лявонич, — проговорил он заплетающимся языком, — а ведь мне далеко итти, верст двенадцать будет. Не подыщешь ли какую-нибудь лошадку?

— Лошадку? — переспросил Уртем. — Зачем?

— Верхом будет лучше. Быстрее доберусь. Народ больно злой стал: ни за что схватят. И сегодня со мной случай был, я тебе не успел сказать. Когда сюда шел, у Монъялов двое мужиков за мной погнались. Волей-неволей пришлось отстреливаться...

Уртем на минуту задумался, потом сказал, указывая за окно:

— Тут за оврагом, зайди-ка в третий двор. У них лошадь сейчас дома. Баба под вечер откуда-то вернулась. Но смотри, будь осторожен. Сзади, с огорода, калитка есть. В случае чего, я тебя не видел, не слыхал и не знаю. Сам понимаешь...

— Ну, чего тут говорить,— махнув рукой, ответил Пожедан.

— Махорке скажи: пока погода не утихнет — пусть не шумит. Найдется место, где такое время переждать.

— Ладно, передам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Негромко насвистывая знакомый мотив, Тарас шел вдоль улицы. Ночная тишина нарушалась звонкими трелями соловьев в садах. На улицах было темно и пустынно, только у караулки Тарас встретил женщину, гнавшую домой заблудившегося ягненка.

Вспоминая коротенькую записку Варук, Тарас подумал: «Интересно, что она хочет сказать?»

Дом девушки находился на самом краю деревни. Возле него уютно располагался палисадник с сиренью и рябиной, посаженными трудолюбивыми родителями Варук. Домашние постройки, ворота, изба—все сделано добротно, прочно, с умом. Недаром отец Варук слыл в деревне хозяйственным, толковым человеком.

Тарас еще за три дома увидел, что кто-то сидит у развесистых кустов садика.

«Видно, ждет»,— подумал он радостно.

Это и в самом деле была Варук, повязанная платочком по-русски, с накинутым на плечи сукманом из домотканной материи. Девушка грызла семечки.

— Ыра кась,— поздоровался Тарас, подавая руку.— Добрый вечер...

— Килех. Если не торопишься — садись,— проговорила она сдержанно, тоже протягивая руку, краснея и застенчиво улыбаясь белозубым ртом.

— Да, спешить вроде некуда,— ответил Тарас, присаживаясь на бревна около Варук.

— Хочешь семечек?

— Не откажусь.

Оба замолчали. Так, впрочем, всегда случается с теми, кто долго был в разлуке: сказать надо многое, а с чего начать — не знаешь.

— Ну, Варук, расскажи, как жила?—с трудом заговорил, наконец, Тарас, делая попытку прекратить неловкое молчание.

— Как жила? Обыкновенно. Работала. Никуда не ходила, с людьми старалась меньше сталкиваться,—

ответила она тихо, глядя на свои маленькие ноги, обутые в черные онучи и лапти, искусно сплетенные отцом из двенадцати лык специально для дочери-девушки.

— Почему ты перестала мне писать, Варук?—задушевно спросил Тарас.

Девушка кротко взглянула на него бархатистыми глазами и, виновато улыбнувшись, ответила:

— А ты все переезжал с места на место, ну я в адресах и запуталась.

— Я думал, что ты замуж вышла.

— Нужно очень семьей обзаводиться. Голодных и без того хватает. Себя еще не знаю как прокормить,— промолвила она, деловито смахивая шелуху с сукмана и строго поджимая губы.

— Не всегда так будет. Наладится жизнь,— успокоил Тарас, не сводя глаз с любимой девушки. Он оставил ее три года назад чуть не подростком, а теперь она стала серьезным взрослым человеком.

— Пора бы, а то уж очень тяжело с этими нехватками. Может быть, вы там, в дальних краях, и не замечали этого, а здесь ой как трудно было!

— Мы больше пережили, дорогая,— ответил Тарас, осторожно беря ее руку.— Бывало, по два-три дня еды не видели, по месяцам белье не меняли, по неделям с мокрыми ногами ходили. Смерть каждый день в глаза смотрела и рядом шла.

— Конечно, и вам не легко было,— сочувственно вздохнула Варук.

— Вот тогда вспоминалась домашняя жизнь. Теплая изба, горячая пища, родственники, друзья. И тебя часто вспоминал,— заглядывая девушке в глаза и крепко сжимая ее руку, проговорил Тарас.— Я правду говорю.

Варук смущенно опустила глаза.

— Я тоже о тебе помнила,— ответила она настолько тихо, что Тарас эти слова скорее понял по движению губ, чем услышал.

— А не забыла, о чем договаривались на прощании?

— Как забыть. Я жила этими мыслями. Зимой родители думали просватать меня, да не согласилась я. Свааты так и отступились.

Варук повернула голову к Тарасу, он молча обнял ее. Три года прошло, много воды утекло, много могло быть разных перемен, а у них все осталось попрежнему. И как тогда, в погожие весенние вечера, рука в руку,

сердце в сердце сидели они, обещая не забывать друг друга, так сидели и теперь, жереполненные теми же чувствами, и им думалось порой, что никакого расставания и не было вовсе.

— А как мать себя чувствует?—спросила Варук, помолчав.

— Как будто бы лучше.

— Я охотно забежала бы помочь, да боялась, что люди сплетничать станут. Знаешь ведь, в деревне любят точить языки.

— Поправится полегоньку. Это голод довел. А у вас дома все здоровы?

— Спасибо, здоровы.

Незаметно текли часы — за словами слова, за мыслями мысли. Долго сидели Тарас и Варук, делясь воспоминаниями и всем, что пришлось пережить за эти годы. Тихо кругом, ничто не шелохнется; с лугов уже потянуло утренним влажным воздухом, нежнее заблагоухали яблони и звонче запели соловьи, приветствуя зарю, а парень и девушка никак не могли расстаться. Им казалось, что мир создан только для них, что на всем свете только они одни. Склонив к себе Варук, Тарас поведал ей свои надежды на будущее, свои мечты: как надо будет налаживать по-новому жизнь в селе. И во всем понимала его девушка, слова Тараса были близки ее сердцу. В эту ночь он показался ей еще милей, дороже и родней. «Какой он хороший и умный...», — подумала Варук.

Скрипнула в доме дверь, кто-то вышел во двор.

— Надо уходить, поздно уж,—проговорила Варук, вставая.

— Посидим еще немножко,—удержал ее руку Тарас.

— И завтра можно посидеть.

— Ну, это особо.

Вдруг со двора послышался встревоженный голос Назара, отца Варук.

— Эй, кто там, что ты тут делаешь?

Никто не ответил, громко хлопнула калитка.

— Стой! Воры! Караул!—закричал вдруг Назар.—
Ловите!

Залаяли собаки. Забил колотушкой сторож.

При первом же крике, Тарас мгновенно перескочил через забор и вихрем помчался в огород. Столкнув-

шись с Назаром между грядами картофеля, отрывисто спросил:

— Где он?

— Оврагом уйти хочет!

Тарас устремился вперед, оставив далеко позади себя отца Варук, звавшего на помощь. Снова перескочив изгородь, Тарас заметил ускользящую тень.

«Все равно поймаю»,— подумал он, прыгая в овраг,—«лишь бы не потерять из виду».

Он побежал еще быстрее, но вор был тоже проворен и не давал настичь себя. Вот он свернул влево, промелькнул в овраге, затем, как кошка, стал карабкаться вверх, по крутому склону. Луна голубоватым, холодным светом обливала землю, кругом было ясно, как днем.

Тарас успел пробежать оврагом всего несколько шагов, как вдруг услышал револьверный выстрел.

«Ну, уж этим не напугаешь!»— подумал он, приостанавливаясь на мгновение и затем вновь бросаясь вперед.

Выбравшись из оврага, вор нырнул в рожь. Но озимь была еще низковата, и он не смог спрятаться в ней, а стал еще заметнее. Пробежав шагов пятьдесят, он остановился, опять выстрелил в Тараса и снова понесся вперед.

Погоня продолжалась довольно долго. Пожедан давно бросил в озимь тяжелую котомку, в револьвере патронов больше не было, оставалась одна надежда—собственные ноги, и потому он припустился бежать, что есть духу.

Пока они, стиснув зубы, продолжали свой бег, деревня поднялась на ноги. Всюду были слышны крики, лай собак и непрерывное хлопанье калиток. Люди, ничего не понимая, метались с улицы на улицу, спрашивали друг друга, но ничего толком понять не могли.

У оврага Алдана Пожедана стали покидать силы. Расстояние между ним и Тарасом все уменьшалось и уменьшалось, наконец, их разделяли всего лишь несколько шагов. Собрав последние силы, Тарас пригнулся, прыгнул сзади на вора и повалился вместе с ним на землю. Оба, извиваясь, катались по самому краю крутого оврага. Слышалось только тяжелое дыхание борющихся. Сверху оказывался то один, то другой,

руки каждого тянулись к горлу врага, никто не хотел уступать—обоим хотелось жить.

— Сюда!—закричал Тарас.—На помощь!

И оба, сами того не заметив, кувырком полетели в овраг.

Народ, услышав голос Тараса, сбежался на помощь, но к этому времени бандит, со скрученными назад руками, лежал распластанный на земле.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Трудно передать возмущение людей, сопровождавших пойманного бандита; из общего шума выделялись крики:

— Прикончить его сейчас же!

— Повесить!

— Скрутить хорошенько, а то убежит!

— Нечего ждать, удавить—и все!

Люди кричали, некоторые награждали бандита ударом кулака, другие пинком, а кто и палкой. Пожедан тщетно увертывался от ударов, наконец взмолился:

— Христа ради не убивайте!

Но мольбы еще сильнее разжигали и ожесточали обозленных людей.

— А-а, заскулил? А вы-то сами, окаянные головы, жалели нас? Сколько душ невинных погубили! Сколько слез пролито из-за вас!

Тарас понял, что расправа к добру не приведет, начал увещевать народ:

— Не бейте его, товарищи! Советская власть не разрешает самосудов. Он по закону ответит!

— Нечего ждать! Сами расправимся!—продолжали раздаваться голоса.

Около самой деревни к толпе в больших подшитых валенках, почесывая грудь, подошел Иливан, секретарь сельсовета. Народ затих.

— Где вор, который?—спросил он слегка гнусавя и поддерживая на носу спадающие очки.—Этот, что ли? Что он украл, прохвост эдакий?

— Лошадь у Назара хотел увести!—ответил из толпы возмущенный голос.

— Ах, подлец! Ах, подлец! Ну, идемте со мной, там разберемся.

Светало. Вора подвели к сельсовету. Лицо его было исцарапано, одежда порвана в клочья. Он боязливо озирался по сторонам, опасаясь быстрого и беспощадного мирского суда.

— Где председатель?—спросил у секретаря Тарас.

Иливан нехотя повернул в его сторону голову.

— На Воротынский базар еще третьего дня уехал,— ответил он, глядя вверх очков.

— Надо за милицией послать.

— Успеем, сначала сами, по-домашнему допросим,— возразил Иливан.

Тарас удивился:

— Допросы не по-домашнему, а следственные органы производят.

Иливан сдвинул очки на самый кончик носа и смеялся Тараса с ног до головы презрительным взглядом.

— А ты кто? Учитель, что ли, нам? Сами хорошо знаем, что делать, товарищ солдат! В деревне мы сами власть!—проговорил он более грозным тоном, потеряв прежнее спокойствие.

По приказанию Иливана сторож вынес из сельсовета стол, и секретарь, важно усевшись за него, принялся развертывать папку с бумагами.

Воспользовавшись минутой, Тарас отозвал в сторону Исаю и сказал вполголоса:

— Слушай, друг! Тут дело скверно может кончиться. Иливан держится что-то подозрительно: не хочет вызывать милицию. Сейчас же седлай коня и скачи в волость. Пусть пришлют милиционеров. Спросят, почему ты без бумажки, ответь—председателя нет дома. Давай, поезжай скорее!

Исай кивнул головой в знак согласия и побежал домой. Тарас вернулся к столу.

Секретарь, не спеша порывшись в папке, достал какой-то желтенький листочек бумаги, протер очки, погладил куцую, рыжеватую бороденку и согнутым пальцем поманил бандита.

— Ну, граждане, давайте арестантика поближе,— нараспев проговорил он, опершись обеими руками на край стола и кисленько улыбаясь.

Пожедан, получив в бока несколько тычков, сразу очутился у стола, остановился, не сводя с Иливана глаз.

— Скажи по правде, кто ты?—громко спросил секретарь, так же пристально глядя на ответчика.—Смотри,

правду говори! А то мы тебя сейчас на этой ветле повесить можем.—И, сложив губы в ехидно-сладкую улыбочку, добавил, словно притворно приглашая в гости:—Слышал?

Бандита передернуло, но он нахмурил брови и промолчал. Иливан подождал немного, потом наклонил голову на бок, спросил, заглядывая в самое лицо бандиту:

— Ну, сказывай, сказывай, голубчик! Кто ты, откуда?

Тот продолжал молчать.

— Или умереть торопишься, дружок?

Елейный, тихий голос Иливана вывел, наконец, Пожедана из терпения. Он шагнул вперед, шумно вздохнул, как загнанная лошадь, процедил сквозь стиснутые зубы:

— Что спрашиваешь, или не узнал меня?

Иливан мгновенно вскочил на ноги, лицо его сделалось багровым, на лбу выступили капли пота, а узкие глаза стали колкими и трусоватыми.

— Что ты сказал?—спросил он, наклоняясь через стол.

— Не узнаешь разве, говорю? Смотри, тогда, получше. Пожедан я,—отчетливо ответил бандит, принимая вызывающий вид.

— Какой такой Пожедан?

— Все такой же. И ты меня прекрасно знаешь,—еще отчетливее и громче выговорил бандит. Хмель давно вылетел у него из головы, и лицо горело злобой.

— Ах ты, собачья смерть!—завизжал Иливан, не по возрасту проворно выскакивая из-за стола. Руки его тряслись, и глаза налились кровью.—А откуда я тебя могу знать, бандитская рожка? Что ты меня попусту позоришь при народе?!

Уснастив речь трехэтажным ругательством, он подскочил к Пожедану. Звонкая пощечина огласила воздух.

— Не бей, Иливан!—угрожающе воскликнул Пожедан, густо краснея и отступая назад.—Или ты забыл, как мы с тобой пили да гуляли? Сколько денег ты получил с нас за свои фальшивые бумажки? Эх ты, свинья! Встань-ка лучше рядом со мной перед народом, да повинись!

Иливана точно камнем кто ударил по голове. Он остолбенело оглядел народ, потом закричал бабьим тонким голосом:

— Врет он все! Пустое болтает! Я никогда с ним не встречался. Хочет оклеветать меня, да спасись. Убить его надо! Сейчас же убить!

— А ты забыл, сколько прошлый раз, в Монъяле, миллионов с нас взял,—с ненавистью добавил Пожедан.—Помнится, я сам тебе их передал!

— Врет, врет!..

Иливан еще что-то хотел добавить, но, сообразив, как плохо для него оборачивается дело, не нашел других слов, только завопил во весь голос, стараясь перекричать бандита:

— Ах, Иуда!

Толпа, пораженная неожиданным признанием Пожедана, разразилась новыми криками:

— Вот, шайтан!

— Вместе нашей кровью торговали!

— Связать и этого!

— Повесить обоих!

Толпа, сгрудившись, угрожающе стала приближаться к столу. Иливан вскочил на скамью, с ужасом прижался к углу дома. Лицо его из багрового стало смертельно бледным.

— Это не я! Я не виноват! Он клеветает!

Над его головой пролетел кирпич, Иливан едва успел уклониться.

— Перестаньте!—закричал Тарас, тоже вскакивая на скамейку.—Расступитесь! Сейчас придет милиция и разберется!

Народ утих. Но вскоре опять поднялся такой гвалт, что трудно было разобрать, только слышались отдельные выкрики:

— Давай, Тарас, делай допрос сам!

— Пусть при народе расскажут!

— А если не скажут, заставим!

Тарас, чтобы успокоить возбужденных людей, начал задавать вопросы. Сперва обратился к Пожедану:

— Ты кто такой, откуда здесь взялся?

— Из дому.

— А где твой дом?

— В бору, на каждом юру.

— Э, да ты, видать, большой шутник. Из Махорки-
ной банды, что ли?

— Ну, скажем, оттуда.

— Где он сейчас?

— Знать не знаю, ведать не ведаю.

— Не ври. Тебе же будет хуже. Говори правду, где
Махорка?

Пожедан на минуту замолк, потом, собираясь что-то
сказать, раскрыл рот, но тут кто-то ударил его по за-
тылку гирькой, привязанной на цепочку. Бандит пова-
лился, не успев даже охнуть. Толпа с ужасом отступила.

— Кто ударил, кто?—крикнул Тарас.—Скажите,
люди, кто его ударил?

Никто не ответил, все стояли молча, будто набрав
в рот воды.

Никто не заметил, как Лява Уртем вышел осторож-
но из толпы и свернул за угол.

Когда труп положили на скамью, подъехали два ми-
лиционера.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Милиционеры задержались до самого вечера, произ-
водя следствие и отыскивая убийцу Пожедана. Иливан
от всего отрекался, повторяя, что бандит хотел оклеве-
тать его. Домашний обыск у секретаря тоже ничего не
дал.

В сумерки приехал врач, вскрыл труп и, установив,
что смерть произошла от повреждения мозга, дал разре-
шение на похороны.

Уже совсем стемнело, когда милиционеры, усадив
в телегу Иливана, поехали обратно, наказав Тарасу,
чтобы он вместе с членами сельсовета на другой день
утром явился в волость.

Домой Тарас вернулся поздно вечером. Микуль уже
успел рассказать матери о вчерашних приключениях
брата.

— Смотри, ывалэм, будь осторожнее, не случилось
бы чего. У нас есть злые люди,—предупредила мать,
ласково оглядывая сына.

— Не тужи, анне, ничего не будет,—уверенно отве-
тил Тарас.—Лучше скажи, как себя чувствуешь? У меня
сегодня и времени не было навестить тебя.

— Легче стало, ывалэм. Ты вернулся, мне и умирать
теперь не хочется.

— А разве ты до меня умирать собиралась?—улыбаясь, спросил Тарас.

— Думала, не поднимусь.

— Теперь раздышимся, анне. Вот увидишь, до ста лет доживешь, а умирать все-таки не захочется.

— Может, так и будет. Хоть остаток жизни прожить бы по-человечески.

Тарас улегся в сених, но сон не шел к нему. Мысли о последних событиях не давали ему покоя. Ох, как много придется поработать, чтобы повернуть деревню на новый путь! К утру, чуть вздремнув, он вскочил при первом шелкании пастушьего кнута. Поразмяв мышцы легкой гимнастикой и вымывшись по пояс холодной водой, он спросил о здоровье матери, потом, наскоро позавтракав вместе с ней, зашагал в волость.

Пришел туда рано. Занятия в волисполкоме еще не начались. Тарас, в ожидании, устроился в коридоре на скамье и развернул газету.

Очень интересные и важные события происходили на белом свете. Страна начинала залечивать раны, нанесенные царской и гражданской войнами. Здесь восстановлена и пущена в ход фабрика, там перекинут новый мост через реку, из других мест сообщают об увеличении посевов, о налаживании железнодорожного движения. Прекрасное начало для молодой республики! И всюду чувствовалась руководящая, заботливая рука партии. Враг еще бешено сопротивлялся, но уже чувствовалось, что силы его надломлены.

Вскоре в помещение вошел пожилой человек с курчавой бородой, в кожаном пиджаке, с брезентовым портфелем подмышкой. У двери с надписью «Волком РКП(б)» он остановился и, обернувшись, спросил Тараса:

— Из какой деревни будешь?

— Из Эндрияла.

— Не Николаев ли Тарас случайно?

— Он самый.

— Слышал, слышал, заходи ко мне.

Тарас, следуя за ним, вошел в маленькую комнату и сел на колченогий стул.

— От кого же вы могли услышать обо мне?—удивился Тарас.—Я ведь домой-то вернулся только три дня назад.

— Земля слухом, друг, полнится,—улыбнулся секретарь волкома.—Ну-с, дорогой, надо за работу браться. Понимаешь, людей нехватает, мы очень рассчитываем на твою помощь. Дел много, никак не успеваем. Ты в Красной Армии хорошую школу прошел. На кого же, как не на вас, демобилизованных, нам рассчитывать?

Он стал что-то отыскивать в портфеле.

Тарас осмотрелся. На бревенчатых стенах, почерневших от времени, рядом с портретом Ленина и Маркса висели плакаты—свидетели борьбы страны с врагами: «Долой помещиков и кулаков!», «Пролетарий, на коня!», «Все на Врангеля!». Тарас вздохнул, подумав: «Много, очень много борьбы и работы впереди. Врангеля нет, но есть еще Уртем Лява, Махорка...»

Секретарь волкома, наконец, нашел нужную бумажку, положил ее перед собой на стол, тоже глубоко вздохнул.

— У меня сегодня горе большое, товарищ Николаев. Бандиты сестренку убили. Ходила в лес корову пасти и пропала. Два дня искали, как в воду канула. Вчера сосед лыки драть ходил, да и наткнулся на нее. Очень жалко. Всего шестнадцать лет на новый год девочке исполнилось. В висок ей выстрелили...

Тарасу живо представилось вчерашнее событие в деревне и он проговорил, стискивая кулаки:

— Надо кончать с этими гадами!

— Да вот, неделю назад, рассеяли банду Махорки. Ну, а сам-то снова удрал. При нем еще, видать, несколько человек осталось.

— У нас вчера одного поймали.

— Ну-у? Каким образом поймали?—сразу заинтересовался секретарь и даже папироску закурил от волнения.

Тарас рассказал все по порядку.

— Н-да... Удивительно...—задумчиво проговорил секретарь, растягивая слова.—Бандита сзади убили... подозрительно. Это сделано, надо считать, неспроста.

— Я и сам так думаю.

— Говоришь, убили, когда он признаваться начал?

— Да.

— Ну, тогда понятно, это его кто-то из их же шайки прихлопнул.

Тарас удивленно вскинул глаза на секретаря.

— Почему вы так думаете?

— Не так уж трудно догадаться. Чтобы других не выдал,—убежденно ответил тот.

— Может и так,—пожал плечами Тарас.

— Ну, разумеется. Поверь старому чекисту!—И, подсев ближе к Тарасу, продолжил:—Надо постараться у этого чинуши-секретаря сельсовета выжать побольше сведений, тогда и дальнейшие связи обнаружатся.

Оба помолчали в раздумьи. Потом Тарас, вспомнив про Казяра, проговорил:

— Да, вот еще беда: у нас председатель неизвестно куда задевался.

— И его придется хорошенько прощупать. По моим сведениям—темный человек. Секретарь один делать ничего не мог. Дела велись сообща. И если даже председатель ни во что и не вмешивался, все равно виноват. Печать должна находиться в его руках, а Иливан фальшивых удостоверений без печати выдавать не мог.

— Правильно,—согласился Тарас, проникаясь все большим уважением к опытности и зрелым рассуждениям собеседника.

— После такого случая в вашем сельсовете придется сделать ревизию. Мы вышлем специальную комиссию. Если будет возможно, я и сам загляну.

— Ну, а как насчет работы с молодежью?—спросил секретарь после непродолжительного молчания.—Можно ее организовать?

— Начинаем понемногу.

— Пора, брат, как следует браться за дело.

И он, забыв о личном своем горе, начал советовать Тарасу, с чего начать работу.

— Коммунистов в вашей деревне пока что нет. Вот и организуй комсомольцев, бедноту вокруг себя сплоти. Трудно будет, не скрываю. Поддержим. Революцию мы делали для того, чтобы всю нашу жизнь перестроить и привести страну к социализму. Но социализм сам собой не придет, он требует приложения наших усилий. Большие усилия потребуются. Но и сил у нашей партии не мало. Нас большинство народа поддерживает. Так товарищ Ленин учит.

Легче, светлее на душе у Тараса становилось от этих слов, более уверенным чувствовал он себя.

В кабинет вбежал мальчик лет двенадцати. Задыхнувшись от быстрого бега, он выпалил скороговоркой, вытирая нос рукавом:

— Иван пичче... это самое... Тебе на почту притти велели... Скорее, сказали... Из города по телефону звонят, сказали.

Секретарь волкома, поднявшись из-за стола и надевая фуражку, проговорил:

— Беги и скажи, что сейчас приду.—Повернувшись к Тарасу, добавил:—Вот так, товарищ Николаев. Разворачивайте дело. Поможем, надежных людей, где надо, поставим. Но и ты тоже не спи, будь на-чеку. Не забудь насчет молодежи и бедноты. Будь здоров.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Махорка и Чалэшпусь, дожидаясь приятеля, отсиживались в лесной сторожке. По их расчетам, он должен был вернуться к рассвету; но настало утро, потом полдень и, наконец, вечер, а его все не было. Махорку мучил голод, досаждала больная нога, и он злился пуще лютого зверя.

— Только бы вернулся, задам я ему!

— А не удрал ли он от нас?—выразил догадку Чалэшпусь, раздраженно ковыряя ножичком скамейку.

— Не может этого быть, куда такой дурак без нас денется?

— А если попался?

— Шайтан его знает!

Вдруг около избы послышались осторожные шаги. Оба бандита мгновенно вскочили со скамеек и, выхватив револьверы, встали с обеих сторон двери.

«Он или не он?»

Человек вошел в сени, потом осторожно потянул дверь и, отворив ее, поставил ногу за порог. Полумрак в сторожке не позволял разглядеть лица вошедшего, но в том, что это не Пожедан, можно было не сомневаться: тот обязательно подал бы голос. И Чалэшпусь, не рассуждая, ударил непрошенного гостя рукояткой револьвера по голове, повалил наземь и, придавив его своим тяжелым телом, прохрипел:

— Не смей кричать!

Махорка зажег спичку, поднес ее к лицу пленника и узнал члена своей же шайки—Шишку.

— Как ты сюда попал?—сурово спросил Махорка.

— Я и сам не знаю,—ответил Шишка, поднимаясь и поправляя порванную рубаху.—Как ты здорово стук-

нул, дьявол!—покосился он в потемках на Чалэшпуся.— Я в лесу целых три дня уже шатаюсь. Даже наган где-то потерял. Нет ли у вас чего пожрать?

— Нет.

— Тогда дайте хоть покурить.

— Вот дергай мох из пазов да кури.

— Э-э, вы, значит, тоже в святые вышли?

— Потерпи, может быть Пожедан что-нибудь принесет,—успокоил Чалэшпусь.

Приятели уныло расположились на скамейках.

Прошло несколько часов, но Пожедан так и не вернулся.

— Ну, ждать дальше бесполезно. Пошли. Засыпался, видать, где-то,—сказал под конец Махорка.

— А куда пойдём?

Махорка был зол и потому немногословен.

— Придешь—увидишь,—бросил он отрывисто.

Выйдя из избы, они спустились в овраг и зашагали вдоль него. Махорка с трудом передвигал раненую ногу, сопровождая каждый шаг отборными ругательствами и проклиная весь свет. Он надеялся к утру дойти до Эндрияла; но скоро стало светать и им поневоле пришлось переждать весь день в пустующем мякиннике, за околицей деревни. Махорка, сидя в полумраке, изредка нарушал общее молчание злой бранью.

Вечером в деревне затихло. Бандиты осторожно выбрались из своего укрытия. Зашли они во двор Лявы с огорода.

Уртем как будто давно их дождался: сразу повел в чулан на верхнем этаже—самое укромное место во всем доме.

— Дай что-нибудь выпить, да покорми-ка нас,—сразу же заявил Махорка, совершенно обессилевший от голода.

Уртем принес самогонки, хлеба и большое блюдо разной снеди. Махорка сам налил себе стакан самогонки и, залпом выпив мутную жидкость, голодным волком набросился на еду; торопливо спросил:

— Пожедан приходил?

— Побывал, да без толку,—ответил Уртем, искоса поглядывая на Махорку.

— Что так?

— Поймали да прибрали.

— Дурак!—злбно сплюнул Махорка.—Ну, а в округе что слышно? Знают, что нас потрепали? Все уже известно?

— Знают. Рады все.

Лицо Махорки искривилось недоброй усмешкой.

— Раненько радоваться начали. Постой, дай срок, поправлюсь—снова возьмусь и тогда устрою им радость.

Он выпил еще стакан самогона, продолжая, не отрываясь, жевать.

Когда бандиты утолили голод, Уртем потихоньку отозвал Махорку в сторону и шопотом рассказал историю с Пожеданом.

— Чисто сделано,—одобрил Махорка, выслушав Уртема и нисколько не жалея убитого.—Кто, говоришь, поймал-то его?

— Сын вдовы Хведюся—Тарас, который из армии недавно вернулся.

— Заняться им надо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вернувшись из волости, Тарас сейчас же встретился с Мигишем, договорился вечером собрать молодежь.

Ребята заходили в школу неуверенно—не все знали, для чего их пригласили, о чем будут говорить. Явилось больше двадцати парней. Девушек пришло только две: Варук и Марина, хотя приглашали многих. Подруги попытались было посмеяться над ними, да Варук сразу отрезала:

— А разве девушки не люди? Разве мы не сами свой хлеб зарабатываем?..

Когда все уселись, Тарас, посмотрев на внимательные и настороженные юные лица, заговорил:

— Товарищи, мы пригласили вас для того, чтобы поговорить о нашей жизни. В некоторых селах молодежь давно проводит свои собрания, принимает участие в общественных делах, ведет культурную работу. А наша деревня Эндрьял отстала. Мы сегодня собрались в первый раз и должны подробно побеседовать обо всем.

Тарас говорил о невыносимой жизни крестьян и молодежи при царском режиме, объяснил, почему произошла рабоче-крестьянская революция, о том, как советская республика боролась с окружающими врагами и сколько героизма проявила в этой борьбе трудовая мо-

лодежь. У него нашлось немало красочных фактов, которые он сам видел на фронте. Он говорил также, что борьба ведется за социализм—за счастливую и радостную жизнь, где не будет ни помещиков, ни кулаков, где каждый будет трудиться для себя, для общей пользы народа.

Такие беседы проводились в Эндрияле не часто. Юноши и девушки слушали Тараса, затаив дыхание, не шевелясь. Но только не все еще могли понять, что от них сейчас требуется.

— Восстановлением жизни в советской стране руководит коммунистическая партия,—продолжал Тарас.— Она является передовым отрядом рабочего класса, руководительницей и верным другом крестьянской бедноты и середняков. Кроме того, есть молодежная коммунистическая организация, которая сокращенно называется РКСМ. Вы слышали о ней?

— Слышали,—отозвались неуверенные и негромкие голоса.

— Этот союз является первым помощником партии, работает под ее руководством и ей помогает.

Далее Тарас рассказал, как мог, о роли и задачах комсомола:

— Комсомольская молодежь должна умножать свои знания, повышать культуру и быть передовой во всяком новом деле. Она должна принимать горячее участие в восстановлении хозяйства страны, в борьбе с внешними и внутренними врагами. В деревне первый враг бедноты и середняков — кулак. Без поддержки кулаков и белых бандитов не было бы, и Махорка не появился бы. В первую очередь комсомольцы должны помочь партии и советской власти в борьбе с кулаками и бандитами.

Помолчав минуту и, обеда взглядом еще более притихнувшее собрание, Тарас добавил:

— Организация РКСМ уже есть во многих деревнях. Вот, к слову, в Уйкассах ячейка комсомола энергично взялась за работу. Мы, несколько активистов из молодежи, тоже думаем создать такую ячейку и приняться за дела, о которых я говорил. Но предупреждаю вас заранее, товарищи: это добровольная организация и силой туда никто не записывает. Кто пожелает, тот сам вступит. Вот так. Если что неясно—спрашивайте, я объясню.

Молодежь переглядывалась, но молчала. Минуты через две откуда-то сзади послышался громкий голос:

— А если мы вступим, какое жалование за это будет?

Все сразу обернулись. Вопрос этот задал Микстур Михали, сын самогонщицы, про которого в деревне со смехом говорили, что у него в голове дырка.

— Жалование тебе будут давать тысячу рублей в день,—насмешливо ответил один из парней.

По классу пронесся веселый гул.

— Я не шутя, а в самом деле спрашиваю,—поднялся на ноги обиженный Микстур.—Мне вот хорошенько одеться, обуться охота—потому и пришел.

Парни и девушки дружно расхохотались, Тарас едва утихомирил их. Он укоризненно посмотрел на Мигиша: зачем пригласил такого отсталого парня?

Но потом посыпались и более дельные вопросы: будет ли комсомол защищать молодежь, работающую у кулаков батраками? Будут ли ставиться в Эндрияле спектакли? Нельзя ли наладить обучение неграмотных?

Молодежь нетерпелива. Сразу хотелось многого. И Тарас отвечал, что всего сразу сделать нельзя, но требования эти справедливы, и ни кому другому, а самим надо добиваться желаемого. В этом и есть задачи комсомола.

Когда вопросы стали иссякать и делаться однообразными, Тарас перешел к главному:

— Ну, товарищи, наговорились, кажется, вдоволь. Теперь, как будто, все ясно. Кто же все-таки хочет вступить в комсомол? Не стесняйтесь, говорите!

В классе вновь водворилась тишина. Ребята опять начали переглядываться между собой, а девушки опустили глаза. Даже Мигиш не сразу мог ответить на этот вопрос.

Тарас обратился вторично:

— Кто же, товарищи? Говорите смелее.

Наконец Мигиш, сидевший прямо на полу, решительно поднял руку:

— Пиши меня!

Тарас наклонился над столом.

— Еще?

— Меня!—выкрикнул Исая из-за спины Мигиша.

— Я... Петров Арсений...

— Ну, лед сдвинулся,—улыбнулся Тарас.—Теперь пойдет... Чем больше нас будет, тем легче работать.

— Меня, Скворцова Ивана.

— Зайцева Николая.

— Ильямакова Петра.

— А чего это девушки молчат?—обратился Мигиш.—Варук, Марина, что вы языки прикусили?

— Мы немного подождем,—зардевшись ответила Марина, смущенно закрываясь рукавом.

Варук добавила:

— Мы с вами будем, только записываться пока подождем, посмотрим, как у вас дело пойдет.

Всего изъявило желание вступить одиннадцать человек.

— А себя-то записал?—послышался задорный голос Ильямакова Петра, самого молоденького из ребят, лицо которого было густо усеяно веснушками золотистого цвета, похожими на чечевичные зернышки.

— А и впрямь себя-то позабыл,—рассмеялся Тарас, опять наклоняясь над столом.—Вот хоть внизу запишу. Теперь для руководства ячейкой выберем бюро из трех человек. Кого думаете выбирать? Намечайте кандидатов, но голосовать будут только те, кто заявил о желании вступить.

Послышались голоса:

— Мигиша!

— Тебя самого!

— Колю, Арсюка!

— Исяя!

— Хватит, прекратим запись.

При подсчете голосов, избранными оказались Тарас, Мигиш и Коля.

Закрывая собрание, Тарас сказал:

— Может, и не совсем по форме мы провели организацию нашей ячейки, может быть, в чем правила нарушили. Тут я и сам хорошенько еще не разбираюсь. Вот съезжу в волость, в город, чтобы утвердить ячейку. Там скажут, как надо все это оформить.

Молодежь с шутками и смехом высыпала из школы. Но вдруг все замолчали. На улице представилось неожиданное зрелище: под конвоем двух милиционеров шел Казяр Кузьма, председатель сельсовета. Всегда гордый и недоступный, пренебрежительно относившийся к односельчанам, Казяр шел, не глядя на людей, сторбившись и воровато отводя глаза от любопытных взглядов молодежи.

— И этот попал!—покосился Мигиш на проходивших.—Нашлась и на него управа,—добавил он удовлетворенно.

— Наверное, из-за Иливана,—высказал кто-то догадку.

— Как знать, а может и сам наработал?—отозвался Мигиш.

— Вместе орудовали.

— Вместе и отвечать будут.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Весть о молодежном собрании облетела деревню на другой же день. Кулаки стали говорить, что Тарас насильно записал молодежь в коммуну. Болтали разный вздор, что попало.

Лява Уртем, услышав про собрание, сейчас же сообщил об этом Махорке. Тот посоветовал поддержать сплетни.

— Такие ячейки и нам помешают и дальше ростки пустят, лучше сразу затоптать их начисто.

И началась кулацкая работа. По деревне поплыли слухи и сплетни, одни нелепее других. Комсомольцев изображали худшими людьми на свете.

Утром у колодца две деревенские кумушки полощут белье в длинных корытцах, а попутно перемывают косточки комсомольцам. Хлипают холщевые рубахи в ловких руках баб, летят брызги в разные стороны, разносятся глупые выдумки во все концы села:

— Ты слышала, Марёк, молодежь-то куда записалась?

— Да ведь, говорят, Тарас обманом записал.

— Отречься от бога поклялись.

— Потом их будто бы повезут куда-то.

— Ага, только на каждом сначала сделают метку.

— Там, слышь, и девки были!

— Чьи же это бесстыдницы?

— Варук с Мариной, говорят.

— Завернуть бы вертушкам подолишки, да крапивой, крапивой!

Поджав губы оборочкой и осуждающе качая головой, обе сплетницы нехотя расходятся по домам, перекинув через плечи тяжелые коромысла с мокрым бельем.

В маленькой избенке разговаривают мать с отцом:

— Ванюк не пришел еще?

— Нет, с утра где-то носится, бездельник.

— А не отправился ли записываться к Тарасу?

— Не должно бы.

— Ну, если записался, сегодня же прогоню из дома.

Я ему покажу!

Рано утром к Тарасу прибежал взволнованный Ильмаков Петр.

— Слушай, Тарас, выключи меня из комсомола,— вымолвил он дрогнувшим голосом.

— Почему это?

— Да так...—замялся парень.

— Как это так? Скажи, что случилось?

— Дома ругаются, беда! Отец вечером пригрозил— домой не пушу, говорит. А куда я пойду, если из дома выгонят? Прошу тебя, Тарас Петрович, вычеркни.

Тарас удивленно посмотрел на него. Лицо Петра горело красными пятнами смущения, даже веснушки незаметными стали; ресницы дрожали, словно парень был готов заплакать. Тарас недоуменно пожал плечами, сказал с сожалением:

— Ладно, если так получилось, вычеркнем. Знаю я, чьи это проделки. Зря твой отец слушает вздорные сплетни. Поживем, увидим, конечно. Убедится твой отец, что от хорошего тебя отговаривает. Ну, что же, потом обратно запишешься, желающих поступить будет много. Вспомни мои слова.

— Правильно, согласен. А пока мое имя лучше выключи,—настойчиво повторял парень, избегая осуждающего взгляда Тараса.

Потом пришли еще двое, прося о том же. И этих сбили с толку родители, запуганные кулацкими сплетнями.

— И хотели бы, Тарас Петрович, да не можем...

— Ничего, кроме добра, я вам не желал. На мой взгляд, вы попусту струсили.

Но ни объяснения, ни укоризны не помогли. Тарас вынужден был отступить.

— Бывают же такие неустойчивые ребята!—огорченно он развел руками, проводив обоих.

Вскоре опять скрипнула дверь, зашел Мигиш.

— Добрый день,—поздоровался он, проходя к столу.

— То-то вот не очень добрый,—ответил Тарас, подавая руку,—просто никуда не годится, надо сказать.

— Что случилось?

— Еще не знаешь? Некоторые вчерашние комсомольцы сегодня задний ход дают. И ты, случайно, не выпиваться ли явился?—с горькой улыбкой спросил Тарас.

Мигиш, бросив картуз на скамейку, обиженно посмотрел на Тараса:

— Не смейся, друг! Этого со мной никогда не случится, если хочешь знать. Тебе не доводилось слышать, как умер мой отец?

— Нет...

— Он погиб во время комбедов, после кулацких побоев. Умирая, он дал мне наказ: «Продолжай мое дело, стойко борись за народ». Его слов мне никогда не забыть. Отец погиб в борьбе с кулаками, и разве я оскорблю его память? Нет, я не боюсь трудностей!

Тарасу пришлось по душе пылкие и честные слова юноши. Он мягко улыбнулся и ласково потрепал его по плечу.

— Я пошутил, Мигиш, не сердись на меня.

Оба замолчали, каждый занятый невеселыми мыслями. Тишину первым нарушил Мигиш.

— Что же, все-таки, делать будем, Тарас?

— Что делать? Работать будем,—твердо ответил тот.—Если по-деловому рассудить, то у нас ничего особенного и не произошло. Отсеялись пока что самые неустойчивые. От них проку, пожалуй, и не было бы. Постепенно и они вернутся.

Снова хлопнула калитка и в окне промелькнула нескладная фигура Хомута.

— Интересно, с какими вестями жалует?—проговорил Тарас,—наверно, относительно сына.

Предположение оправдалось. Переступив порог, Хомут, не поздоровавшись, сразу же сел на скамейку возле печи, сердито посмотрел на обоих и глубоко вздохнул.

— Какие новости, Эндри пичче?—обменявшись с Мигишом понимающим взглядом, спросил Тарас.

— Особенного ничего нет,—сурово отозвался Хомут.—Я насчет сына пришел.

— Насчет сына? Разве что-нибудь случилось?—спокойно спросил Тарас.

— Пока еще нет, но может случиться, если слушать некоторых краснобаев и за ними без оглядки итти,— ответил Хомут раздраженно.— Мало того, что сами ум потеряли, надо еще и других за собой тянуть.

— Это ты про что, Эндри пичче?

— Все про то же!—вскочил со скамьи Хомут.— Про вас! Про ваши выходки! В какую это артель вы записали моего сына? Какое право имели обманывать не-смышленного мальчишку?

— Стой, Эндри пичче, говори толком...

— Прошу не называть меня так. Я тебе не пичче, а ты мне не племянничек, говорить много нам не о чем. Мой разговор короткий: вычеркни моего сына. Не имеешь права неволить!

— Но ведь силой никто не записывал,—проговорил Мигиш.

— Не записывали! А что он понимает, глупая овца. Набрехали ему три короба всякой всячины, вот он и поднял руку. Язык у вас без костей, мелет...

— Брехуны не мы, а те, кто распускает глупые слухи.

— Не желаю я с вами разговаривать. Вычеркните— и все тут. А если еще с кем такую штуку состроите, другому поговорим!

— Какую это штуку?

— Если начнете детей от родителей отделять, да восстанавливать против старших, вот что!

— Да кто же так делал? Ты послушай-ка, Эндри пичче!

— И слушать не хочу!

Хомут, разгорячившись, громко выругался. Губы его тряслись, глаза горели гневом. Он уже не отдавал отчета в своих словах и поступках.

Тарас, выведенный из терпения, хотел было осадить его, но все же сдержался.

Высказавшись без передышки, Хомут сейчас же остыл, достал трубку из кармана и начал сердито выстукивать из нее пепел.

— Садись-ка, Эндри пичче. В ногах правды нет, говорят. Обсудим все по порядку, спокойно. Кричать и я умею, да что толку? Нас здесь немного, мы и так услышим друг друга. На, закури!

Спокойная речь Тараса, говорившего так, словно и не произошло ничего, образумила Хомута, и он снова сел на край скамейки.

— Мне, Эндри пичче, хочется сначала втолковать тебе: кто ты и кто я,— промолвил негромко Тарас, тоже закуривая и обволакиваясь легким дымом.

Хомут, упорно глядевший под ноги, поднял голову, обратил на него удивленный взгляд.

— Никак в толк не возьму, что ты хочешь сказать,— сказал он нерешительно.

— Хочу вот что сказать... Я тебя очень хорошо знаю, Эндри пичче. Ты весь век проработал, как лошадь, а довольства и сытости не видал. То одного нет, то другого нехватает. Не только пирушки устраивать да гостей собирать, ты и сам-то в праздник мяса с маслом не едал и каждую весну к богатеям занимать ходил. Никогда ты радостей не видел, в темноте жил. Правду я говорю?

— Пусть будет так,— хмуро отозвался Хомут, все еще не понимая Тараса.

— Моя семья тоже хорошей жизни не видела: после смерти отца каждый год хлеба на семена не оставалось. Тебе это тоже известно.

— Знаю.

— «Уважаемые» люди на деревне, вроде Лявы, нас за людей не считали, мы были для них вроде скота. Когда они шли по середине улицы, мы, увидев их, к плетню жались. Не так ли?—отгоняя ладонью дым в сторону, дружелюбно спросил Тарас.

— Это, конечно, правильно, но к чему все это?—почесывая затылок и окончательно смягчаясь, промолвил Хомут.

— Мы одинаковые люди, и я не зря хочу напомнить о нашей бедняцкой судьбине.

— Я ее и без того знаю.

— Мало знать, Эндри пичче, надо разбираться во всем, выход искать. Если мы бедняки, зачем же нам спорить? Разве есть причина?

— Какая тут может быть причина?

— Правду сказал,—беднякам не к чему ссориться, лучше жить одними мыслями, объединиться и помогать друг другу. Нас власть так учит. А по-твоему как, Эндри пичче?

— Конечно, лучше нам заодно думать. Старинная пословица не зря говорит: «Одна капля дождя высохнет, ливень пройдет — озеро будет».

— Так вот и поразмысли: как ты считаешь, разве мне хочется тебе зло сделать?

— Да как будто бы нет.

— Тогда договаривай, что ты обо мне думаешь...

Встретившись взглядами, оба пристально посмотрели в глаза друг другу.

— Лучше ты договаривай,— сказал Хомут.

— Ладно. Ты меня обругал за сына, потому я и завел этот разговор. Считаешь, что его обманом втянули в какую-то дурную компанию. По-твоему выходит, что я враг твоему сыну. Эх, Эндри пичче! Сгоряча, необдуманно ты свои слова сказал. Правда ведь?

Хомут, ничего не ответив, разжег потухшую трубку. Волнение его улеглось.

— Если бы такие слова кто другой сказал, я давно бы его из избы вывел,— добавил Тарас, заметив, как меняется настроение Хомута.— Но с тобой я не мог так поступить; мне думается, что ты сможешь миром понять меня. Бояться нас, пренебрегать нами, или итти против молодежной организации не нужно, Эндри пичче. Я объясню тебе почему.

Буря окончательно утихла. Тарас и Хомут начали говорить спокойно, обстоятельно. В беседу не замедлил включиться Мигиш.

И получилось, что ребята говорили правильные вещи. Нельзя больше крестьянам по кулацкой указке жить, спины перед ними гнуть. Не те времена. Власть теперь своя, народная. Партия все делает для того, чтобы помочь бедноте объединиться, стать на ноги. А комсомольская молодежь — первый помощник партии.

Много интересного и поучительного узнал из этой беседы Хомут. Оказывается, что в голове у Тараса и мысли верные и желания полезные, а кулацкая пустая и вредная болтовня к тому направлена, чтобы разъединить бедноту и попрежнему верховодить над ней.

Перед уходом он, с благодарностью пожав руки парням, примиренно сказал:

— Не ругайте меня, ребята, ошибка вышла. И сына я зря обидел. Если действительно так, как вы говорите, действуйте, работайте. Не запрещаю. Деревне нужны сознательные люди. Вы молодые, кровь у вас горячая, вам надо двигать жизнь вперед. А от вас и мы, старики, не отстанем, да еще кое-чему научить можем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Сочной зеленью налились озими в полях, высоко поднялась луговая трава, споро и урожайно росли овощи на огородах. И всем было ясно, что закрома и погреба нынче переполнятся. Но время уборки урожая приближалось невыносимо медленно, а голод день ото дня становился чувствительнее, у крестьян кончились последние запасы хлеба. Недавно умерли с голода старик со старухой и девочка лет двенадцати, дочь вдовы.

Смерть девочки вызвала в деревне особо много разговоров. Все видели, что наступающая гибель любимой и единственной дочери принесла вдове нестерпимое горе. Мать, убиваясь, плакала день и ночь. Желая спасти ребенка, она обращалась ко многим за куском хлеба. Люди рады бы помочь, да у самих ничего не было.

Под конец она обратилась к Уртему Ляве, хотя была у него уже в долгу. Встав перед ним на колени, она просила несколько фунтов муки. Уртем, даже не пожелав разговаривать, выгнал ее вон.

После этого женщина ни на минуту не отходила от умирающей дочери, сидя у ее постели. Когда девочка скончалась, мать упала около нее замертво. Хорошо, что это случилось днем: заглянувшая к ней соседка помогла ей притти в себя. На кладбище женщину вели под руки двое мужчин, она плакала навзрыд, рвала на себе волосы. А когда могилу стали закидывать землей, обезумевшая женщина бросилась в яму, просясь зарыть вместе с дочерью. Ее вытащили, но она лишилась рассудка—все пыталась убежать от людей. Дома она неожиданно запела свадебную веселую песню. Вслед за этим, опустившись на колени, принялась молиться, а потом вдруг прыгнула к переднему углу и начала громко ругаться. Этот печальный случай навел Тараса на серьезные размышления. Как сможет народ выдержать такие испытания? Хоть и не долго осталось терпеть, все же очень тяжело. Правда, в деревне открыта государственная столовая для детей, но она не может удовлетворить всех, да и вообще плохо обслуживает.

И дома у Тараса неладно. Мать немного поправилась, но неизвестно что дальше будет. Да и братишка слабеет. Чем их поддержать? О себе Тарас уже не думал.

Вечером, стараясь рассеять грустные мысли, он шел вдоль улицы.

Около одной избы на бревнах сидели односельчане, тихо обсуждая судьбу помешавшейся вдовы.

Тарас остановился, вслушался в разговор.

— Совсем помутилась, даже соседа Ивана не узнала.

— Откуда узнать, если из рамок выбилась.

— Однажды вскрикнула: «Уртем Лявонич, прошу, будь богом, спаси ее!»

— Жаль, хорошая была женщина. Жизнь у нее неудачно сложилась: смолоду муж все время болел, с ним мучилась, а сейчас с самой такое несчастье приключилось.

— Помянула, значит, и Уртема. Видно вспомнила, как за мукой к нему ходила. В самый раз, помогут такие Лявы, дожидайся! Да у них зимой снегу не выпросишь!

Разговор прервался. Люди, замолчав, озабоченно задумались. Табачный голубоватый дым над их головами расстилался в вечернем влажном воздухе.

Подошел Назар, отец Варук, поздоровался и, глядя на других, стал налаживать свою трубку.

— Еще неизвестно, что впереди ожидает,—проговорил Седек Якку, попыхивая коротенькой носогреющей.—Очень трудно. Эх, пуда два—три хлеба бы сейчас, вот было бы счастье!

— Об этом даже и не вспоминай,—махнул рукой Назар.

— Вперед будем умнее, постараемся как можно больше хлеба с полей снимать,—вмешался в разговор Тарас, усаживаясь на крайнее бревно.

— А как тут много засеешь, если земли—чуть курочке лапкой взборонить. Да и тягла нет, и плуга путного не у каждого найдешь.

— И с малых участков можно получать много хлеба.

— Каким это путем?

— Прочитай, Якку пичче, что агрономы в книжках, в газетах пишут.

— Пишу! Написать-то можно, бумага терпит, а ты мне сделай, да покажи!—не уступал Седек.

В разговор вмешался Назар:

— Это уж точно, Якку. Тарас верно говорит. Мне тоже приходилось читать. Я врать не стану. Но работать

надо не по-нашему, вот в чем дело. Землю нужно обрабатывать машинами, вносить разные удобрения.

— А у нас ни машин, ни удобрений.

— Будут еще!—обнадежил Тарас.

— Ну, когда это будут!

— От нас зависит. Что одному не под силу—артелью можно поднять...

Не дав ему кончить, Назар перебил:

— Говорите—земли мало. А видели, сколько ее без толку пропадает? Взглянешь и не поймешь: не то обрабатывали, не то нет. Так, поковыряли кое-где.

— Ну, уж нет, за нами этого не водится,—возразил Якку, который никогда не любил соглашаться сразу даже с очевидными фактами.

— Как не водится?—удивился Назар.—Разве ты слепой? А Чертополохово поле? Как ты его будешь считать?

— А что такое?

— Разве оно не пропадает зря? Десятин полтора ста прахом идет!

— Ну, как это прахом? Засеваем же!—возмутился Якку и даже трубку изо рта вынул.

Назар насмешливо посмотрел на Седека.

— Скажи по правде, ты нынче ездил туда?

— Нет.

— Раз не ездил, то и молчи. Больше половины попусту лежит, а что и засеяно—бурьяном заросло.

— Так, в прошлом году семян не было,—попробовал защищаться Седек.

— Э-э, когда и семена бывают у нас, это поле все равно наполовину не засеивается. Просто издеваемся над землей.

Спор между Назаром и Якку пичче разгорелся. Нашли нужным вмешаться и другие. Да, действительно, Эндрьял владеет стопятидесятью десятинами земли, расположенной в двенадцати верстах от деревни. В старые времена землемеры, при последнем переделе земли между тринадцатью селениями, из-за того, что не получили от эндрьялских крестьян ожидаемой взятки, нарежали Эндрьялу самую отдаленную пустошь. Конечно, от такой земли деревня пользы много не видела: ни путем вспахать и взборонить, ни во-время посеять. Поэтому поле бурно заросло дикими травами, почему

и было прозвано «Чертополоховым». Чувствительнее всего страдала беднота, безлошадные крестьяне. Они или совершенно не обрабатывали своих наделов, или сдавали их кулакам, снимавшим угодья с большой охотой, так как земля была очень плодородна и приносила хорошие урожаи.

Некоторые крестьяне, в том числе и Назар, намеревались выселиться на пустошь, но делу помешала война.

И в сегодняшнем разгоревшемся споре все, кроме Якку, пришли к общему выводу: земля на Чертополоховом поле ничуть не плохая, но из-за скверной обработки не приносит пользы.

В заключение Назар высказал свое давнишнее заветное желание:

— Что бы там не говорили, а пора переселяться на Чертополохово поле. Очень мы на подъем тяжелы. С места подняться трудно. А там не только земля—лес и луга есть, и вода близко. Ты зайди-ка ко мне,—обратился он к Тарасу.—Какой я замечательный план покажу насчет переселения. Чудесный поселок можно создать из двадцати—тридцати дворов!

Он начал с увлечением излагать свой план, давно обдуманый с любовью, терпением и большим практическим подходом. Сельчанам план пришелся по вкусу. Только Седека Якку почему-то не устраивало переселение, и он, оставшись при особом мнении, ответил неопределенно:

— Не знаю еще как. Нам не подойдет, пожалуй. Так-то бедно живем, а тронемся с насиженного места—вконец разоримся.

Тарас возразил ему:

— За такое трудное дело уж братья, так всем вместе, коллективно, помогать друг другу. Если у народа будет одно стремление—ничего не страшно. Тогда государство охотнее нам поможет.

— Не сможем мы сообща работать, у нас у каждого только за себя нутро горит,—упрямо стоял на своем Якку.

Но Тарас не согласился:

— Не сразу, так постепенно привыкнем друг другу помогать.

— Справедливы твои слова,—поддержал Назар.—Ты в самом деле загляни ко мне. Познакомься с моим планом.

— Ладно, с охотой приду,—согласился Тарас.

На этом беседа пока и кончилась. Тарас пошел домой несколько ободренный.

Ночью пошел теплый дождь, перестал он лишь к утру. Ясную зарю сменило ласковое солнце. В посвежевшей листве деревьев щебетали неугомонные птицы. Тарас проснулся в бодром настроении и сразу вспомнил вчерашний разговор на бревнах.

«Толково говорили. С Чертополоховым полем надо дело хорошенько выяснить. А что, если действительно перебросить туда десятка два-три бедняцких хозяйств? Тогда хорошее артельное хозяйство можно наладить. Для всей округи пример подадим. У отца Варук и план намечен. Пойти, пожалуй, познакомиться с ним».

С этими мыслями Тарас быстро начал одеваться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

До сих пор мы мало говорили о родителях Варук.

Это была трудолюбивая, честная семья. Своих детей они воспитывали умело: ребятишки не гоняли собак по деревне, не дрались и не раздражали соседей. Назар охотно посылал их в школу, старался занять делом. О семье Назара всегда отзывались с уважением, и когда заневестилась Варук, в женихах нужды не было, сваты приезжали даже из дальних деревень. Только Варук неизменно отказывала, храня обещание, данное Тарасу при его уходе в армию. Мать и отец знали причину и не неволили дочь, все же Назар по-родительски предупредил:

— Ну, смотри, твоя воля. Потом на нас не пеняй...

Когда Тарас вернулся в деревню, Назар стал к нему внимательно присматриваться, время от времени делясь своими впечатлениями с женой.

Узнав, что Тарас на что-то организует молодежь, Назар заколебался, однако воспоминание о поимке бандита успокаивало, и он начинание Тараса одобрил. Про себя он думал, что брак его дочери с Тарасом непременно поведет к счастью, и потому не стал журить Варук, когда услышал, что она была на молодежном собрании, только заметил мимоходом:

— Не женское это дело по собраниям ходить...

Тарас явился к ним совершенно неожиданно. Не за-

метив никого в избе, остановился было у порога, но, услышав легкий шелест в чулане, проговорил:

— Добрый день, здравствуйте!

Из-за занавески показалась хорошенькая головка Варук без платка, с прядкой темных волос, падающей на лоб и глаза. Увидев Тараса, девушка сразу смутилась, густо покраснела и спряталась.

— Проходи, не побрезгуй... Не успела я вот только избу прибрать,—смуценно, еле слышным голосом проворботала она за переборкой.

— Ладно, чего напрасно говорить, я ведь не очень знатный гость,—ответил Тарас, усаживаясь на скамью.— Мне бы отца вашего повидать.

— Они с матерью на огород вышли, сейчас вернутся.

Тарас окинул взглядом избу, и глаза его остановились на книге, лежавшей на подоконнике. Он взял ее и, перелистав несколько страниц, спросил:

— Кто это читает у вас «Нарспи»?¹

— Петюк принес из школы... И я читала...

— Ну и как? Понравилась?

— Очень понравилась. Мы с Мариной плакали, когда читали.

— Ты правду говоришь?

— Конечно правду. Как это сумели написать такую хорошую книгу?

— Чем же, по-твоему, хорошую?

— Да как же, ведь тут в точности настоящая жизнь описана. Слова идут прямо к сердцу...

— И тебе, наверное, захотелось быть такой же, как Нарспи?—рассмеялся Тарас.

— Нет, она сначала смелая, бойкая была, а потом себя прикончила. Я так никогда бы не сделала, и какие бы трудности не встретились—я постаралась бы их преодолеть. Зачем свою жизнь губить?

С этими словами девушка, застенчиво улыбаясь, вышла из чулана.

Тарас заметил, что она уже успела приодеться.

Варук была в белом, как снег, платье, искусно украшенном на вороте и плечах мелкобисерной, цветной вышивкой, и в кремовом платочке. Ниточка монист тускло поблескивала у нее на шее.

¹ Поэма классика чувашской литературы Константина Иванова.

Теперь она показалась Тарасу особенно привлекательной и милой.

— «Какая ты красивая, Варук! Нисколько не хуже Нарспи»...

В избу вошел Назар и пытливым взором посмотрел на обоих.

— Оказывается, у нас гость,—дружелюбно произнес он, подавая руку Тарасу.

— Я пришел насчет вчерашнего.

— Насчет плана, что ли?

— Да, ты показать обещал.

— Ладно, ладно,—обрадовался Назар,—сейчас, давай посмотрим.

Варук вышла на двор, а Назар достал с полатей лыковый кузовок, вынул из него длинный сверток серой бумаги и раскинул на столе.

Оба склонились над листом.

— Вот, смотри. Начиная от этого столба до самой большой дороги и там до казенного леса—земля наша,—начал обстоятельно объяснять Назар, проводя заскорузлым пальцем по бумаге.—Здесь—кустарник, луга, там—озеро Светлые воды. Допустим, выселок перенесем сюда, к оврагу, это будет наиболее удачно. Вода близко, для скотины выгон рядом, и от ветров защита хорошая. А в мелком лесу я высмотрел множество небольших полянок—самое подходящее место для будущих пчельников. А если вот здесь устроить запруду—вода окажется около каждого огорода.

Тарас одобрительно отнесся к этим объяснениям, и Назар воодушевился еще сильнее.

— Если провести все это в жизнь, головой ручаюсь—будет хорошо. Другие ищут новых земель в дальних краях, а у нас они здесь, на месте. Но, чтобы новое хозяйство наладилось, придется как следует поработать.

— Я тоже так думаю,—согласился Тарас.

— Надо поскорее браться за дело. А с чего начинать—тебе, конечно, лучше известно.

— Ладно, Назар пичче. Я поговорю где следует,—ответил Тарас.—Только сначала договоримся с народом. Некоторые, возможно, и не так легко согласятся.

— Кто же это пойдет против?—удивился Назар.—План всем должен понравиться.

— Не знаешь разве? А кто раньше с Чертополоховой земли барыши огребал? Думаешь, они так легко сдадутся? Подожди, сам увидишь.

Назар уверенно сказал:

— Против коллектива ничего не смогут поделать. Земля наша, народная. И законы про землю советские писаны. Довольно кулакам распоряжаться...

Разговор у них продолжался долго. Оба остались довольны друг другом, пришли к одинаковому мнению и решили ускорить переселение на новую землю, хорошенько разъяснив бедноте положительные стороны этого дела.

Уходя домой, Тарас встретил в сенях Варук.

— Варук, вечером встретимся,—шепнул он, нежно сжимая ее руки.

— Приду,—также шопотом ответила девушка и, опасливо покосившись на дверь, быстро скрылась в избе.

Проходя деревней, Тарас услышал в одном из дворов детский гвалт. Крикливая толпа ребятишек наполнила двор невообразимым шумом.

Сначала он не понял, зачем сюда пришло их столько, а потом, вспомнив, что дом этот принадлежит Мамуну, догадался—дети пришли в столовую.

«Интересно, как их кормят, надо зайти, посмотреть»—решил Тарас.

— Что, дружочки, обедать пришли?—весело спросил он.

Дети сразу смолкли. Потом послышались несмелые голоса.

— Обедать...

— А где вас кормят?

— В избе.

— Почему же вы не заходите?

— Тетя не пускает, говорит, что еще рано.

— Вкусно вас кормят?

— Вкусно...—ответили дети так же неуверенно.

— А вы досыта наедаетесь?

Ребятишки робко переглянулись. Их бледные, изможденные лица были красноречивее последовавшего ответа.

— Нет, досыта нехватает.

В дверях показалась жена Мамуна—дородная, красивая женщина.

Вышла и громко закричала:

— Ну, заходите, каторжане этакие!

Детвора гурьбой бросилась к избе, некоторые застряли в дверях. Раздались крики, жалобный плач. Жена Мамуна сердито распорядилась:

— Эй, шайтановы дети! Смерти на вас нет. Вот возьму хорошую хворостину!..

И угостила ребятишек несколькими ловкими пинками.

Тараса удивило такое обращение с детьми. Решив поближе познакомиться со столовой, он зашел вслед за шумливой детворой.

Внутреннее убранство ему тоже не пришлось по вкусу: высокие и длинные столы были кое-как сколочены из грубых, неостроганных досок. Скамейки до того были низкие, что дети едва доставали до стола подбородками. Пол до того грязный и замусоренный, что, казалось, его никогда не подметали и не мыли. Несметные полчища мух дополняли картину.

Тарас озадаченно потер лоб.

«Неужели сюда никто никогда не заглядывает? Бывает же такой беспечный народ! Да и я хорош—ни разу не догадался зайти!»

Жена Мамуна из большого, давно немытого ведра налила в глиняные блюдца по ложке-другой какой-то темной бурды и положила около каждого ребенка по кусочку хлеба, потом, смерив Тараса холодным взглядом, вышла во двор.

Голодные дети с жадностью принялись за еду. Тарас, подойдя поближе к столу, заглянул в блюдечки и увидел мутную жижицу с плавающими в ней скользкими, черными кусочками.

— А что это черное в супе плавает?—спросил он одного мальчика.

— Черное-то? Грибы. Сушеные грибы,—пояснил малыш лет шести с большим выпяченным животом и громадными темными глазами на иссиня бледном, не детски печальном лице.

— А еще что положено?

— Еще-то? Еще горох.

Мальчик сделал попытку поймать ложкой горошинку, чуть ли не единственную в блюдце.

— Вот... На, попробуй,—гостеприимно протянул мальчик ложку,—кисть ручонки была у него тонкая, как ивовый прутик.

— Спасибо, кушай сам.

Тарас глубоко вздохнул и, сокрушенно покачав головой, направился было к выходу, как вдруг услышал испуганный крик сзади.

— А-а-а!

— Мышенок!

Тарас живо обернулся.

— Что случилось, ребята?

Малыши столпились возле ведра, из которого Мамуниха несколько минут назад разливала суп.

— Узел в ведре мышенка заметил!

— Неужели правда?

— А вон, сам посмотри!

Нетрудно было убедиться, что дети правы. Потеряв терпенье, Тарас кликнул жену Мамуна, которая возилась возле амбара.

— Эй, инге, зайди-ка в избу.

— А чего мне там делать?

— Зайди-ка, зайди, найдется дело.

Женщина вошла. Тарас, указав ей на мышонка, спросил:

— Что это такое?

— Где вы взяли?—деланно засмеялась Мамуниха.— Наверное, ребятишки баловались и притащили.

— В том-то и дело, что не дети, а ты баловалась, только плохое это баловство.

— Ну, не говори глупостей, что я—слепая?

Мамуниха ловко подцепила мышонка и выбросила за дверь.

— Не знаю, слепая ты или нет, но мышонок оказался в кухонной посудине. Все это видели и нечего тебе оправдываться, да еще сваливать на ребятишек!— строго проговорил Тарас.— Это мы так не оставим, поговорим на собрании!

Мамуниха не испугалась угрозы; глаза у нее сузились, стали враждебными.

— Ты меня не запугивай, сам попробуй, повари на такую ораву, — огрызнулась она. — Разве за всем углядишь?

— Раз не справляешься, не следовало и братья.

— Мы силой не лезли! Мы выборные! — отрезала Мамуниха, поворачиваясь к Тарасу спиной.

— Ну, а если вам доверил народ, надо лучше работать, чтобы оправдать доверие.

Женщина бурно загремела посудой.

— Тебя не спросили! Или к своим рукам общественное добро торопишься прибрать?

Расплескивая по полу грязную воду, она смерила его с ног до головы уничтожающим взглядом и процедила, поджимая и без того тонкие губы:

— Для того, должно, и пожаловал сюда! Знаем мы таких!

— Каких это таких?—вспылил Тарас, подходя к ней вплотную. Но поняв, что словами ничего не докажешь, махнул рукой и направился к выходу.

— Ладно, перед народом будешь ответ держать!— с этими словами он хлопнул дверью.

Вслед ему понеслась отборная ругань.

«Какое скверное происшествие! Надо этим немедленно заняться»,—думал раздраженный Тарас, быстро шагая по улице.

Вечером Микуль принес не менее плохую новость все о той же столовой.

После полудня, когда кормили детей второй очереди, пришла женщина и стала упрекать Мамуниху в том, что она не доवेशивает детям хлеб. Мамуниха, по своей привычке, ответила ругательствами да еще схватила кочергу. Крестьянка, выведенная из терпения, в ответ принялась хлестать ее по щекам. Сбежавшиеся соседи едва разняли дерущихся женщин.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Происшествия в столовой быстро облетели деревню. И не удивительно: ребяташки, возвратившись домой, сейчас же рассказали обо всем матерям. Кроме того, как известно, «хороший слух лежит, а дурной бежит»... Народ возмущался поступками Мамуновой жены.

Под вечер к Тарасу собрались комсомольцы. Снова стали обсуждать неприятные события, вспомнив, кстати, и прежние беспорядки в столовой. По правде говоря, в столовой редкий день обходился без происшествий.

Выслушав все это, Тарас высказал свои соображения:

— Больше терпеть это невозможно, товарищи. В столовую пора поставить честных, старательных людей. Все наши надежды—на общественное питание,

только тогда ребяташки как-нибудь дотянут до нового хлеба.

Комсомольцы согласились с доводами Тараса.

— Кому же ее можно доверить?—спросил Мигиш, тербя едва проступающие усики на озабоченном лице.

— Подумаем и найдем,—успокоил Тарас.—А если в свои руки возьмем—будет самое лучшее.

Незаметно разговор перекинулся на другие деревенские дела. Вспомнили и о сельском Совете. Заговорил Исай, до сих пор молчавший:

— Вот уже неделя прошла, как Иливана и Казыра Кузьму посадили. О них нет ни слуху, ни духу. Получается, деревня вроде как без власти живет. Беспорядков много, а обратиться не к кому. Надо подумать о новом сельсовете. Забот у нас пропасть. Возьмем такое дело: зимой мы вынесли решение починить Монсирминский и Хаяматинский мосты, через овраги с кладью ни за что не проедешь. Осень придет—воза снопов не вывезешь.

— И забор околицы совсем развалился, — добавил в тон другу Мигиш.

Павел пичче, услышав шумные разговоры у соседа, посмотрел через забор и, заметив группу молодежи, о чем-то оживленно рассуждавшую, зашел во двор к Тарасу.

«Ну, о чем серьезном могут рассуждать ребята, у которых молоко на губах не обсохло?»—насмешливо подумал он. Но когда прислушался и убедился, что ребята говорят о делах серьезных, то не выдержал и сам тоже вмешался в беседу:

— Можно старому человеку слово вставить?

— Почему нельзя, говори,—поощрительно ответил Тарас.

Павел пичче достал из кармана очки в металлической оправе, перевязанные в двух местах суровой ниточкой, аккуратно протер их подолом белой холщевой рубашки, и, надев на нос, оглядел присутствующих:

— Дельно вы толкуете, ребята. Хорошо! Я со своей стороны еще вот что хочу спросить: как вы думаете относительно передела сельской земли? Землю перед паром обязательно надо разделить по едокам заново, потому что за зиму в деревне и родились, и умирали... У меня это из головы не выходит.

— Правильные слова,—согласился Мигиш, слушавший внимательно.

— А передела без сельского Совета тоже не проведешь. Потом и школа требует ремонта,—наставительно продолжал Павел пичче, передвигая очки на кончик носа и глядя поверх.—Там ни одной печи годной нет и между бревнами, прямо скажу, ветер гуляет. До рабочей поры не худо бы починить.

Выяснилось, что надвинулся целый ряд неотложных дел, ожидавших срочного разрешения; нужен был толковый руководитель, который сумел бы расшевелить народ и правильно организовать труд. Но такого вожака не так-то легко найти в Эндрияле.

— Мигиш, ты завтра что собираешься делать?—спросил Тарас.

— Да почти что свободен, особых дел не предвидится.

— Тогда мы в волость отправимся. Возможно даже до города доберемся. Так мы скорее с места сдвинемся. Иначе ничего не выйдет. Живой человек может больше сделать, чем бумажки.

На том и порешили.

Поздним вечером Тарас направился к Варук. Девушка, как и тогда, сидела на бревнышке, дожидаясь его. Но теперь она была смелее: первая взяла его за руку и пригласила сесть. Тарас тихонько обнял ее. Разговор сразу принял непринужденный характер.

— Ну и напугал ты меня сегодня утром,—промолвила Варук, перебирая пестрые ниточки кистей своего пояса.

— Каким образом?—прикинулся удивленным Тарас.—Неужели я такой страшный?

— Да ты явился так неожиданно...

— Меня твой отец по делу пригласил.

— Я догадалась потом...

— А ты как думала, зачем я пришел?

— Да ничего и подумать не успела.

— Не подумала, что сватать пришел?

— Не-ет...

Тарас рассмеялся.

— А разве так быть не может?

Она посмотрела на Тараса лукавыми глазами и, смущенно прикрыв лицо рукавом платья, сказала:

— Откуда я могу знать, что у тебя на уме?—Помолчав, добавила:—Может, у тебя невеста давно заготовлена. Какая-нибудь из городских: на высоких каблучках, в коротеньком платьице, стриженная...

— Да, не скрою, есть у меня невеста,—ответил Тарас, снова привлекая ее к себе.—Неужели не знаешь, кто она?

— Нет, не знаю.

— Тогда слушай. Я давно заметил ее, еще до ухода в армию. Только не ходит она на высоких каблучках и не носит короткого платья. Желтенький платочек, да розовый сапун ей куда больше к лицу.

Варук легонько оттолкнула его.

— Не смейся.

— Я нисколько не смеюсь.

— Не верю я тебе.

— Почему?

— Потому что все парни, говорят, насмешники.

— Какой парень. Нельзя всех на один аршин мерить.

— А кто вас знает... Не хотелось бы...

Нежность шевельнулась в сердце Тараса. Приятное чувство, похожее на легкое опьянение, охватило его. Трудная действительность с житейскими заботами и огорчениями, как дым под ветром, отлетела прочь, осталось лишь близкое биение сердца любимой девушки и ее теплое дыхание. Он привлек ее еще ближе, повернул пылающее лицо к себе и крепко поцеловал. Все вокруг как бы прекратило свое существование.

— Пусти,—задыхаясь, взмолилась Варук,—задушишь.

Несколько мгновений не говорили ни слова, потом Варук первая нарушила молчание.

— Ты очень сильный!

— Может быть,—смеясь согласился Тарас,—смолоду по два пуда в каждой руке поднимал.

— Да, теперь, конечно, стариком стал,—улыбнулась Варук.—Эх, и откуда ты взялся на моем пути?

Еще дольше, чем в прошлый раз, сидели они. Незаметно шло время. О том, что надо расставаться, и думать не хотелось.

Тихо шумели ветви молодых садов, неверные блики луны мерцали сквозь трепещущие листья сирени и рябины.

Только свет предутренней зари нарушил этот чудесный сон. Первой очнулась Варук:

— Доброй ночи, Тарас!

— Ночи доброй, Варук!—с сожалением ответил парень.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тарас с Мигишем пропадали двое суток, вернулись лишь к обеду третьего дня. Вместе с ними, на нескольких подводах, прибыли незнакомые люди. Приезжие поместились в школе. Несколько позже, неожиданно, двое милиционеров привезли Казяра Кузьму и Иливана.

Еще ни разу в Эндрияле не появлялось столько новых людей. Школу сразу облепили любопытные ребята, подходила молодежь, заинтересовались и пожилые сельчане. Как обычно, начались разговоры, строились догадки. Всех удивляло такое количество гостей из волости, а может даже и уезда. С какой целью они приехали?.. И уж совсем непонятно было, зачем привезли обратно Иливана с Казяром.

— У нас, бывало, таких разложат при всем честном народе, да всыпят как следует,—нравоучительно прошамкал Кириле мучи, восьмидесятилетний старик, слушавший разговоры крестьян помоложе.

— Это ты про кого, Кириле мучи?

— Ась? Про кого? — приложив ладонь лодочкой к уху отозвался старик. — Известно, про Иливана да Казяра.

Приехавшие оказались комиссией волисполкома, присланной для проверки Эндрияльского сельсовета. Остальные представляли собою выездной суд. Выяснилось, что после дополнительного следствия на месте Иливана и Казяра будут судить показательно здесь же, в Эндрияле.

Для начала комиссия направилась в детскую столовую. Пришли как раз во время обеда. Попробовав жидкое варево и посмотрев на жалкие кусочки хлеба, нарезанные для ребятшек, представители приказали самому Мамуну немедленно явиться в школу.

— Не забудь захватить приходно-расходную книгу,—напомнил Тарас.

— И без тебя знаю,—едва шевеля побледневшими от злости губами ответил Мамун и добавил:—Значит,

решил встать поперек дороги? Ну, смотри же! Гора с горой никогда не сходятся, а люди сойтись всегда могут!

Лицо его исказилось недоброй усмешкой.

— Не стражай, Мамун, я не из пугливых, и не такое видал,—сухо ответил Тарас.

Проводив обследователей, Мамун извлек из стола целую кучу бумаг и долго перебирал их. Потом вышел на улицу, но не сразу направился туда, куда ему было велено, а сначала завернул к своему тестю Ляве Уртому. И только после того, как таинственно пошептался с ним, пошел в школу.

Председатель комиссии, сухощавый, высокий мужчина, предложил Тарасу собрать вечером народ. А сам, забрав документы, принесенные Мамуном, удалился со своими помощниками в смежную комнату. Они не выходили оттуда до самого вечера, из-за переборки только слышался сдержанный говор и непрерывное щелканье костяшек на счетах.

Крестьяне собрались дружно, в положенное время, не в пример прошлым дням, и сидели тихо, терпеливо дожидаясь открытия собрания, шопотом делились своими догадками.

Долго ждать не пришлось: как только просторный класс наполнился народом, комиссия объявила собрание открытым. В президиум избрали Павла пичче, Эндри Хомута и от молодежи—Исаю.

— Мы приехали по важному делу, товарищи,—громко начал председатель.—В течение двух лет ваш сельсовет, в лице Казяра Кузьмы и Иливана, творил полный произвол. Виноваты и мы: плохо контролировали их. Они, как показало следствие, вместо того, чтобы честно трудиться для народа, набивали свои карманы и шли на всякие преступления. Скоро они предстанут перед судом и понесут наказание по советским законам. Но прежде чем судить, мы хотим с вашей помощью полностью разобраться в их мерзких проделках, хорошенько распознать этих враждебных советскому строю людей. Не исключена возможность, что преступления не все вскрыты, поэтому просим вас обо всем рассказать, ничего не тая и ничего не опасаясь. Помочь раскрыть преступление—долг каждого честного гражданина.

— А ты сначала сам расскажи, что стало известно,—раздался голос сзади.

Это был Якку Седек—смирный, не умеющий постоять за себя человек,—над ним постоянно измывался бывший председатель сельсовета.

— Нам известно, товарищи,—ответил руководитель комиссии,—что виновные находились в близкой связи с бандитами и постоянно содействовали им. Изготавливали фальшивые документы на продажу краденых лошадей, государственную помощь беднякам в виде семян и продовольствия присваивали и делили между собой.

Народ, услышав такое сообщение, взволнованно зашумел:

— Вот шайтановы головы!

— А мы молчали!

— Перестрелять их из поганого ружья!

Председатель выслушал эти возмущенные крики и добавил:

— Еще раз прошу высказываться смело и откровенно. Чтобы изжить недостатки, надо их знать. Кулачье, которое обижало и грабило народ, жалеть нечего, они не щадили вас. Кстати, расскажите о столовой, там тоже была масса беспорядков.

— Детскую долю сами съедали!—прозвенел негодующий голос сбоку.

— У голодного последний кусок отнимали!

Узнав, что в школе происходит собрание, Уртем тоже явился туда, но внутрь не зашел, все время простоял в сенях, за дверью, зорко приглядываясь и прислушиваясь к тому, что происходило в классе.

Каждое слово рвало на части сердце Лявы и подступало комком к горлу. Злоба душила его, он готов был на всех обрушить самые скверные ругательства, разогнать людей, расправиться с приезжими. Но воли не было, и он в бессильной ярости сжимал кулаки.

Сначала выступил Якку Седек, который сообщил, как весной его обделили семенами за то, что он не напоил Казяра водкой, и как потом его семенной пай продали, а деньги пропили.

За ним вышла вдова Кулине.

— Я тоже хочу кое-что сказать,—дрожащим голосом начала она, сильно волнуясь с непривычки.—Я вдова, мой муж погиб на гражданской войне. У меня трое детей. Всякому понятно, мне одной их растить нелегко. Особенно в голодный год. Услышав, что детей нынче

справляют в хлебородные края, я решила было хоть одного пристроить. Женщина я темная, порядков не знаю и потому сначала направилась к Иливану. Так и так, говорю, мне бы как-нибудь сынишку направить туда, где хлеба вдоволь, дети голодные, погибают совсем. Мне Иливан ответил: «Возможно, пошлем, но я без председателя ответить ничего не могу, поговорю сначала с ним. Ты иди пока домой, а я сам потом дам тебе знать». Я обрадовалась и побежала скорее домой: хочется ведь как-нибудь вырастить родное дитё. Вечером приходит. Вижу—подвыпивши. Говорит о том, о сём, а о деле ни словечка. А потом вдруг стал приставать ко мне...

На дальней скамье послышался чей-то смешок.

Кулине расстегнула деревянные, самодельные пуговицы летнего кафтана и, распахнувшись, горячо продолжала:

— Не для смеха говорю, мне плакать было впору! Я выгнала его, пакостника!—Гнев и обида зазвенели в голосе Кулине.—А на следующий день и близко не подходи, не разговаривает. Спрашивала я, спрашивала, ходила, ходила. Наконец-то, он мне сказал, что места нет. Спасибо, тогда из города человек приехал, он без слова записал мальчонку. Если бы этого шайтана воля—так и не поехал бы мой сын. И во всем у них так было: из-за любого дела два дня попусту проходишь, если по губам маслом не помажешь. Хорошо, что у народа своя власть — теперь можно пожестче взять их в руки!

Кулине опустилась на скамью, разгоряченное лицо ее пылало.

— Правильно сказала, Кулине аппа!

— Молодец! Так и надо! — раздались одобрительные голоса со всех сторон.

Председатель едва успокоил расходившийся народ.

— Кто еще хочет высказаться? Говорите по порядку!

Одновременно поднялось несколько рук. У людей давно накипело в груди и теперь все хотели говорить.

Уртем Лява понял, что дело принимает скверный оборот, и незаметно выскользнул в дверь. Направился в свою баню на огороде, где отсиживался Махорка, чтобы доложить ему подробности собрания и наметить дальнейшие действия.

Махорка, как всегда, был с похмелья и не сразу нашелся что сказать, только глубоко вздохнул, взъерошил свалывшиеся войлоком волосы. Но после некоторого раздумья он медленно повернул голову и, тяжело уставившись на Уртема красноватыми глазами, спросил:

— А те пришли?

— Кто те?

— Не знаешь, что ли? Ну—Шипка, Чалэшпусь.

— Нет, не приходили...

— Ну, если так, один сделаю.

Уртем посмотрел на него с недоумением.

— Что сделаешь?

— Сборище разгоню.

— Хочешь итти на собрание?—испуганно вскинул лохматые брови Уртем.— Не выдумывай, пожалуйста. И тебе и мне не поздоровится...

Махорка не дал ему договорить, остановив движением руки.

— Хорошо. На собрание ты пойдешь, там мне правда, делать нечего. Я вот что надумал... Наклонись-ка сюда поближе...

Головы сблизилась. Махорка шопотом, чтобы не услышала ни одна живая душа, стал посвящать Уртема в свой замысел. Тот сидел как на иголках, постоянно вздрагивая и оглядываясь, боясь, чтобы кто-нибудь не заметил. Когда Махорка кончил говорить, Уртем, прикусив нижнюю губу, в знак согласия кивнул головой.

— Ладно, сделаю.

Затем, надвинув поглубже картуз, он вышел с огорода и по главной улице зашагал обратно в школу.

Собрание было в полном разгаре. Один за другим вставали сельчане и рассказывали о проделках Иливана и Казяра, о том, как они притесняли бедноту, давали всяческие побрякушки кулакам.

Уртем услышал ненавистно звонкий голос Исаея:

— У нас в деревне Иливан и Казяр старались, чтобы советская власть шла на убыль. Куда, бывало, не ткнись, везде богачи заправляли. Возьмем, к примеру, столовую: почему она попала в руки Мамуна, близкого родственника кулака Уртема?

Услышав свое имя, Лява вздрогнул, крепче стиснул зубы. «Молокосос,— подумал он злобно.— Свернуть бы тебе голову, щенок!»

А Исая начал говорить о том, как в прошлом году лес, выделенный для бедноты, очутился в большинстве у сельских кулаков.

— Лява Уртем всю зиму лес возил, лет на пять сделал запас, а таким, как мы, воза по три досталось... Каким образом так получилось? Это, конечно, проделки сельсовета. Не даром Лява со своей компанией справляет такие пирушки, что с них гости расползаются на четвереньках.

— Здорово сказал!— одобрительно отозвалось несколько голосов.

— Верные слова!

— Издевались порядком!

Уртема душила злоба при виде этого осмелевшего, голубоглазого юноши, говорившего с такой горячей убедительностью; злость кипела на всех, кто внимательно слушал его и соглашался с ним. Избить бы всех, уничтожить, со света сжить... Сознание своего бессилия еще больше разжигало ярость.

После Исая председатель предоставил слово Тарасу.

«Этот еще, такой же нищий... Что скажет, бродяга,— думал Уртем, исподлобья наблюдая за Тарасом.— Еще что-то, видать, раскопал, ексек!»

Расшумевшийся народ смолк, когда к столу вышел Тарас. Слегка откашлявшись и мельком взглянув на бумажку, которую держал в руке, он приготовился говорить. Но сказать ничего не успел, с улицы вдруг донесся громкий, полный тревоги голос:

— Пожар! Горим!

Все испуганно взглянули на окна. Действительно, на нижнем конце улицы горела чья-то старая нежилая изба. В безветренном вечернем воздухе столбом поднималось яркое пламя, распространяя ослепительный свет и разбрасывая сверкающие искры.

Народ беспорядочно бросился к выходу, но дверь была узка, пролезть враз было невозможно, и люди, отхлынув от порога, начали выскакивать в окна.

Через несколько минут в школе никого не осталось, все кинулись на пожарище. Улицы деревни заполнились людьми, загрохотали пожарные бочки, загремели ведра, слышались беспорядочные выкрики.

Только Уртем Лява не побежал тушить пожар. В минуту общего смятения он спрятался за сенную дверь

школы, а когда голоса отдалились, вылез из засады. Не по возрасту быстрыми и широкими прыжками метнулся он через опустевший класс, подбежал к двери маленькой комнаты, где находились арестованные, с силой дернул за скобу.

— Сват Кузьма! Иливан!—приглушенным голосом скликнул он.—Выходите скорее! Никого нет. Бегите!

В глубине комнаты щелкнул затвор винтовки.

— Кто там? Стрелять буду!—неожиданно предупредил незнакомый голос.

Уртем не знал, что арестованных охраняли в комнате милиционеры.

Услышав окрик, Лява отпрянул назад, боясь, чтобы его не узнали и, что гораздо хуже, не погнались. Еще быстрее он выскочил из школы и, опасливо оглядываясь по сторонам, проскользнул в свой сад.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Пожар, так загадочно возникший, вызвал много новых толков. И так и этак прикидывали жители, пытаясь разгадать происшествие, но так ничего и не поняли.

Но председатель комиссии, выслушав рассказ милиционеров, о чьей-то попытке освободить Казяра и Иливана из-под стражи во время сумятицы, объяснил причину возникновения пожара:

— Ты понимаешь, куда дело повертывается?—задумчиво куря папиросу, сообщил он Тарасу, который вернулся с пожарища только под утро, когда опасность для села полностью миновала.—Поджог устроили для того, чтобы создать панику и вызволить этих жуликов. Хоть и не хитро, но правильно рассчитали: народ кинется на пожар, и тогда «дружков» легко освободить. Мне совершенно очевидно одно: в деревне у Иливана и Казяра корни глубокие, есть люди, действующие с ними заодно, они и дальше постараются продолжать свои козни. Их необходимо выкорчевать. Сегодня собери молодежное собрание и поговори на эту тему. Пусть ребята будут на-чеку...

— Хорошо,—согласился Тарас,—приложим все усилия, но найдем врагов. Ясно, пока не выявим и не оборвем кулацкие корешки, новую жизнь очень трудно наладить.

После пожара следствие продолжалось еще два дня. В деревне многих опрашивали, пытаясь вскрыть сложную связь между всеми последними событиями. Однако нового установить не удалось, а о пожаре так и вовсе ничего не выяснили.

Казяр Кузьма и Иливан, конечно, узнали по голосу того, кто пытался выручить их, но промолчали.

— Мы не слышали, никто не приходил, ничего не знаем. Это милиционерам со страху почудилось,— в один голос отказывались оба.

Лява, чтобы не оставалось лишних улик о близком знакомстве с бандитами, награбленное имущество, спрятанное у него до поры до времени, вывез на дальний базар и там распродал.

Махорка, отсиживавшийся в бане, день ото дня становился все страшнее и безобразнее. Сизые мешки под глазами, острые скулы, далеко выступающие вперед, землисто-серое лицо, почерневшие от табака и выкрошившиеся зубы, мутный взгляд — все это лишало его человеческого обличия. От былой красоты холеного кулацкого сынка не осталось и следа. Самогонка, которую Махорка привык пить стаканами, как воду, уже не пьянила его, а только делала злее, раздраженнее.

В таком настроении был он и сегодня.

— Шишка и Чалэшпусь так и не вернулись?— спросил Махорка, выпив изрядное количество самодельной сивухи и облизывая вздрагивающие синеватые губы.

— Нет,— угрюмо ответил Уртем, пожимая плечами.

— Куда же занес их шайтан?

— Не знаю...

Глядя в угол бессмысленными глазами, Махорка долго сидел молча. В последнее время, часто оставаясь в одиночестве, он привык к молчанию, к продолжительным и бесцельным размышлениям. Тяжелые винные пары, спутанные мрачные мысли, одна непригляднее другой, охватили его сейчас. Далеким сном промелькнула перед ним прошлая жизнь. Вот он, молодой, восемнадцатилетний парень, живет в доме отца, как сыр в масле катается. Отец богат, знатен, сыну некого опасаться, любая девушка из деревни может принадлежать ему, а если не захочет, у него есть сила и деньги. В праздничный день никого не встретишь, богаче его одетого. Сухман городского сукна, атласная красная рубаха,

хромовые сапоги со скрипом и блестящие галоши. На семике люди, показывая на него пальцами, перешептываются: «Это сын Разумова...»

Задолго до масляной недели вороной скакун хороших кровей ставился на овес. А на маслянице молодой хозяин буйным вихрем носился по деревне, задевая саними скромные розвальни односельчан, опрокидывая их в снег, сбивая с ног случайно зазевавшихся, празднично настроенных прохожих.

— Смотри, народ, знай наших!

Если кто во время таких гульбищ и пришелся не по вкусу, не сумел угодить, такого проучить было нетрудно: подговорить человека (благо в кармане всегда звенит монета) да в темном переулке...

Потом он рекрут: неделю пьет, гуляет, бьет всех, кто пришелся не по нраву, сводит старые счета, разбивает окна, ловит и оскорбляет девчат,—словом, «гремит» по всей округе.

Рекруты на станцию шагают пешком, а он едет на тройке.

Военная служба. Пенза, Ростов, Псков...

Он уже унтер-офицер. Узкий, кривой переулок в городе, верхний этаж, а там гуляющая девка Элла...

Вспомнилось одно нелепое гульбище с «младшими чинами», драка и неприятный полет по лестнице, сопровождаемый шумным хохотом солдат.

Дальше — фронт, месяцы сиденья в окопах, стоянки в городах и снова пьянки, веселый разгул, женщины...

Февраль 1917 года. Митинги, выкрики о войне «до победного конца», расправы над мирным крестьянством. Небольшая передвижка времени и—Октябрьская революция.

Начались революционные строгости, шуметь стало нельзя. В гражданскую войну — пребывание в тылу.

Нужны деньги. На помощь явились загадочные «деловые» личности, скрывающиеся в темных трущобах больших городов; с ними легко было сплавлять казенное обмундирование из склада. Вновь началось привольное и разгульное житье.

И совершенно неожиданный финал — тюрьма.

Побег... Начинается жизнь бездомной одичавшей собаки. Бесконечные грабежи, невинная человеческая кровь, водка. Всегда, каждый день, каждый миг—

опасность, страх быть пойманным и уличенным. До каких пор может это длиться? Что ожидает впереди?

Заветные планы терпят крушение, желания тухнут, все уходит куда-то в пропасть. И не осилить Советов, нет надежды на возврат прошлого, оно исчезло навеки, навсегда. Кругом начинается какая-то новая, непонятная жизнь; у людей есть свои, враждебные Махорке цели, перед собой они видят дорогу.

— А что есть у Махорки? Нет ничего, пусто и темно.

«И я подохну где-нибудь в канаве под забором» — запел он потихоньку осипшим, простуженным голосом, охваченный безрадостными думами.

Глаза, еще больше помутневшие, закрылись.

Так сидел он одну — две минуты, потом вскочил с места, тряхнул головой и хрипло выкрикнул, стукнув кулаком о стену:

— А все-таки я еще напому о себе! Даром они меня не возьмут! Дорого им это обойдется!

Быстро собрался, подал Уртему руку.

— Сывпул.

— Куда ты хочешь итти? — спросил Уртем, привыкший к неожиданным выходкам своего незадачливого родственника.

— В Казань. У меня там друг есть. Его поищу.

— Вернешься?

— Не знаю, что будет...

— Не худо бы тебе заглянуть недельки через две. К тому времени здесь все утихнет.

— Там видно будет. Пиши письма.

Написав адрес на клочке бумажки, Махорка вышел. Заперев за ним дверь, Уртем прилег на лежанке, но сон не шел в голову.

Ворочаясь с боку на бок, вспоминая былое, строя разные планы уничтожения своих врагов, все еще надеясь на какое-то необыкновенное, сверхестественное чудо, Уртем провел несколько мучительных часов.

Однако, сколько он не думал, какими хитроумными измышлениями не тешил себя — толку не предвиделось, ничего реального в голову не приходило.

«Неужели будут распоряжаться жизнью эти нищие? Неужели власть навсегда окажется в руках таких, как солдат Тарас, Седек Якку? Нет, этого допустить нельзя! Тогда житья нам не будет...»

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Уртему снились какие-то невиданно большие черные собаки, огромные крысы и вообще всякая чертовщина.

Чудовища окружили его со всех сторон, Уртем отбивался тяжелой дубиной. Затем неожиданно откуда-то взялась женщина — та самая вдова, у которой умерла от голода девочка. Она стояла в отдалении, громко хохотала, потом принялась бросать в него комьями земли, камнями. Над самым ухом вдруг забили в барабаны.

Уртем проснулся от страха, весь в холодном поту. Оказывается, стучали в окно. Он раздраженно сбросил с себя ватное одеяло, громоздкой кучей давившее грудь, и подошел к окну. Стучал сынишка зятя Мамуна.

«Это не к добру. Без дела мальчишка не придет спозаранку», — настороженно подумал Уртем, открывая дверь.

— Зачем пришел? — спросил он мальчика, хмурая лохматые брови.

— Отца увели... — ответил тот, собираясь плакать. — Мать притти тебе велела.

Уртем почувствовал, как у него отнимаются похолодевшие ноги и колкие мурашки бегут по спине.

— Когда, кто увел? — испуганно спросил он.

— Так судьи же... Которые в школе были... Пришли, отперли амбар, посмотрели, а потом заперли своим замком и увели отца. Я сам не видел, мать говорит. Идем, Уртем пичче, до нас.

Уртем, накинув на скорую руку сукман на плечи, направился к дочери и узнал подробности ареста. Действительно, все произошло так, как рассказывал парнишка.

Председатель проверочной комиссии вместе с Тарасом и комсомольцами пришли к Мамуну, осмотрели амбар с казенными продуктами, полученными для голодающих, заперли его, наложили пломбу, а затем увели хозяина.

Это известие окончательно взбесило Уртема. В бесильной злобе он прикусил губу.

Ничего нельзя было придумать, все перемешалось в голове. Жене Мамуна он тоже ничего не смог ни объяснить, ни посоветовать. Яростно хлопнув дверью, Уртем вышел на улицу.

«За что взяли Мамуна? Что они могли узнать? Ведь все делалось, гладко, аккуратно. Что предпринять?» — настойчиво спрашивал он себя и не получал ответа.

Вначале уличить Мамуна было не так-то легко. Для ареста не находилось достаточных оснований. В документах, в расходно-приходных ведомостях, которые внимательно просмотрела комиссия, ничего незаконного не оказалось. Сколько получили, столько и израсходовали. Баланс велся по принципу «шито-крыто». Члены комиссии прекрасно понимали, что имеют дело с искусно прикрытым воровством, но доказательств никаких не было, документация содержалась в полном порядке, предъявить обвинение Мамуну оказалось невозможным. «Ничего не поделаешь, из воды сухим выходит, прохвост», — досадовал Тарас.

Но скоро дело приняло совершенно иной оборот. Случилось это так.

Одновременно с этими событиями в Эндрьяле, на базаре уездного города появились в продаже поджаристые аппетитные белые булки, которыми торговала толстая женщина. Каждая булочка стоила две тысячи рублей. Если покупатель был одет хорошо и казался ей достаточно солидным, торговка шопотом предлагала ему сахар, муку, какао.

Русый, молоденький чекист, наблюдавший за порядком на базаре, заметил все это и стал допытываться — где торговка брала продукты. Сметливая женщина, ничуть не растерявшись, принялась тараторить, что продукты она получила от сына, живущего в Москве, и продает по великой нужде. При этом она божилась, крестилась, клялась отцом и матерью, помянула чуть не всех святых. Но ничто не помогло, чекист увел ее с собой. Обыск в доме торговки дал неожиданные результаты: в садовой беседке под старыми половыми досками был обнаружен целый склад многих дефицитных продуктов: сахар, белая мука, сгущенное молоко и прочее.

На допросе торговке ничего не оставалось делать, как признаться, что продукты ежемесячно доставлял ей Мамун, когда получал их в городе для голодающих. Чтобы раскрыть преступление на месте, в Эндрьял выслали человека, который, с помощью уже работавшей комиссии, легко разобрался в деле.

Через три дня состоялся суд над Иливаном и Казяром. На скамью подсудимых вместе с ними сел и Мамун.

Суд над алчными хищниками, отнимавшими у голодного народа последний кусок хлеба, пришли слушать не только жители Эндрияла, но и крестьяне окрестных деревень. Школа была набита до-отказа.

Как изменились все трое! Былой надменности, презрения к людям, важности не осталось и следа.

— Лопнул пузырь!—острили мужики.

Виновные отвечали на вопросы судьи робко, обиженно, стараясь показать, что судят их напрасно. Никаких дурных дел они не творили, наоборот, всегда стремились улучшить жизнь деревни, ночей не досыпали, все заботились о голодающем населении.

Особенно выделялся Иливан. Он говорил протяжным и плаксивым голосом, поднимая глаза к небу и прижимая к сердцу руки, густо поросшие рыжеватыми волосами.

Притихшие люди слушали и удивлялись, но вскоре не выдержали, и кругом послышались громкие, насмешливые возгласы:

— Ай-уй, какой он, оказывается, богомольный!

— Наверное, и к Кулине приставал с молитвами!

— Кто знает, может, после каждой краденой лошади святому Николаю свечку ставил! Какой святой жулик!

А Иливан даже креститься начал, обращался вслух к богу, чем, наконец, рассмешил и судью.

— Слушайте, подсудимый Иливанов,—заметил он,—здесь, пожалуй, не стоит беспокоить бога. Суд не церковь, и я не поп.

Все три преступника, каждый по-своему, старались смягчить своим видом и поведением суд, вызвать сочувствие у народа. Но ни у кого из слушателей нельзя было прочесть в глазах жалости. Обо всем, что видели, слышали и натерпелись жители Эндрияла, без утайки и страха говорили свидетели, отнюдь не стараясь выгородить обвиняемых.

Иливану не сиделось спокойно, он все норовил доказать свою непричастность к преступлениям. Но наконец, убедившись, что ни односельчане, ни судьи не выражают ему сочувствия, сделал удивленно обиженный вид

и, втянув маленькую головку в плечи, замолк, часто-часто мигая глазами.

Кузьма и Мамун держались по-иному. Эти сидели молча, недвижимо, низко опустив головы.

Суд в один день не кончился. Свидетелей оказалось много. На следующий день из города привезли ту самую толстуху, которая продавала на базаре булки. Или надеясь на снисхождение судей, или с перепугу, она выложила всю правду. Оказалось, что Мамуна она знала еще до революции, когда он служил приказчиком у ее мужа в магазине. Продукты он доставлял ей при каждой поездке в город. «Купля-продажа» смачивалась обильными могарычами.

— Самогонку он сам привозил, я только закуску поджаривала,—закончила спекулянтка, невинно поджимая губы.

Эти слова вызвали у слушателей новый взрыв возмущения, люди стали вскакивать с мест и кричать:

— Вот, чортово пугало!

— Самоё бы её нажарить горячим прутом!

— Раньше сидела на народной шее и теперь того же хочет!

— А Мамун-то, Мамун чего выделывал!

— Бывают же такие подлецы!

— Люди с голоду мрут, а он, собака, последний кусок отнимает, да с бабами пропивает!

Судья, постучав карандашом по столу, установил порядок. Затем, опросив еще несколько человек, объявил допрос свидетелей законченным и предоставил слово общественному обвинителю Тарасу Николаеву.

Тарас встал из-за своего маленького столика, за которым сидел все время судебного следствия и порою задавал обвиняемым вопросы. Развернув листочек бумаги, он пробежал по нему глазами и, набрав в грудь воздуха, заговорил спокойно и громко:

— Товарищи судьи! То, что я хочу сказать, вам уже известно от многих свидетелей. Действия этих людей,—кивком головы Тарас указал на подсудимых,—творивших недопустимый произвол и безобразия в деревне, достаточно ясны из показаний пострадавших. Но все же мне хочется кое-что добавить. Кого мы судим сегодня? Мы судим опасных врагов народа!

Тарас повысил голос, к лицу его прилила кровь, се-

рые глаза заблестели, сделавшись еще глубже и выразительнее.

— Народ переживает тяжелое время, напрягает все силы, строя новое общество. А эти три волка, потерявшие людской облик, как кровожадные дикие звери, пили в это время человеческую кровь. Они торговали нашим потом, слезами голодных вдов и сирот. Теперь эти хищные коршуны сидят перед вами...

Народ слушал, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Справедливая, гневная речь доходила до самого сердца.

Прислонившись к двери, слушала и Варук. Она невольно думала, гордясь Тарасом: «Как хорошо говорит! И где такие слова находит, будто по книге читает».

— С головой и корнем навеки уничтожим эту нечисть, пусть духа ее не будет среди нас!—продолжал Тарас.—Они трудовых людей за рабов своих считали! Мы тоже не дадим им пощады. Им нет места в советском обществе. Мы требуем для виновных справедливого и сурового наказания!

— Ой, правильно сказал! — удовлетворенно зашумели в зале.

— Нечего их щадить!

Председатель суда объявил:

— Обвиняемым предоставляется последнее слово.

Казяр и Мамун даже головы не подняли, но Иливан вскочил с места.

— Я скажу, у меня есть...

— Говорите.

— Я... Я, граждане судьи, виноват. Сознаюсь: виноват,—начал елейным голосом Иливан, вытирая дрожащей рукой вспотевшее лицо.

— Это мы и так знаем, что виноват,—заметил Якку Седек, пересевший поближе к столу.

Судья призвал его к порядку, и Иливан заискивающе продолжал:

— Свою вину я сейчас только понял. Ей-богу,—и он, полузакрыв глаза, истово перекрестился.

Слушатели отозвались дружным смехом.

— Правду говорю,—уверял Иливан, прикладывая руки к тому месту, где у него предполагалось сердце, и глядя просящими, масляными глазами, продолжал:— Поверьте мне... Я так делать никогда больше не буду, простите меня, пощадите!

— А ты сам щадил людей?

— Настоящий волк в овечьей шкуре!— услышался звонкий женский голос.

— Впредь я всех буду жалеть!— попытался продолжить Иливан.

— Проживем как-нибудь и без твоей жалости!

— Душу свою буду отдавать за народ!

— Шайтану отдай свою душу!

Иливан обессиленно развел руками, выражая всем своим видом страдание и полное раскаяние.

— Что же я могу еще сказать? Пропал я, видно. Никто не хочет заступиться за меня, не жалеют старика.

В ответ раздался насмешливый женский голос.

— Не дать ли тебе соску, рыжий дьявол?

Судья обратился к Иливану:

— Вы больше ничего не хотите сказать?

Иливан обиженно покачал головой.

— Ну, а вы?— спросил судья Казыра и Мамуна.

Но оба они тупо молчали.

Когда суд удалился на совещание, народ высыпал во двор школы и на улицу. Все горячо принялись обсуждать, какое наказание ожидает подсудимых. Делали разные предположения, но сочувствующих попрежнему не было.

Суд приговорил Казыра Кузьму и Иливана к лишению свободы на десять лет, а Мамуна на пять.

Провожали осужденных всей деревней, людьми руководило простое житейское любопытство, но не жалость. Плакали и причитали только жены преступников, стараясь всему миру показать, что мужья их страдают невинно.

Но и это никого не трогало. Из посторонних только самогонщица Ктерине Микстур подошла к Иливану, протянула ему узелок со свежесвеженными лепешками и, прослезившись, подала руку на прощанье.

— Сюся крышку жалет! — рассмеялись среди людей, наблюдавших эту сцену.

— Одна шатия-братия, что и говорить! Она от него пользу имела, он — от нее!

Лява Уртем, сидевший на суде в сторонке и не проявлявший внешних признаков волнения, не подал вида и теперь. Подойдя к Мамуну, сдержанно успокоил:

— Очень-то не тужи! Кого нужно — повернем по-своему. О семье тоже не беспокойся, в обиду не дадим. Преступников посадили в телегу, и лошади легкой рысцей выехали за околицу.

Спустя несколько минут подвод не стало видно, только серое облако пыли поднималось к небу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Вечером комсомольцы Эндрияла провели совещание с бедной, а на другой день было созвано общее собрание всего села. На обоих собраниях представитель волисполкома говорил об улучшении работы в деревне: о том, чтобы крестьяне больше принимали участия в общественных делах, контролировали местную власть, чтобы смелее говорили о своих нуждах. Выступали и комсомольцы, рядовые сельчане. Их пожелания сводились к тому, чтобы в сельсовет были избраны люди честные и толковые, болеющие душой за народ.

Тараса радовала эта возрастающая активность. «Хороший народ,—думал он.—Встанем на правильный путь,—и работа пойдет неплохо».

После полудня начались выборы нового сельсовета. Все обошлось без обычных криков и споров. С общего согласия, выбранными оказались: Тарас, Назар, Хомут Эндри, Седек Якку, Павел пичче, Мигиш от молодежи и Кулине от женщин.

В заключение представитель волисполкома сделал наказ вновь избранному сельсовету, чтобы он работал в интересах бедняков и середняков, стремился поднять культуру и хозяйственную жизнь села, предупреждал попытки кулаков и их приспешников мешать укреплению советских порядков.

Новый сельсовет единогласно утвердил председателем Тараса. Столовую передали в руки Назара: «Ты честный и исполнительный человек,—сказали ему,—мы тебе доверяем».

Долго заседали члены сельсовета, обсуждая будущую свою работу. Люди как бы освободились от тяжелой ноши, вздохнули полной грудью. Каждый говорил громко и свободно. Вспоминали и о переделе земли, и о починке мостов, и о ремонте школы. Назар не преминул заявить об освоении Чертополохова поля путем коллективного переселения туда бедняцких хозяйств. Вопрос этот, как

наиболее сложный, решили обсудить еще раз позже, когда жизнь в селе войдет в нормальную колею.

В конце заседания Варук пришла позвать отца обедать. Тарас успел шепнуть ей несколько слов.

Вечером, как обычно, они встретились на своем любимом месте, возле садика Варук.

Вечер был благодатный. Влажный воздух доносил с полей и садов свежесть зелени. В листве шуршали птицы, устраиваясь на ночлег. Легко и непринужденно текла беседа. Почему-то заговорили и про недавний суд. Варук сказала, что ей очень понравилась речь Тараса.

— Ты как книгу читал,—проговорила Варук, глядя на него с нескрываемым восхищением.

— Э, разве еще так умеют говорить люди!

— Какие это люди? — изумленно подняла тонкие брови Варук,—для нее Тарас был законченным совершенством.

— Ученые люди, Варук. Нам обоим еще многому надо учиться.

— Как это «обоим»? — окончательно удивилась девушка и даже слегка отодвинулась от Тараса.

— Все так же, как другие учатся. Разве тебе не хочется учиться?

— Мое время уже отошло, наверное,—вдохнула Варук, виновато улыбнувшись.

В свою очередь Тарас ласково улыбнулся ее наивности и проговорил:

— Нисколько не отошло. Учиться никогда не поздно. В этом ты сама убедишься, когда мы с тобой сядем за парту. Погоди немного.

Он увлеченно принялся говорить о том, как молодежь не только здесь, в Эндрияле, наладит учебу, но еще в город будет ездить. Из местных людей выйдут агрономы, учителя. Деревенская жизнь не будет отличаться от городской.

— Ты вспомнишь этот разговор, когда сбудутся мои слова.

Но, повидимому, Варук не во всем могла поверить ему. Ей просто хотелось слушать горячие слова Тараса, как чудесную песню или сказку, которой хоть и не веришь, но не оторвешься. Она со вздохом припала к его сильному плечу.

— Значит, наши дети будут счастливее нас.

— И мы будем счастливы, Варук. Но прежде чем получить счастье, надо как следует поработать, счастье само не свалится на голову...

Оба не заметили, как наступил рассвет. Тарасу показалось, что он не успел сказать и сотой доли того, что хотелось, самое главное осталось невысказанным.

Утром, когда Варук домывала пол в сенях, прибежал Микуль, братишка Тараса.

— Тебя в сельсовет зовут;—прерывающимся голосом выкрикнул он.

— Кто зовет? — подняла голову Варук.

— Пичче зовет,—тоном, не допускающим возражений, пояснил подросток.

Варук удивилась, не зная что подумать.

— Это правда, или ты шутишь? Выдумал, наверное? — испытующе заглядывая в лицо мальчишке, спросила она.

— А мне за вранье деньги, что-ли, платят? — бойко ответил Микуль слышанной где-то фразой.—Не тебя одну, и Марину велел позвать. Иди скорее,—закончил он скороговоркой и, как ветер, помчался дальше, сверкая голыми пятками.

— «И Марину зовут,—повторила девушка про себя, окончательно сбита с толку.—Как же это так? Вечером вместе были и он ничего не сказал».

Варук думала так и сяк, но ничего не придумала. Домыв крыльцо, она направилась к Марине.

— Дома нет, ее Тарас зачем-то в Совет позвал,—ответила мать Марины, когда Варук спросила про подругу.

Варук, все еще недоумевая, пошла в Совет.

Оказывается, и в самом деле ее там ждали. Едва девушка переступила порог, как Тарас сразу окликнул:

— Иди сюда скорее!

— Что случилось? Я ничего не понимаю!—застенчиво проговорила она, глядя большими глазами на Тараса, на Марину и Кулине аппу, сидевших за столом.

— Да ничего особенного не случилось,—ответила Кулине, смеясь,—замуж тебя решили отдать!

Варук покраснела до ушей.

— Пусть другие выходят. Зачем вы позвали меня?

— Надо в город отправляться,—ободряющим тоном промолвил Тарас.

— Кому?— вскинула длинные ресницы Варук, думая, что он тоже шутит, хотя лицо его было серьезно.— Зачем в город?

— Сегодня бумажку прислали. В городе будет женское совещание. От нашей деревни просили три человека прислать. Вот мы и решили послать вас,—он указал глазами также на Марину и Кулине.

— А что мы там будем делать?

— Ничего особенного. Послушаете, чего говорить будут, а вернетесь в деревню—другим расскажете.

Варук решила, что Тарас все еще шутит над ней и, обидевшись, отрицательно покачала головой.

— Из меня ничего не выйдет. Посылайте кого-нибудь другого. Это просто насмешка.

— Успокойся, Варук,—вмешалась Марина,—страшного здесь ничего нет. Поедем, посмотрим, послушаем.

— Я старуха, и то хочу поехать,—добавила с улыбкой Кулине.

— Ну, ты теперь в сельсовете выборная, тебе, конечно, придется ехать.

— Значит отказываешься?—удивился Тарас.—А ведь вчера мы с тобой говорили по-другому. Учеба с этого начинается...

— Может быть и так...—неуверенно ответила Варук, теребя слабо позвякивавшие на шее монеты.

— Ну, так как же?

— Не знаю...

Девушка заколебалась. Она была ошеломлена неожиданным предложением послать ее в город в качестве делегатки. Но Тарас просил так убедительно, а Кулине с Мариной так легко дали уговорить себя, что Варук не выдержала и робко согласилась.

— Ладно, только не знаю, как отец...

— Насчет отца не беспокойся,—успокоил Тарас.— Если будет против, я сам поговорю. Ты ступай и собирайся поскорее. Чтобы к шести часам вечера быть в городе.

Когда Варук с Мариной сказали Назару о своей поездке, он сначала задумался, но все же возражать не стал и отпустил дочь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вновь избранный сельсовет принялся за самое неотложное. Первым делом решили отремонтировать два моста, ворота и изгородь околицы.

На следующее же утро, после отъезда Варук в город, Тарас собрал трудоспособное население, рассказал о намеченных работах, предложив на другой день сойтись к школе с топорами, заступами и пилами.

— Если мы, товарищи, не сделаем это своими силами, никто к нам не придет и не поможет. Для себя же будем стараться.

Тарас не раз видел, как в городе рабочие отправлялись на восстановление своих заводов, мастерских, дружной трудовой семьей, проводили массовые субботники. Поэтому организация общественных работ для него не казалась новинкой. Он взял общие списки жителей, отметил, кого и куда можно назначить. И, когда собрался народ, Тарас поделил всех на три группы: одну решил направить на ремонт моста через Монсирминский овраг, другую—на Хаяматов мост, третью—на исправление ворот и изгороди. И к каждой группе он прикрепил члена сельсовета для руководства.

Сам Тарас решил отправиться на Хаяматов мост, где работы предстояло больше всего и она была труднее.

План сельчане приняли и одобрили.

— Это нужное дело.

— Умно придумано, с толком,— отозвались крестьяне, расходясь по домам.

На следующий день работа закипела на трех участках. Вокруг Эндряла целый день было слышно, как грузно падали на землю поваленные ветлы, визжали пилы, гулко стучали топоры, громко разговаривали и перекидывались шутками люди, выполнявшие тяжелую работу, и серебряными колокольчиками заливались детские голоса ребятишек, сновавших между взрослыми. Никто не сидел без дела, помогали даже школьники.

Тарас тоже работал до седьмого пота, вбивая новые сваи для моста, вместо подгнивших. Вместе с ним комсомольцы показывали пример в работе.

В перерыве, когда все уселись перекурить, Тараса окликнули. Он оглянулся и, увидев, что зовет его Хомут Эндри, быстро поднялся на пригорок.

— Ты что, Эндри пичче?

— Мы закончили работу в Монсирминском овраге, что нам дальше делать? Домой отпустить народ или сюда привести?

— Конечно, веди сюда. Работа найдется. А что вы больно скоро закончили?

— Ну, так ведь мы как львы работали,—ответил Эндри, весело потирая руки и поблескивая темными глазами из-под черных бровей.—Хоть и голодны, да духом не падаем.

— Ладно, веди людей прямо сюда.

Когда Хомут ушел, Тарас оглянулся на овраг. Люди, как трудолюбивые муравьи, копошились внизу. Одни рыли землю, другие таскали доски, третьи сколачивали перила или настил моста.

Это общее усердие и деловитость радовали и трогали Тараса. Хотелось каждому подать руку и сказать сердечное спасибо, или каждого пригласить к себе, посадить на лучшее место за столом и потчевать, как самого дорогого гостя.

«Вы хорошо, честно трудились, пейте и ешьте»,—сказал бы он по-родственному.

Но приходилось только думать об этом: у него самого давно уже не было настоящего хлеба. Это неприятное воспоминание ножом резануло сердце.

Поблизости послышался плач ребенка. Тарас увидел, как по крутому склону оврага карабкался мальчик лет трех, еле перебирая кривыми ножками и заливаясь громким, жалобным плачем.

Испугавшись, что он свалится вниз, Тарас быстро сорвался с места и подбежал к ребенку.

— Что плачешь, герой?—спросил он, поднимая мальчика на руки.—Давай вытрем носик.

Ребенок или обиделся на то, что чужая рука дотронулась до его крохотного носика, или испугался незнакомого дяди, только заплакал пуще прежнего.

— Ну, что такое случилось? Что стряслось, цыпленок? Люди большое дело делают, радоваться надо, а ты плачешь.

— Мемме,—выговорил прерывающимся голосом ребенок, вытирая глаза худенькими, грязными кулачками и опять заливаясь плачем.

— Кушать хочется? Так давно бы и сказал...

Тарас вытащил из кармана кусок пажалу, испеченный из дуранды пополам с полбенной мукой, захвачен-

ный из дома на обед, и, отломив добрую половину, отдал ребенку.

Тот сразу замолк.

— Вот хорошо. Кушай, не плачь больше,—стал успокаивать его Тарас.—Потерпи, сынок, немного, калачи будем есть...

Но ребенку больше ничего не было нужно. Не слушая Тараса, он крепко ухватился за пажалу и принялся торопливо глотать кусок за куском, почти не пережевывая. Тарас грустно посмотрел на мальчика, с аппетитом уплетавшего грубую, совсем не детскую пищу, покачал головой и, поставив ребенка на землю, спустился в овраг.

Через час Хомут Эндри привел своих людей. Тарас поручил им разравнивать дорогу, ведущую в поле. У людей будто прибавились новые силы, работа закипела еще быстрее и не прерывалась до самого вечера, когда солнышко стало спускаться к Засурскому лесу.

Поздно вечером, когда пастухи пригнали малочисленное стадо, люди, закончив работу, устало направились по домам.

— Говоря по правде, я не надеялся, что работа пойдет так споро и удачно,—говорил Тарас Павлу пичче, с которым возвращался домой по узкому переулку.— Я рассчитывал, что собираться придется по меньшей мере раза три. Не шуточное дело, какую уйму дела своротили!

— А ты что думаешь? Народ он такой: дай правильный толчок—горы своротит...

— Правильно.

— Теперь, до рабочей поры, школу починить надо бы. Помнишь, я еще в прошлый раз, когда к тебе молодежь собиралась, говорил об этом. В том году дети путем и не учились: холод не давал. Не получилось бы так и нынче.

— Сделаем, Павел пичче. Наладим, от нас все зависит.

В этот вечер Тарас, едва добравшись до постели, сразу крепко заснул. Так, пожалуй, он еще ни разу не засыпал после возвращения из армии.

Ему приснился хороший сон. Он видел широкую и спокойную реку, радугой сверкавшую на солнце, необъятные просторы лугов, полные пестрых цветов, мно-

жество веселых людей, собравшихся на весенний хоро-вод, одетых в праздничные нарядные одежды. А среди других он видел себя и Варук: будто оба — рука об руку, тоже довольные и счастливые.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Назар ко всякому делу привык относиться с душой. Когда питание детей передали в его руки, он взялся за работу со всем усердием. Не откладывая в долгий ящик, он решил перевести столовую к себе во двор, устроить ее на открытом воздухе. Для этого врыл под навесом несколько невысоких столбов, покрыл их длинными досками — получилось подобие больших столов. Вокруг них Назар пристроил длинные скамьи, по росту детей. Во дворе стояла лачуга. Назар надумал оборудовать ее под кухню. Убрал оттуда лишние вещи, попросил жену хорошенько вымыть полы, а сам побелил стены мелом.

Когда помещение было готово, он пригласил Тараса посмотреть.

— Ладно ли так будет, Тарас Петрович?—спросил он, вводя его в чистенькую лачужку.

— Хорошо, очень хорошо,—похвалил тот, окидывая взглядом свежeweбеленные стены.—Никакая санитария не забракует. На-совесть сделано, Назар пичче. Хоть под конец детишек получше покормим.

— Если будешь стараться, всякое дело выйдет,—обрадовался похвале новый заведующий столовой.

В тот же день Назар на трех подводах уехал в город и вернулся к вечеру с тяжело нагруженными возами.

— Сказали — последний раз, больше не будут отпускать,—сообщил он Тарасу, вводя лошадей во двор.

— Неужели совсем не дадут?

— Нет, говорят. Наказывали быть бережливее.

— Это ясно, да ведь из одного зерна все равно два не сделаешь.

— Придется экономить. Ничего, обойдемся, если честно будем ребятам делить. Паек не маленький.

Тарас задумчиво покрутил в руках палку, потом, обернувшись к Назару, спросил:

— Варук с девушками там не видел?

— Нет, не видел.

— Сегодня должны бы уж вернуться, три дня прошло.

Пока Назар снимал поклажу с воев, во двор стали собираться крестьяне. Каждый, будто ненароком, спрашивал о привезенных продуктах,—сколько и чего отпустили, интересовался, будут ли снабжать дальше. Было заметно, что изголодавшиеся люди крепко надеются на помощь государства. Назар каждому ответил, стараясь ободрить.

Вслед за сельчанами во двор ленивой походкой вошел Микстур Михали, сын известной самогонщицы Ктерине, одетый в истрепанные галифе необъятной ширины, которые поддерживались яркозелеными помочами.

Его вид живо напомнил Тарасу, как Михали вел себя на первом молодежном собрании, и ему поневоле стало смешно.

— Э-э, Михал Михалыч, каким ты франтом сегодня вырядился. Чистый генерал! Где ты их добыл?—указывая на галифе, спросил Тарас.—А то все бывало жаловался, что шаровар у тебя нет.

— Мы найдем,—хвастливо ответил Микстур, сплевывая сквозь зубы и засовывая руки в карманы.—С нами много не говори.

— О-о, больно ты загордился, голова,—подзадорил кто-то из ребят.—Уж не разбогател ли?

— А ты что думаешь! Еще бы, в таких штанах, да не загордиться,—подлил масла в огонь другой, насмешливо подмигивая в сторону Микстура.—Смотри-ка, в каждую штанину четверть браги влезет и заметно не будет.

Все рассмеялись. Микстур, сердито покосившись на насмешников, коротко бросил:

— Ослы!—и презрительно сплюнув еще раз сквозь зубы, какой-то особенно небрежной и развалистой походкой направился к выходу.

— Вот самогонная бочка!—засмеялись вслед мужики...

Вечерело. Покуривая и мирно разговаривая, люди расходились по домам, в след за опустевшими подводами.

Тарас смотрел, как Назар большим замком запирает дверь амбара. Донесся чей-то громкий голос с улицы:

— Идут, делегатки идут!

— Кажется, Варук возвращается,—сказал Тарас, торопливо направляясь к калитке.

На улице он и в самом деле увидел делегатов. Польщенные вниманием соседей, они шли, довольно переглядываясь и улыбаясь.

— Вернулись, пропавшие!—шутливо встретил их Тарас, приветливо подавая руку.—А мы хотели через милицию розыски объявить.

— Совсем не хотели возвращаться, да потом передумали, ладно уж!—рассмеялась Варук, обращая к Тарасу разругавшееся, веселое лицо.

— Неужели так понравилось?

— Ну, что и говорить!

— Никогда невиданное довелось посмотреть,—серьезно добавила Кулине аппа.

— Н-ну? Тогда садитесь и рассказывайте, пожалуйста, скорее.

Тарас сел на бревно, тут же разместились и делегатки. Присоединились еще несколько человек. Вышел и Назар.

— Ну, Кулине аппа, ты постарше, тебе и начинать,—попросил Тарас.

Кулине аппа деловито поправила свой нарядный, вышитый шелком масмак¹, сползший на затылок, пригладила ладонями волосы и с улыбкой посмотрела на окружающих ее людей.

— С чего же начинать?

— По порядку говори,—предупредила Варук.

— Ну, ладно, расскажу по порядку,—начала Кулине аппа, но запнулась и беспомощно посмотрела на девушек.—Честное слово, не знаю, с чего начать.

— Как добрались в город, с этого и начинай,—подсказал Тарас.

— Ну, ладно. В город мы добрались к вечеру, нашли тот дом... Какой это дом-то, Варук?..

— Уком.

— Ага, уком. Потом мы дали свои бумаги какой-то девушке с короткими волосами. Она нам сразу: «Вы сегодня ели или нет?»—Мы, конечно, говорим: «Ели». «А когда?» «Утром»,—говорим. «Если так, идемте сначала в столовую»... И вот мы направились туда, где раньше был базар. Зашли в большой дом, поднялись

¹ Национальный головной убор с украшениями.

на второй этаж, уселись за длинный стол и нам тут же принесли две разных еды.

— И вы, конечно, разом уплели все?—заметил шутливо Назар.

— А почему бы нам отказываться, если угощают? Ну, поели, потом нас эта майра повела в самый центр города, в этот... театр, что-ли, называется. Вошли туда, а там, господи! Полным полно женщин. Как в муравейнике. И откуда только понаехали? Не меньше пятисот, верно, было. Потом, вдруг, прямо над головой, протяжно зазвенел колокольчик. Тогда женщины стали усаживаться на стулья. У меня в голове все кругом пошло, не знаю, на что и смотреть. Народ усаживается, везде разговаривают, шумят. Комната кругом красным ситцем украшена. Ей богу, не меньше ста аршин развесили на стены. И весь ситец исписан.

— А что было написано?—полюбопытствовал подошедший Исай.

— Я сама-то не умею читать, так и сказать тоже не могу. Вот эти,—Кулине аппа повела глазами в сторону девушек,—читали как будто. Что там было написано, Варук?

— Написано, что женщины с мужчинами равны, что их привлекать ко всяким делам надо,—отозвалась Варук.

— Ну это, пожалуй, слишком уж крепко сказано, не дело это,—проворчал подслеповатый мужик Шеверпусь, внимательно слушавший Кулине аппу.—Если волю дать, вы, пожалуй, бить нас начнете.

Кулине аппа по-своему поняла эти слова и строго ответила:

— Это правда, женщин бить теперь нельзя, не старое время. Предупредили, что за это можно под суд отдавать. Берегись, попадешь в белый дом кирпичи считать.

Шеверпусь смущенно почесал затылок.

— Ты по порядку, Кулине аппа, по порядку,—остановил расходившуюся делегатку Тарас.

— Я и так по порядку. Совсем мало посидели мы, опять прозвонил колокольчик и открылся перед нами громадный занавес. А за ним длинный стол, покрытый зеленой скатертью. Около него стоит сильно пожилая женщина. Народ, шумевший как пчелы в улье, затих. Тут начала говорить эта женщина. И вот, удивитель-

но,—сама-то она русская, а говорит по-чувашки. И очень часто говорит.

— Что же она говорила?

— Сейчас скажу... Что чувашская женщина жила раньше в темноте, не видала дневного света, жизнь ее проходила только в тяжелой работе, да около детей. Теперь так жить нельзя, сказала. Надо женщин на свет выводить, на дорогу. Она много говорила, я всего не помню, но мы все хорошо поняли. Говорила, что мы собрались на совет, как нашу жизнь лучше устроить. После ее слов, вдруг позади меня что-то зазвенело и как гром загредело. Я прямо подскочила с испугу.

— А что же это случилось?—заинтересовался Тарас.

— Сказали — музыка. Наверху, за загородкой место такое было, там человек двадцать в светлые трубы дули.

— А-а, духовой оркестр,—догадался Исай.

— Да, духовой, видно. Мы ведь не знали этого, что мы в деревне видели?

— Это правда. Ну, дальше, дальше,—торопил Тарас.

К собеседникам подошли Павел пичче, Хомут Эндри и еще несколько человек. Все они остановились, прислушиваясь к рассказу.

— Потом другие стали говорить. И что только не объясняли нам! Жизнь женщин должна измениться. Это так Ленин сказал. А пуще всего... это... женщины должны везде вместе с мужчинами. Чтобы их выбирать вместе. Вот как меня выбрали. Учить, говорит, надо. А дальше... Что дальше-то было, Варук?

— Доктора говорили.

— Верно. Один доктор в черных очках, высокий такой, про чистоту объяснял. Болезни среди нас, говорит,—из-за грязи. Если в одежде и в жилище соблюдать чистоту, и болезней будет меньше... После другая майра-доктор говорила, как за маленькими детьми ухаживать... Под конец нам дали такой наказ, чтобы мы обо всем этом рассказали женщинам в деревне. Вот много бумаг прислали, их надо прочитать и все делать, как там написано.

Послышались голоса:

— Какие бумаги?

— Покажи, Марина!

Марина бережно развернула белый платок, вынула пачку бумаг и разложила на бревнах. В свертке оказались плакаты о сельском хозяйстве, о борьбе с болезнями.

ми, и уходе за детьми. Крестьяне с любопытством принялись их разглядывать.

— Ну, еще что в городе видели? — спросил Исая, будто нечаянно придвигаясь ближе к Марине.

Они с самой зимы питали теплые чувства друг к другу, что не могло укрыться от взоров наблюдательных соседей, но робость, присущая молодости, не позволяла им признаться, и оба при встречах лишь заливались краской, выдававшей их с головой. Так случилось и сейчас. При словах Исаия Марина вся вспыхнула.

— Вечером показали живые картины,—сказала она, не смея взглянуть на Исая.

— Какие живые картины?

— А вот так, по белому полотну бегают... Кина, говорят, что ли...

— А-а, знаю. Кинематограф.

— А на другой день театр показали,—дополнила Кулине.

— Ох, и удивительно же это было!—воскликнула Варук.—Мне больше, чем в кино, понравилось. Видели мы, словно в жизни, как помещики издевались над нашей сестрой. Крестьянский сын полюбил девушку и хотел взять ее замуж, но на беду, она раз попалась на глаза баричу. И тот заспорил с парнем. Дело дошло до драки. Барич дал парню плюху, тот тоже не вытерпел, развернулся, да так ударил, что барчук тут же чуть не умер. Потом барские слуги схватили парня, а молодой барин хотел девушку опозорить. Только та девушка была смелая, не позволила себя обидеть, схватила висевшую в барской комнате шашку да как ударит барчука по голове и — бежать. Но не избавилась она,—грустно кончила Варук,—поймали ее. В конце несчастная девушка спела нам такую печальную песню, что у нас слезы так и потекли...

— Очень пожалели мы ее,—добавила Марина,—словно оправдываясь.

— А на третий день нам музей показали,—разговорила Варук.—И чего там нет! Начиная с чучел малюсеньких пташек и кончая большими медведями, все есть.

— И правда, никогда невиданное вам довелось посмотреть,—заметил подслеповатый Шеверпусь.

— Значит, немножко открылись у вас глаза? Так, что ли, девушки?—спросил Тарас, не сводивший глаз с Варук.—Не жалеете, что побывали?

— Чего тут жалеть!

— Что там хорошо будет, я наперед знал, потому так и хотелось вас послать. Соберем на-днях женщин и вам придется еще раз рассказать обо всем.

— Что видели своими глазами и слышали своими ушами, рассказать будет нетрудно,—сказала Кулине аппа, вставая с бревна и одергивая платье с широким напуском, подхваченное в талии поясом синего сапуна.

— Ну, девушки, пора домой... Уже вечереет. Не знаю, как тут детишки без меня жили.

Кулине и Марина пошли вдоль улицы, Варук заторопилась в дом, остальные тоже разбрелись по деревне. Около Назарова двора остались Тарас, Павел пичче, Хомут Эндри да Исай.

Ветер переменял направление и в воздухе повеяло прохладой. Облака потемнели, стало пасмурно.

— Не поставит ли сторожа к амбару, Назар пичче,—предложил Тарас после непродолжительного молчанья.

— Предосторожность никогда не может быть лишней,—одобрил Павел пичче.—Время тревожное. Бандиты еще бродят кругом, как голодные волки.

— Шайтан их знает, может в своей же деревне сидят,—проговорил задумчиво Хомут, пожимая плечами.

— Кого же поставим? — озабоченно спросил Тарас.

— Сам посторожу,—успокоил Назар,—вот тут лягу, около амбара.

Но Тарас запротестовал.

— Нет, так не выйдет, Назар пичче. Ты и в прошлую ночь кое-как спал, да и на завтра у тебя дел по горло. Кого-нибудь другого придется подыскать.

— Тогда разве Исая поставить?

— Правда, ты посторожи сегодня,—поддержал эту мысль Тарас.—Завтра у тебя особенной работы, кажется, нет, Исай?

— Хорошо, я согласен,—отозвался парень.

— Я тебе свое ружье заряджу,—сказал Павел пичче.—Как настоящий часовой будешь.

— И это ладно,—рассмеялся Исай...

В этот вечер голоса около назарова дома затихли не скоро. Мужчины, усевшись на бревнах, продолжали обсуждать поездку делегатов в город и не могли не согласиться, что это очень полезное дело—выдвигать женщин: ведь половина жизни находится в их руках. Потом

перешли на разговор о полевых работах. Назар опять заговорил о Чертополоховом поле, стал доказывать, какую пользу получают крестьяне, если согласятся на переселение. Теперь ему никто не возражал. Тарас решил обсудить этот вопрос на первом же общем собрании.

— Я и сам об этом думаю. Но, пожалуй, придется сделать это совсем не по твоему плану, а немного по-другому.

— Каким образом?—удивился Назар.

— Мне думается, нельзя ли для обработки земли создать товарищество... Ну, да ладно, об этом поговорим в другой раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Тарасу не хотелось спать. Он осторожно, чтобы не разбудить мать и братишку, ошупью нашел лампу, и зажег ее. Потом достал с полки связку бумаг, стал в них разбираться. Неожиданно ему в руки попала небольшая фотография. Сначала, не обратив внимания, он хотел отложить ее в сторону вместе с другими бумажками, но, вспомнив что-то, передумал, взял в руки и принялся пристально рассматривать. С хорошо сохранившейся открытки, как живые, смотрели его фронтовые друзья.

Первый товарищ — мордвин, происходил из Саранска, другой, русский, был из Нижнего, рабочий Сормовского завода, коммунист. Втроем они провоевали три года, вместе бывали в боях, горевали одним горем и радовались одному счастью. Мордвина вскоре после того, как снялись на карточку, убили в бою. Сормович воевал вместе с Тарасом еще год. Немало провели они задушевных бесед. На многое открыл рабочий глаза Тарасу: учил ненавидеть врагов революции, любить друзей — строителей новой жизни.

Вместе они и демобилизовались, поехали по домам. В Васильсурске друзья расстались по-братски тепло, обещая не терять связь и непременно переписываться.

Тарас смотрел на карточку, и фронтовые воспоминания охватили его. «Интересно, как живет он теперь? Надо выполнить обещанное — написать ему»,—решил он в заключение.

Тарас очинил карандаш, придвинул к себе ближе лампешку и принялся за письмо.

«Друг, Потап,—писал он, низко наклоняясь над листом и принаравливаясь к скудному свету, — прошел уже месяц, как мы расстались с тобой, но он пролетел для меня незаметно. Вернувшись домой, я впрягся в работу и тружусь, как лошадь. В нашей деревне жизнь до сих пор шла не очень ладно: ты, наверное, знаешь, какая в наших краях случилась засуха, и как бедствует народ. А тут еще в совет пробралось, говоря попросту, кулачье, приходится общими силами вычищать этот вонючий сор. Теперь многое поворачивается на иной лад: организовали комсомольскую ячейку, вокруг нас создается актив, женщины тоже начали принимать участие в общественной жизни. На-днях провели массовый субботник и думаем еще один организовать,— для ремонта школы. Большие планы роятся в моей голове, дорогой друг! Как изменить, как улучшить нашу жизнь, мне теперь стало виднее. И в этом ты мне помог. Спасибо за наши беседы. Но мы еще только начинаем, а сколько впереди огромной работы, сколько предстоит борьбы! Все же трудности не пугают меня, ведь за ними видна светлая, счастливая жизнь! Вера в эту жизнь, друг мой, радует и воодушевляет. Пройдут года, и врагов, что нам мешают, мы рассеем, трудности позабудутся, а мечты наши станут реальной жизнью. Для такого счастья есть смысл трудиться.

«Помнишь, о чем военком говорил нам при демобилизации? Он рассказывал о жизни через десять—пятнадцать лет. Говорил, что настанет время, когда сильнее нашей страны, счастливее нашего народа не будет никого в мире.

«Все это зависит от нас самих, от наших сил и усердия. Вы будете работать в городе, мы в деревне, но у нас общие задачи: укрепить хозяйственную мощь страны, поднять культуру, стереть разницу между городом и деревней. Радостно сознавать, что наша жизнь не пройдет попусту, мы постараемся достойно и с честью прожить ее. Разве не так, мой друг?

«Однако, я зашел слишком далеко, ты еще скажешь, что я учу тебя политграмоте. А мне самому еще учиться да учиться. Лично у меня перемен пока нет. Попрежнему холост. Та девушка, о которой я вспоминал, Варук, не обманула меня, ждала моего возвращения. Мы с ней часто встречаемся, постепенно приучаю ее к общественной работе. Хорошая она! И ум есть и характер добрый.

Может быть, осенью позову тебя на «туй» (так называется у нас свадьба). А как твои дела, как чувствует себя Таня с бумажной фабрики?.. Мать у меня тяжело болела, но теперь поправляется, братишка растет настоящим постреленком. Еще что? Право, больше нечего писать. Хотя вот назавтра предвидится одно очень важное дело. Думаем создать товарищество для совместной обработки земли, семей на двадцать или тридцать. План очень хорош, да не знаю, как выйдет. Потом напишу.

«Будь здоров. До свидания. Шлю тебе сотни наилучших пожеланий.

Твой друг **Тарас.**»

Тарас пробежал глазами написанное и сам удивился. «Оказывается, и я умею писать письма, смотри-ка!.. Если так дело пойдет, пожалуй и стихи начну сочинять», — улынулся он про себя.

Между тем погода на улице совсем начала портиться. Ветер все усиливался. Деревья за окном шумели глухо, как осенью.

Тарас убрал письмо и вышел на улицу. Небо заволкло тяжелыми и быстро бегущими облаками. Было совсем темно.

«Как там караулит наш Исай? Не уснул бы... Скверная ночь», — подумал с беспокойством Тарас.

Поправив на плечах шинель, он быстро зашагал вверх по улице.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Глубокой ночью, когда деревня мирно заснула, в задней половине уртемовой избы, за низеньким, некрашенным столом сидело четверо мужчин и одна женщина, о чем-то совещались. Из переднего угла комнаты уныло смотрели изможденные лики угодников, украшенные вышитыми полотенцами, выцветшими бумажными цветами и освещенные мерцающим огоньком лампадки.

На столе стояла четверть с мутным самогоном, аппетитно дымилась полбенная каша, утыканная частоколом деревянных ложек, лежали крупно нарезанный жирный ширтан¹ и янтарно-желтые соленые огурцы. Но компания не очень-то интересовалась яствами, внимание цели-

¹ Национальное кушанье из сушеного мяса—разновидность колбасы.

ком поглощалось рассказами Махорки, сидевшего в углу, под образами.

В последний раз, простившись с Уртемом, он направился в Казань, на поиски своих друзей, но там ему не повезло, он никого не застал в условленном месте: одних посадили в тюрьму, другие, избегая той же участи, разъехались. Махорка три дня околачивался в городе. Наконец, его начал донимать голод. Тогда он попробовал на пристани стащить деньги у зазевавшейся татарки, но это предприятие ему и вовсе не удалось: за ним погнались, принялись бить, и он только чудом спасся, прыгнув на отчаливавший пароход. В Козьмодемьянске Махорка благополучно слез, прихватив с собой два объемистых чемодана, облюбованных заранее у пассажиров. Распродав на базаре содержимое своего «багажа», он налегке явился в Эндриял.

Лява Уртем, проводивший в прошлый раз Махорку несколько суховато, теперь встретил его с распростертыми объятиями.

— Как хорошо, что ты приехал,—сказал он, гостеприимно усаживая его в передний угол избы.—Еле дождался тебя.

— Что такое?

— Дело есть, дружок. Стоящее дело.

Уртем поведал Махорке свои заветные планы. Он говорил шопотом, так, чтобы и домашние не услышали.

— Людей надо,—проговорил Махорка, когда Уртем кончил говорить.—Надежных найти можно?

— А много надо?

— Человека три-четыре.

— Один есть.

— Кто?

— Парень-то не слишком умный, однако комсомольцев недолюбливает здорово. За это ценить приходится. Поговорить что ли с ним?

— Поговори. А кроме нет?

— Сами пойдем. Туго придется — бабу захватим.

Но на ловца и зверь бежит: на их счастье, неожиданно-негаданно, под утро в дверь уртемовой избы постучал Чалэшпусь. Бандит долго слонялся в окрестностях, одно время попробовал даже пожить в родной деревне, но сельский актив быстро дознался и собирался уже сообщить о нем властям, да не успел: Чалэшпусь,

почувяв опасность, сбежал. Не зная куда деваться, он опять явился к Уртему. Махорка тотчас посвятил его в «дело», и Чалэшпуть без колебаний согласился.

Микстура Уртем уговорил очень просто. Зная, что тот любит выпить, он, захватив полштоф самогона и сломанный замок, будто для починки, направился к Микстуру (тот кое-что соображал в слесарном деле).

Слово за слово... В течение часа они договорились полностью: Уртему стало ясно, что Микстур непрочь встать комсомольцам поперек дороги. Когда Уртем сказал, что поможет ему приодеться, глуповатый Микстур ошалел от радости.

— Нет ли шаровар у тебя?—сразу спросил он, жадно тараща глаза и уже протягивая руки.

— Как нет? Есть, конечно. Могу подарить хоть сейчас.

— Давай тогда,—вскочил Микстур, позабыв обо всем на свете.

— Приходи немного погодя сам. И не только шаровары, может еще чего подберем,—изобразив на лице доброту, ответил Уртем, подмигивая левым глазом и сладко улыбаясь толстыми губами.—Кто со мной в дружбе, никогда не пропадет.

Обрадованный Микстур через полчаса явился к Уртему. Тот извлек из чулана какие-то старые галифе неопределенно-бурого цвета (нераспроданное наследство бандитов) и подобрал к ним ярко-зеленые подтяжки. Микстур, старательно напялив обновки и сунув руки в бездонно-глубокие карманы, начал прохаживаться взад и вперед по избе, по-мальчишески любуясь собой. Уртем, чтобы поднять настроение, похвалил его, даже губами причмокнул.

— Замечательно, как настоящий офицер!—сказал он, хотя отлично видел, что на тощих ногах Микстура галифе висели неуклюжим мешком.

Немного погодя Уртем вынес из чулана пиджак.

— Вот, если ты еще это оденешь, совсем шеголем будешь, да только я подожду пока давать. Сделаем одно дело, потом все будет твое.

— Говори, Уртем пичче, что угодно для тебя—делаю,—стал просить Микстур, потерявший от радости голову.

— Неужели? Ну, побожись тогда.

— Есть бог и есть солнце!

— А ничего не станешь бояться?

— Даже чорта не испугаюсь!

— Крестись!

Микстур торопливо перекрестился несколько раз.

— Пусть проглотит меня земля!

— Ну раз так, то вот какое дело, сынок,— проговорил Уртем, уводя Микстура в заднюю избу и усаживая за стол.

После двух чарок водки он шопотом объяснил, в чем заключается «дело». Разговор этот не услышала ни одна живая душа.

Микстур, на словах нахальный и решительный, был поражен неожиданным предложением, притихнув, испуганно слушал, широко раскрыв глаза. Говоря по правде, Уртем и дело-то повел очень тонко: он стал без конца расхваливать Микстура, величая его богатырем какой-то необычайной силы и смелости, и недалекий парень, голова которого работала не лучше чем у молодого барана, поверил лести.

— Никто ничего не узнает и узнать не сможет. Потом получишь от нас награду, уж мы в долгу не останемся. Будут деньги, будет и справа. А такому красавцу-парню чего еще надо?—закончил Уртем свою речь.

Микстур оглушенно молчал.

— Ну чего ты молчишь?—спросил Лява, приблизив свое лицо к Микстуру.—Или комсомольцев жалко стало? Помни: оглобли поворачивать поздно. Где-нибудь проболтаешься — пощады не жди.

— Ладно,—жалко съезжившись, ответил Микстур.

— Дай руку!

— На...

— Ступай, прогуляйся около Назарова двора. Он вечером из города товар привез. Узнай: чего привез, куда сложит...

Микстур произвел подробную разведку. И ночью, вместе с Уртемом, Махоркой, Чалэшпусем и женой Мамуна, опять сел за стол Лявы. Теперь уж Махорка от лица Лявы изложил план грабежа.

После полуночи они вышли гуськом из дома и, опасно оглядываясь, скрылись в темноте, никем не замеченные.

Деревня беззаботно спала. Попрежнему дул прохладный западный ветер, беспокойно шумели ветлы, словно предвещающая недоброе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Исай, взяв ружье у Павла пичче, забежал на несколько минут домой, а потом направился к дому Назара.

— Ну, теперь ты спи, а я охранять буду,—сказал он Назару,—не подстерегу ли хоть одного волка.

— Смотри, как бы самого волки не съели,—рассмееялась Варук, мывшая на крыльце руки из висячего глиняного рукомойника.

— А что? Плакать обо мне все равно некому,—так же весело смеясь, ответил Исай.

— Откуда знать, может быть и есть.

— Никого нет.

— А про Марину забыл?

Исай смутился.

— Ну тебя, не говори, чего не следует,—ответил он и, неестественно кашлянув, крупным солидным шагом сошел с крыльца.

Сначала Исай сел около летней кухни, на бревно. От нечего делать свернул цыгарку, зажег (по-настоящему он еще никогда не курил), потом снял с плеча берданку, покрутил в руках, вынул гильзу, заглянул внутрь, снова зарядил.

Наступила темная ночь, в деревне не видно было ни единого огонька. Подул холодный, резкий ветер. Небо загромодилось темными, бесформенными тучами. Уныло шумели деревья.

Зябко кутаясь в старый отцовский пиджак, Исай обошел лачугу. Ветер не доставал сюда и здесь было значительно теплее. Исай опять уселся на бревно.

Когда человек остается один и ему не с кем перекинуться словом, в голову приходят различные мысли, воспоминания, и он нередко начинает разговаривать сам с собой. Так случилось и с Исаем. Сначала он пошел немного, потом задумался. Вспомнил, как при сегодняшней встрече говорила с ним Марина, как при каждом слове она, заливаясь алой краской, рукавом платья застенчиво закрывала маленький рот с творожно-белыми, ровными, словно у мышки, зубками, как опускала вниз ресницы, стесняясь взглянуть ему в лицо. Вспомнил трогательные ямочки на ее щеках и черные бархатные глаза... И правда, Марина замечательная девушка, хотя ростом невелика, но стройная, вдобавок грамотная, в деревне о ней всегда отзываются похвально. Хорошо бы

сговориться и уехать куда-нибудь учиться. Как это было бы чудесно! Молода она еще, ей бы сейчас учиться в самый раз. А потом, после учебы, пожениться и вернуться в родную деревню.

Учиться непременно надо. Вот уже два года мечтает об этом Исай, только никак возможности не представлялось. Дальше легче будет жить, можно и поехать. Убрать урожай, да и отправиться. И Марину захватить с собой, чтобы все время была рядом.

Исай совсем размечтался и представил себе будущее, как на картине: вот наступила осень, и они с Мариной в погожее утро направляются из своей деревни в город. Впереди вьется дорога, густо усаженная по бокам зелеными и пахучими соснами-однолетками. За плечами у путников объемистые котомки. Исай что-то рассказывает. Марина, слушая его, заливается серебристым смехом. Встречные прохожие провожают их приветливыми напутствиями.

Как хорошо жить!

— Исай! Где ты? — послышался вдруг голос за углом кухни.—Эй, караульщик, не спишь?

— Здесь!—насторожился Исай.—Кто там?

Подошел Тарас.

— Я решил понаведаться. Спать что-то не хочется. Сидел, сидел дома, дай, думаю, проведу.

— Вот и хорошо,—обрадовался Исай.—Садись.

— Не дремлешь?

— Нет. Так, сидел, думал.

— О чем, интересно?

— Насчет всего. Хотел бы поехать учиться.

— Добрые мысли. Мне тоже хочется, да в этом году не удастся, сначала надо работу в селе наладить.

Друзья разговорились. Вспомнили прошлое, потолковали о настоящем, о будущем. Тарас настаивал, чтобы Исай этой же осенью отправился на учебу.

— Чтобы обновить деревню, нужно много образованных людей: агрономов, учителей, докторов. И хорошо их иметь своих, местных.

— Это ясно,—согласился Исай.

— Но... как же ты Марину оставишь? Жаль ведь девушку?—Тарас мягко подтолкнул Исай в бок.

Чувствуя товарищескую шутку в словах Тараса, Исай, в тон ему, рассмеялся.

— Ну так что? Ведь не жена она мне.

— Все-таки. Другие могут перебить. Ты думаешь, я совсем ничего не понимаю и не вижу? Ведь сохнешь из-за нее. Я давно заметил.. А, может, вместе соберетесь?

— Да я и сам, признаться, о том же думал.

— Что ж, решай. А я помогу, чем сумею.

Тарас поднялся с бревен, потянулся и сладко зевнул.

— Ну, ладно. Пойду домой. А ты уж как-нибудь до рассвета не спи, дружок. А то долго ли до греха— и поджечь могут. Ненавистников у нас еще немало.

— Нет, я спать не буду.

— Смотри. А тебе не холодно? Могу свою шинель оставить.

Исай отрицательно замотал головой, но Тарас все же накинул ему на плечи шинель.

Исай опять вернулся к своим думам. Будущее в его мечтах принимало реальные формы. Он уж видел себя агрономом, а Марину доктором.

Между тем, погода еще более ухудшалась. Темнота сгустилась, кругом ничего не стало слышно, кроме треска и шума качающихся ветел, хлеставших друг друга ветвями.

Исай закинул берданку за плечи и, чтобы разогнать дрему, принялся ходить взад и вперед вокруг лачуги, тихонько насвистывая веселую песенку, обычно распевавшуюся молодежью на весенних праздниках.

Дойдя до угла лачуги, приостановился. В эту минуту кто-то подскочил к нему сзади, быстро накрыл чем-то темным и тяжело стукнул по голове.

Все это произошло так неожиданно и быстро, что Исай, не успев даже вскрикнуть, подрубленным молодым дубком упал на землю. Его безжизненное тело нападавшие поволокли по пыльной земле.

Попрежнему плыли над землей облака, глухо шумели деревья и протяжно завывал ветер. Деревня Эндриял крепко спала в эту непогодистую ночь.

... Назар, проснувшись с рассветом, сразу вспомнил про амбар, про сторожа и, озабоченно накинув сукман на плечи, вышел во двор.

— Исай! — окликнул он, не сходя с крыльца.

Ответа не было.

«Неужели, не предупредив, домой отправился парень?» — тревожно подумал Назар. Спустившись с крыльца, он прошел через двор к амбару, потрогал замок,

которым вчера запер дверь. Замок висел на старом месте, и Назар, несколько успокоившись, решил, что Исай действительно ушел домой.

«Все-таки выйду, посмотрю, не уснул ли парень на бревнах»,—решил Назар. Он вышел на улицу и пошел кругом амбара. Тут его будто кто в сердце ножом ударил. Около амбара лежала куча беспорядочно сброшенной соломы и здесь же была приставлена лестница. Выйдя из оцепенения, Назар торопливо поднялся по лестнице и увидел на крыше большую дыру, в которую свободно мог пролезть человек.

— О-ох! — не своим голосом закричал Назар, сваливаясь с лестницы.—Пропал! Пропал!

Он поднялся и, как помешанный, бросился к избе, шарахнулся обратно к амбару, беспорядочно крича:

— Грабеж! Варук, старуха! Ах, пропала моя голова! Бегите скорее! Зовите Совет! Тараса! Ой-ой, скорее!

Мать с дочерью выбежали во двор, простоволосые и босые, в одних белых рубашках, обе смертельно испуганные. Потом Варук, сбегав в избу, принесла ключ и похолодевшими руками отперла замок.

В амбаре было пусто. От привезенных вчера продуктов не осталось и следа, лишь у потолка раскачивалась гирлянда сухих грибов, да на полу валялись обрывки скомканной синей бумаги. Все остальное было похищено.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Отчаянный стук в окно разбудил Тараса. Ничего не понимая, он вскочил, подбежал к окну и сразу увидел мертвенно-бледное лицо Варук, с неподвижно застывшими, невероятно большими глазами.

— Что-то случилось,—блеснуло в его голове.

— Выходи скорее! Беги к нам!—прокричала девушка, как не своим голосом.

— В чем дело?—заражаясь ее испугом, спросил Тарас.

Не выслушав ответа, он проворно натянул сапоги и выбежал на улицу. Варук стояла босая, с полураспущенными длинными волосами, развевающимися по ветру. Прерывающимся от слез голосом, девушка проговорила:

— Амбар ограбили!

Известие ударило Тараса, как обухом по голове.

Он сразу изменился в лице, кровь бросилась в голову, в висках застучало, и слова, готовые вырваться, застряли в пересохшем горле.

— Ничего не осталось, дочиста выгребли,—говорила Варук, захлебываясь слезами.—Идем скорее, мы не знаем, что делать.

Оба бегом бросились в гору.

— А где Исай? — задыхаясь спросил Тарас.

— Не знаю, нет его.

— Он бросил караул?—Тарас даже приостановился.

— Ну да, видно, ушел.

— Говорил ведь шайтану! Ночью нарочно сходил, напомнил. Эх! Ну и легкомысленный же парень!..

Во двор Назара стали собираться соседи, разбуженные криками. Несколько раз обошли вокруг амбара, заглянули внутрь, поахали, поспорили, но утешительного сказать ничего не могли.

Тарас прежде всего велел людям отойти от амбара. Потом, собрав мысли, попросил собрать членов Совета и наиболее активных комсомольцев. Одного шустрого белоголового мальчугана он послал к Исаю на дом.

Вскоре он окончательно овладел собой, голос его зазвучал резко и отрывисто, как военная команда.

Увидев среди народа мелкокаракулевою голову братишки Микуля, он подозвал его, вместе зашли в избу к Назару.

Здесь на клочке бумажки Тарас написал несколько слов крупным, размашистым почерком и подал Микулю.

— Вот тебе письмо,—сказал он,—возьми коня Назара и, как ветер, лети в волость. Разуи секретаря волкома Петрухина и отдай письмо. Смотри, через людей не вздумай передавать, передай своими руками, и на словах скажи: сегодня ночью украли все продукты, привезенные для голодающих детей. Сейчас же, скажи, просили приехать. Понял?

— Понял.

— Ну вот, тогда поезжай быстрее.

Через несколько минут Микуль выехал из деревни и галопом помчался заколосившимися полями, выбирая путь покороче, чтобы быстрее выполнить приказание брата. Конь, подгоняемый мальчигом, словно чуя хозяйскую беду, мчался во весь опор.

«Хорошие вести — пешком идут, дурные — скачут», говорит пословица. Не прошло и полчаса, как двор Назара переполнился всполошившимся народом. Люди не умещались во дворе, запрудили улицу и переулок. Догадки были различные, и каждый спешил высказать свое мнение. Женщины, всплескивая руками, ахали и охали, вспоминая попутно все прошлые случаи грабежей в селе. Мужчины рассуждали о том, кто мог пуститься на такое дело.

Вскоре по вызову Тараса явились члены сельсовета, комсомольцы. Вернулся мальчишка, посланный за Исаем, заявил, что его дома нет.

— Кто тебе сказал? — спросил Тарас, удивленный и встревоженный больше прежнего.

— Мать сказала. Говорит, как ушел вечером охранять амбар, так и не возвращался.

«Что это значит? Куда он мог деться? Неужели убили?» — мелькнула в голове Тараса мысль, заставив до боли сжаться сердце.

Члены Совета — Хомут Эндри, Павел пичче, а вместе с ними и комсомольцы, оттесняли людей в стору:

— Граждане, выходите отсюда, идите на улицу!

— Ну, чего здесь сгрудились? Следы затопчете.

— Приедет милиция, разберется!

В ответ слышались недружелюбные возгласы:

— Кричать да командовать мастера, а укараулить добро не сумели!

— Детей совсем теперь на голод обрekli!

— Больно скоро хозяевами стали!

Неожиданно кто-то вызывающе крикнул:

— Да сами, поди, и ограбили, сами! Следы хотят замести, спрятать, потому и не подпускают к амбару!

— Обыскать надо их!

Люди притихли. Несколько слов, брошенных кем-то с определенным умыслом, заставили насторожиться. Кто знает, может быть и в самом деле новые сельсоветчики сами очистили амбар? Разве угадаешь, что у человека на уме? Ведь доверяли же раньше Кузьме Казяру, Иливану и Мамуну, а они оказались негодяями. Подозрительно и то, что кража произошла очень быстро: вечером привезли продовольствие, а к утру гото-

во — все исчезло. Посторонние вряд ли успели бы это сделать.

Неустойчивые люди всегда найдутся, прежде всего среди них зарождается недоверие. К тому же много пострадали голодающие жители Эндрияла от кулаков и прежних сельсоветчиков; не мудрено, что поколебалась вера и в честность новых руководителей.

И в эту минуту, полную нарождающейся грозы, слышался резкий, хриплый голос, ножом прорезавший утренний свежий воздух.

— Люди! Чего смотрите!

Все повернули головы на голос. На деревянном срубе колодца стоял, широко расставив длинные ноги, Микстур Михали, теперь уже признанный щеголь деревни, облаченный в свои отменные галифе с зелеными подтяжками.

— Граждане, вас обманывают, за нос водят, неужели не можете понять?!—натуживаясь до синевы, кричал Микстур, широко раскрывая рот и брызгая слюной в разные стороны.— Кто мог сделать такую пакость, кроме сельсоветчиков и комсомольцев?! Сами украли и поделили между собой... Подумайте хорошенько! Тут все ясно. Иначе они давно бы били тревогу, да кругом искали. А они сами с места не трогаются и людям не дают к амбару подойти. Раз сами поделили, зачем им искать?..

Бегающими покрасневшими глазами обвел Микстур людей, стоявших вокруг в неловком молчании. Потом с торжествующим видом спрыгнул с колодезного сруба и, по привычке, артистически сплюнов, отошел в сторону.

На его место вскочил Хома Шверпусь и начал кричать еще громче:

— Чего молчите? Вам человек глаза открыл: Тарасова шайка орудовала! Больше никому! Надо обыскать их немедленно!

Не успел он договорить, как Мигиш, протискивающийся сквозь толпу, сдернул его с возвышения.

— Молчи, негодяй!.. Успокойтесь, товарищи!— поднимая руку, прокричал он юношески неокрепшим тенорком.— Микстур и Шверпусь говорят неправду! За такую болтовню мы под суд отдадим их!

Но его голос, звенящий обидой, утонул в общем шуме. Народ был в крайнем смятении. Последние слова Мигиша оказались спичкой, поднесенной к пороху.

— Что вы пугаете судом!

— Разобраться надо. Не сами ли калачей захотели! Крикуны из подкулачников, настроенных Лявой, настаивали:

— Пошли, пошли! Обыскать надо.

Чтобы успокоить народ, Мигиш еще раз попытался что-то сказать, но ничего не вышло, его не стали слушать. Группа отъявленных горлопанов вслед за победоносно шагавшим Микстуром устремилась во двор Назара.

Члены сельсовета и комсомольцы попытались загородить им дорогу. Тарас сильной рукой ухватил Микстура за ворот и громко, гневно проговорил:

— Кто тебе дал право обыскивать? Зачем мутишь народ?

— Сам взял право!—нагло осклабился Микстур, выпячивая вперед узкую грудь и заноса на ступеньку крыльца ногу.

Неожиданным толчком он отбросил Тараса и ворвался в сени. За ним последовали Лява, Шеверпусь и их приспешники.

Большинство крестьян не принимало участия в этом бесчинстве. Люди разбрелись по группкам, совестливо переговариваясь:

— Нехорошо такое самоуправство допускать, разбраться надо.

— Так и до греха недолго.

— Вот приедут власти, тогда все будет ясно.

А в доме Назара начался обыск. Не осталось ни одного уголка нетронутым. В избе, в подполье, на чердаке, в сенном чулане—езде рылись обнаглевшие погромщики. В сундуке у аккуратной Варук и в укладке у бережливой матери—все перевернули вверх дном. Потом бросились во двор: обшарили конюшню, сарай, заглянули под навес, слазили в погреб.

— Эй! — останавливали их благоразумные, — не очень ли расходились? Зачем так безобразничать?

Но решительных людей, чтобы вмешаться в дело, все же не находилось. Ограничивались только предостерегающими возгласами. А сельсоветчиков и комсомольцев было слишком мало, чтобы остановить буйную ватагу кулаков и их приспешников. Да и неразумно было принимать энергичные меры: могла возникнуть свалка, чего возможно и добивался Лява.

Назар совершенно растерялся и, глядя по сторонам помутневшим взором, лишь охал и говорил, еле шевеля побелевшими губами.

— Ищите. Получше ищите, родные! Везде ищите. Сами увидите, что не виноват.

Жена Назара сидела около амбара и беззвучно плакала. Варук и Марина, тоже чуть не плача, старались успокоить ее. В момент общего смятения к ним подскочила разъяренная жена Мамуна.

— Вы чего дурака строите?—язвительно прокричала она, подпирая бока руками.—Сами воровали, сами и слезы льете. Не мешало бы и стыд знать. Тьфу! — и смачный плевок упал на голову назаровой жены.

— Убирайся-ка отсюда, тетка,—выведенная из терпения, крикнула Варук.

— А ты что суешься? — набросилась Мамуниха.— Тебе бы только с комсомольцами твоими бегать. Добегаешься, красавица!

Прямодушная и смелая Марина возмутилась за свою подругу, подступила к Мамунихе.

— Замолчи, бандитова жена. Не все такие жулики, как ты с мужем!—закричала она, намереваясь кошкой прыгнуть на обидчицу.

Но Мигиш, подошедший сзади, положил ей руку на плечо.

— Что с ней попусту кричать,—успокаивающе проговорил он.—Ведь все равно ничего не найдут. Уведите лучше мать Варук в избу.

— Про Исая слышно что-нибудь?—спросила Марина.

— Ничего не знаем. Нет его нигде,—глубоко вздохнул парень.—Не придумаем, где и концы искать...

Марина и Варук ввели в избу полуобезумевшую от горя женщину.

Обыск во дворе тоже ничего не дал. Тогда Микстур и Шверлусь первыми бросились на огород.

— Давайте и здесь проверим!

Как стадо кабанов, они с угрожающими криками беспощадно топтали тщательно прополотые и окученные кусты картофеля, капусту, выращенную трудолюбивыми руками Варук. Потом они направились к бане, стоявшей под старой черемухой в конце длинного огорода.

Микстур первым сразмаху рванул дверь.

— Сюда! Здесь давайте пошарим!

Не задумываясь, он сразу же поднял две половицы, заранее отодранные, сунул руку, быстро вскочил и закричал торжествующим громким голосом:

— Нашел! Наше-ел!

Известие о пожаре вряд ли могло подействовать сильнее, чем неожиданное сообщение Микстура.

Толпа сгрудилась около бани. Помощники Лявы услужливо принялись отдирать остальные доски пола. Под ним и в самом деле обнаружили мешок сахару и мешок муки. Микстур и Шеверпусь проворно выволокли тяжелые мешки в огород и бросили перед народом.

— Вот, люди, смотрите, что они делают! — громче прежнего орал Хома Шеверпусь, остервенело сжимая кулаки и прыгая вокруг мешков.—Вот они, настоящие бандиты... Смотрите своими глазами!

Тут уж невольно взволновались и некоторые из тех людей, кто осуждал бесчинство кулаков.

— Вот шайтановы головы!

— Сами, оказывается, украли!

Но раздавались и другие голоса:

— Нельзя поверить, чтобы Назар на такое пошел.

— Честный он человек, совестливый.

— Тут что-то не так.

На шум в огороде прибежали Тарас с Назаром, а вслед за ними Хомут Эндри и Мигиш. Увидев мешки с продовольствием около бани, они удивились не меньше других, но им и рта не дали раскрыть. Приспешники Лявы набросились на них с неистовой бранью, словно одержимые. Грязные ругательства и несправедливые обвинения ливнем обрушились на неповинных активистов: Микстур и Шеверпусь буквально танцевали вокруг них.

— Какими глазами вы на народ смотрите!

— Убить вас мало!

— Идемте к Тарасу!

Видя, что разъяренных хулиганов ничем не унять, Тарас предупредил своих людей:

— Пусть идут. Эх, и хитро подстроили, черти! Видать, не один час готовились.—Он нервно кусал побледневшие губы. И тут же вспомнил про Исаю.—Куда он мог пропасть, чего они с ним сделали? Хоть бы скорее из волости приехали!

Между тем банда Уртема кинулась через огороды к дому Тараса. За ними беспорядочно последовала толпа любопытных.

Около двора Назара остались лишь активисты.

— Что же будем делать, Тарас Петрович? — проговорил Хомут Эндри встревоженно.—Ведь чорт его знает, что могут сделать.

— Ну, что они сделают?

— Да вот Назару устроили.

— Ничего, разберемся. Главное — спокойствие. Совершенно ясно — дело сработано самими визгунами. Подождите немного, они сварятся в собственном соку.

Но Хомут Эндри явно приуныл.

Через несколько минут в доме Тараса все было перевернуто вверх дном. Под ногами хрустели глиняные черепки разбитой посуды, густым снежным облаком носились по воздуху пушинки и перья, выпущенные из подушек, пол был залит потоками воды из опрокинутых кадок и ведер.

Мать Тараса от испуга застыла на месте и смотрела ошеломленными, непонимающими глазами. Старуха никак не могла взять в толк, чем объяснить такой неожиданный погром в ее скромном хозяйстве, почему вдруг погромщики принялись бить и ломать ее немудрящий скарб. Неожиданно к ней подскочила Мамуниха.

— Говори сейчас же, куда спрятала краденое добро? — закричала она над самым ухом.

— Какое добро? — дрожащим и недоумевающим голосом спросила старуха.

— Ха! Дурочкой прикидываешься! Где муку спрятала? Где сахар и масло?

— Я ничего не знаю, — окончательно растерялась старуха.

— Как не знаешь? Не знаешь, что твой сын нынче ночью продуктовый склад ограбил! — бушевала Мамуниха.

— Опомнись, ведь он дома спал, видит бог, — испуганно крестясь, проговорила старуха.

— А вот увидим! — ненавидяще погрозила кулаком Мамуниха.

Она устремилась в сарай, откуда доносился усиленный шум. Ее разъяренное широкое и красное лицо, со злыми бегающими глазами, обрамленное прядями

растрепанных волос, выбившимися из-под сорбана¹, походило на лицо ведьмы.

С настила под поветью уже были сняты два мешка муки — большие и белые, с синим клеймом, точь-в-точь как те, что нашли у Назара. Муку выволокли на середину двора. Еще гуще сгрудился народ. Волнение достигло высшего накала. Из общего шума назойливо выделялся уже совсем хриплый голос Микстура:

— Ну, дорогие граждане, вот чего выделяет новый председатель! Амбар ограбили, добра поделили, а народ решили с голоду уморить! Что прикажете делать с такими голубчиками? Решайте сами! Ваше слово — закон!

— Головы им разбить! — рассек воздух истерический крик мамуновой жены, злобно потрясавшей кулаками в воздухе.

— Мешок муки на спину, да стучи в заслонку вдоль улицы!

— Нечего на них смотреть! Проучить!

— Пошли, а то еще сбегут!

Чуя недоброе, большинство людей начало расходиться по домам, говоря:

— Нехорошо получается. Зря могут люди пострадать.

— Что-то подозрительно: настоящие воры не могут так глупо прятать.

Группа погромщиков бегом бросились к дому Назара. Мать Тараса стояла на крыльце, бледная, как воск. Собравшись что-то сказать, она протянула вперед дрожащие, старческие руки и без слов рухнула на ступеньки. Никто не посмотрел на нее. Из рассеченного виска одиноко лежащей женщины текла алая струйка крови.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Вдали послышался нарастающий зловещий гул.

Павел пичче, отворив калитку, выглянул на улицу.

— Окончательно взбесилось кулачье, — сказал он, опасливо качая головой. — Не сделали бы чего, Тарас Петрович. Не лучше ли схорониться до приезда милиции?

¹ Головной убор замужней женщины, в виде тюрбана.

— Да что ты, с ума сошел что ли? — с укоризной ответил Тарас.—Я не трус. Да и невиновен, зачем мне прятаться?.. Ничего, не такое видали. Держитесь спокойнее.

Микстур и Шеверпусь вбежали во двор первыми, размахивая кулаками.

— У детей последний кусок отнимают!

— Прочить их хорошенько!

Члены сельсовета и комсомольцы стояли возле амбара, сбившись в маленькую кучку. Предполагая, что они решили отчаянно защищаться, передние в замешательстве остановились.

Уртем, поняв, что это замешательство может сорвать затею, зычно крикнул, не выходя вперед:

— Связать их немедленно!

Шеверпусь и некоторые более отчаянные подвинулись к амбару. Между ними и активистами осталось не больше пяти шагов.

— Тише! — неожиданно раздался спокойный голос Тараса.—Что вы хотите делать? Кого хотите напугать? — С этими словами он, отделившись от своей группы, шагнул вперед.—Вы что, потеряли головы? Кто вам, в самом деле, поверит, что мы воры? Разве я для того три года воевал за советскую власть, чтобы обкрадывать ее? Против такой власти могут идти только кулаки да их подпевалы.

Шеверпусь заорал:

— Чего нам слушать его — вор и все!

— Хочешь пыль в глаза пускать!

— Не слушайте его!

— Бей!

Через минуту над головой Тараса пролетел увесистый булыжник, слегка задев его ухо; потом посыпались мелкие камешки, палки, сухие комки глины.

— Прекратите безобразия! Себе хуже сделаете! — во весь голос крикнул Тарас, но в этот момент что-то тяжелое ударило его по голове. Неловко шагнув вперед, он повалился на землю.

— Если вора убить, ничего за это не будет! — обжег слух Тараса выкрик Микстура.

«Значит, решили расправиться с нами», — пронеслось в голове Тараса.

Он еще успел увидеть, как на крыльцо выбежали смертельно испуганные Варук, Марина и Кулине аппа. В них тоже полетели палки, камни.

— И вы заодно с ворами?

-- Стащить их!

Со звоном разлетелись разбитые стекла окон.

В последний миг Тарас также заметил, как Микстур Михали ударил Мигиша сзади по голове увесистой палкой. А Лява Уртем хищно подбирался к Назару. Потом все спуталось, поплыло перед глазами...

Но Тарас уже не слышал и не видел, как несколько секунд спустя во двор вбежала какая-то женщина и пронзительно выкрикнула:

— Из волости едут! Конная милиция!

Это неожиданное сообщение сразу отрезвило многих из банды Лявы Уртема. Руки, поднятые для удара, бессильно повисли, кулаки разжались. Озираясь по сторонам, некоторые начали пробираться к воротам, другие махали прямо через забор. Микстур Михали тоже потерял храбрость.

— Утекать надо, — еле внятно проговорил он Шверпусь, трясясь всем телом.

— Чего ты струсил?

— Добра не жди!

Но тут к ним подошел Лява Уртем и, осторожно прикоснувшись к плечу Михали, успокоил:

— Ничего не будет, мы здесь не одни! Если убежите, хуже в глаза бросится. Стойте спокойно на месте. Чтобы ни спрашивали — отказывайтесь. Дескать, народ бил, мы не при чем.

При последних словах Уртема в раскрытых воротах показались два верховых милиционера, позади них ехал Микуль. А вслед за ним въехал тарантас, запряженный двумя взмыленными лошадьми. Кроме кучера, в тарантасе сидел секретарь волкома Петрухин с каким-то худощавым, черноволосым человеком, между ног которого стояла большая серая собака, похожая на волка. Милиционеры спешили. Петрухин с худощавым вылезли из тарантаса. Последний вел на поводке собаку.

— Альма, за мной!

Глазам приезжих представилась удручающая картина. На пыльной земле лежало три человеческих тела, а вокруг них валялись камни, обломки досок, палки. Изба Назара зияла темными дырами разбитых окон.

Орава приспешников Лявы Уртема теснилась в дальнем углу двора: одни смотрели исподлобья, нагло и вызывающе, другие боязливо прятали виноватые глаза.

Петрухин все понял. Глубокая складка пересекла его лоб. Ему на память пришла осень 1918 года, когда он с активом бедноты реквизировал в одном селе хлеб у кулаков. Тогда их тоже чуть не убили. Вот и сейчас—трое распростерты на земле. Чьих рук это дело, как не кулаков и бандитов? Горечь едким комком подступила к горлу. Не будучи в силах подавить ее, он тяжело вздохнул, прокашлялся, обвел погромщиков суровым взглядом, и громко сказал, чтобы всем было слышно:

— Видите, что вы наделали!

Толпа молчала. Перед ним стояло три-четыре десятка человек; все они притихли, напряженно следили за каждым его движением, озирались на чернявого приезжего с собакой, силясь угадать, что будет дальше. В томительном молчании прошло несколько минут.

— Ну, что теперь будем делать? — спросил Петрухин.—Кого из вас судить, кого миловать? Молчите? Я знаю, что не все одинаково виноваты. Есть зачинщики, есть поддавшиеся на провокацию, а есть и просто любопытные. Что же, разберемся...

Петрухин хотел что-то добавить, но в эту минуту один из лежавших на земле пошевелился и слабо простонал. Толпа отпрянула в сторону.

— Никто не двигайтесь с места! — приказал Петрухин.—Садитесь! Где стояли, там и садитесь!.. Он повернулся к милиционерам и распорядился:

— Прошу никого отсюда не выпускать!

Толпа зашевелилась. Послышались недружелюбные возгласы, и раньше других заговорили вожак погромщиков:

— Как это так — никого?

— Ведь сам сказал — не все виноваты!

— Надо виновных найти!

— Не беспокойтесь!—строго проговорил секретарь подходя ближе.—Виновные найдутся, а невинных отпустим. Садитесь, говорю, разберемся.

Люди стали неохотно усаживаться.

Петрухин подошел к пострадавшим и, наклонившись, начал вглядываться. Он узнал: тот, кто пошевелился, был Тарас. Лицо его покрывали кровоподтеки и ссадины. Рядом лежали, тоже избитые, Мигиш и Назар. Их

белые рубашки были разорваны, измазаны пылью и кровью.

Микуль, увидев брата, безжизненно повисшим на руках у Петрухина, бросился с громким плачем:

— Пичче! Пичче!

При помощи Хомута Эндри и Павла пичче Петрухин перенес пострадавших в избу. Здесь он начал орудовать как заправский доктор. Вместе с девушками промыл пострадавшим раны, перевязал. Мигиш и Назар тоже начали проявлять признаки жизни.

— Эх, лекарств нет,—досадливо поморщился Петрухин.—Сейчас же придется посылать за доктором. Направьте-ка кого-нибудь.

— Ладно,—ответил Хомут Эндри,—я сынишку пошлю.

— Давай быстрее!

Микуль, не отступавший от брата ни на шаг, не зная за что приняться, растерянно хныкал, вытирая слезы рукавом рубашки.

— Не плачь, кудряш, не плачь. Бояться нечего, жив будет твой брат,—утешал Петрухин, ласково проводя рукой по непокорным волосам мальчика.

Тарас медленно открыл глаза. Придя в сознание и узнав секретаря волкома, он облегченно вздохнул.

Петрухин заботливо склонился над ним.

— Приехали, Тарас Петрович. Во-время, как будто, добрались, а?—ободряющим голосом спросил он.

— Никого не убили?—слабым голосом спросил Тарас.

— Нет, не успели.

— А где эти?..

Петрухин, догадавшись о ком он спрашивает, успокоил:

— Все здесь, во дворе.—Помолчав немного, добавил: — всех томить неудобно, есть ведь и невиновные. Ты, Тарас Петрович, скажи, кого задержать, кто начинал. Конечно — не только тех, кто бил, но и кто руки направлял.

Тарас назвал зачинщиков, кого сам успел заметить.

— Еще жену Мамуна прихватить надо,—подсказала Варук, слушавшая разговор мужчин.—Она сегодня как ведьма носилась по селу.

— Вот правильно,—подтвердила Марина.

— Ну, полежи, Тарас, пока, а мы за дело примем-

ся,—сказал Петрухин, записав в блокнот виновников разбоя.—Мне думается, мы теперь окончательно прочистим воздух в вашей деревне.

Он направился к выходу.

— А вы знаете еще,—начал было Тарас, но в это время со двора донесся неясный шум, крики:

— Стой, куда метишь?

— Воротись назад!

— Что там такое? — поинтересовался Тарас у Микуля, попрежнему стоявшего у его изголовья.

— Шеверпусь хотел через забор прыгнуть.

— Удрать хотят, сволочи! — проворчал Тарас.

Потом он вспомнил про мать, спросил:

— Ты дома-то побывал?

— Нет, не был,—ответил Микуль.

— Тогда вот что: чем здесь плакать без толку, беги-ка лучше домой, да узнай, как там мать.

— Правда, иди,—поддержала Варук.—И на ваш дом они налет устроили. Не сделали ли чего с матерью.

Микуль послушно побежал домой.

Назар, лежавший на кровати возле печи, болезненно стонал. Варук то и дело подходила к нему, прикладывала мокрое полотенце. Мигиш все еще без сознания лежал на скамейке в сенях.

Лучи солнца, проникавшие через окна, показывали полдень. На акации, возле окна, чирикали воробьи, деловито перескакивая с ветки на ветку. Тарасу почему-то очень захотелось посмотреть на воробьев, он поднял голову, но его сразу замутило и голова бессильно упала на подушку.

Где-то над самым ухом назойливо жужжала большая пчела, задевая щеку острым крылом. Но оказалось тут же, что это вовсе не пчела жужжит, а нудный старушечий голос монотонно читает бесконечную молитву. А дальше пошла уже сущая неразбериха: закачалась матица потолка, вдруг сорвалась с места и начала кружиться над головой. Потом все провалилось в преисподнюю.

— Тарас, Тарас! Опомнись, приди в себя!—как сквозь сон услышал он нежный и очень знакомый голос.

— Что? — спросил Тарас, открывая глаза.

Около него стояла Варук, вытирая слезы кончиком головного платка. Он сейчас же вспомнил все события,

начиная со вчерашней ночи, и понял, почему находится у Варук.

Тарас сразу приподнялся и сел, не обращая внимания на жгучую боль, возникавшую при каждом движении.

— Где все? — спросил он, выглянув в окно и увидев опустевший двор.—Чем дело кончилось?

— Увели их,—ответила Варук.

— Кого увели?

— Микстура, Шеверпуся, Уртема, жену Мамуна и еще несколько человек. Я всех не заметила. Не хотелось им из толпы выходить. Да люди показали.

— Кто показал?

— Павел пичче, Кулине аппа.

— Значит, хватило смелости?

— Хватило. Милиционеры арестованных в караулку отвели и заперли.

— А где товарищи из волости?

— Пошли с собакой следы искать. С ними наши люди отправились. И мне хотелось туда идти, да тебя оставить побоялась.

— Спасибо. А куда они направились?

— В овраг спустились, вниз.

Тарас вскочил на ноги и Варук увидела, как оживились его глаза.

— А ты... ты тоже хочешь туда итти?—спросила она робко, следя за ним встревоженным взглядом.

— Обязательно пойду.

— Не шути, Тарас. Слабый ведь ты, не ходи. Еще что-нибудь случится с тобой,—проговорила Варук, не спуская с него просящих глаз.

— Ну, что ты, ничего со мной не случится. Я совсем здоров,—успокоил Тарас, застегивая рубашку.

Взглянув в окошко, он увидел лошадь Назара и попросил Варук:

— Можно поехать верхом на вашей лошади?

— Если сумеешь, поезжай! А лучше бы не ехал.

По голосу девушки, звучавшему искренней мольбой, Тарас почувствовал всю силу ее любви.

— Не беспокойся за меня, Варук. Ты лучше хорошенько ухаживай за Мигишом и отцом,—ответил он, ласково и признательно взглянув на нее.

Во двор, навстречу ему, вбежал Микуль.

— Пичче,—проговорил он еле внятно,—анне лежит на крыльце. Пойдем скорее домой!

Тарас, ничего не ответив, вскочил на лошадь, выехал за ворота и поскакал крупным галопом вдоль улицы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Петрухин не зря сказал Тарасу, что воздух в Эндрияле скоро освежится. За последние две недели дважды были сделаны облавы на бандитов. В руки властей попали последние головорезы из банды Махорки.

Но сам Махорка ускользал. Петрухин же питал к нему особый интерес: от пойманных бандитов он узнал, что сестренку его убил Махорка.

Уездные и областные руководители настойчиво требовали быстрейшего искоренения бандитизма. И сегодня утром Петрухин, получив записку от Тараса, не стал долго раздумывать. Быстро договорившись с начальником уголрозыска — украинцем Челомбитько (худощавый, черноволосый человек был как раз Челомбитько) и захватив с собой двух милиционеров, он направился в Эндриял.

В пути Петрухин поделился с Челомбитько своими соображениями.

— Махорка опять здесь околачивается. По моим сведениям и догадкам, у него в Эндрияле есть какой-то не то друг, не то родственник. Между собой они безусловно связаны разбойным промыслом. Недели три тому назад в Эндрияле изловили было одного из членов махоркиной банды, да сообщники убрали этого «языка». Я предполагаю, что и сегодня дело без Махорки не обошлось.

Челомбитько не хуже секретаря знал все это, да не относился он к числу разговорчивых людей. Поэтому он ничего не ответил Петрухину, лишь молча поласкал собаку, высунувшую острую морду из-под его руки.

— Н-да... Це дило треба разжуваты,—проговорил он, когда проехали не менее версты,—побачимо, как вин буде... Пошукаемо...

— Пора начисто выкорчевать поганые корни,—продолжал Петрухин.—Народ творит новую жизнь. А эти

ядовитые змеи жалят нас, зная наши слабые места, на каждом шагу стараются сбить с ног. Да нет, не выйдут!—решительно закончил он.

— Що таке? — очнулся украинец, отвлекаясь от своих раздумий о предстоящем деле.

— Не выйдет у них, говорю. Народ сильнее.

Показалось село. Петрухин обратился к Микулю, сопровождавшему их:

— Ты прямо к тому амбару веди, сынок, который обокрали!

— Вот он здесь, через два дома,—показал мальчик рукой.

— Погоняй! Быстрее! — заторопил секретарь возницу.—Слышишь, какой шум? Что там творится?

Через минуту лошади остановились у ворот Назара.

Дальше события развивались так. После того, как пострадавшим была оказана помощь, а виновные задержаны, Челомбитько взял собаку на поводок.

— Шукай, шукай, Альма!

Ищейка принялась беспокойно бегать вокруг амбара и пожилой Челомбитько едва успевал за ней, держа ее на тонкой бряцающей цепочке. Видимо напав на какой-то след, собака потянула хозяина к оврагу. За ними последовала толпа собравшихся крестьян.

— Не подходите близко, товарищи, не мешайте! — крикнул Петрухин, шагая рядом с Челомбитько.

Ищейка, спустившись в овраг, побежала к Карасозеру, затем по отлогому спуску поднялась в гору и, перескочив через поломанную изгородь, устремилась в рожь. Пробежав по узкой тропинке до конца поля, повернула вправо, кинувшись к речке Юрбаш.

Яркое солнце палило знойно, по-летнему. Высоко в небе, радуясь теплу, пели жаворонки. Во ржи чирикали кузнечики.

Пот градом катился с Челомбитько, но его четвероногая помощница все тянула вперед. Толпа людей не отставала от них, держась, однако, на почтительном расстоянии. Впереди всех шли Павел пичче, Хомут Эндри, Кулине аппа с Мариной, комсомольцы.

Люди ждали раскрытия черного дела, надеясь найти настоящих преступников, покусившихся на последний

кусок хлеба голодающих детей. Надеялись и плохо верили в одно и то же время.

Вдруг собака, бежавшая вдоль котловины, повернула влево и уверенно направилась к долу Качаги. Изредка она останавливалась, внимательно принюхивалась, словно проверяя себя, потом, залавав, с новой энергией устремлялась дальше.

Выскочив из низкой, зеленоватой ржи, Альма остановилась на крутом берегу ручья и протяжно завывала.

— Треба пошукаты!—промолвил украинец, тяжело дыша, и начал осматривать мелкий кустарник около воды, густые заросли лопухов и бурьяна. Потом он соскочил под обрыв.

Вскоре со дна оврага послышался его зов:

— Товарищ Петрухин, иди-ка сюда!

Люди, стоявшие в отдалении, вскоре увидели, как Челомбитько поднялся в верх, с трудом неся тело человека, голова которого была окутана мешком. Испуганные возгласы послышались в толпе.

Когда мешок развязали, все узнали Исаю. У него было багровое, отекающее лицо, как у утопленника. Шум в толпе усилился.

— Исай! Эх, бедняга!

— Кто же это его?

Послышался горький плач. Это заплакала Марина, увидевшая страшную картину. Девушка не выдержала и, подбежав, с громкими причитаниями упала на грудь Исаю.

— Убили, тебя, убили! Сердце мое!

Люди сочувственно смотрели на девушку. Она заливалась слезами. Изредка всхлипывали женщины. Даже Челомбитько, много выдавший на своем веку тяжелых сцен, не выдержал и отвел глаза.

Постепенно голос девушки стал стихать, лицо побелело и, наконец, она, прикинув к голове Исаю, замолкла.

— Обморок,—промолвил Челомбитько, наклоняясь над ней.—До дому треба.

Встав на колени перед Исаем, он стал шупать его нуть, затем приложил ухо к груди.

— Сердце еще бьется, только надо бы поскорее доктора.

— За ним послали,—ответил Петрухин...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Лява Уртем, Мамуниха, Микстур Михали и Шеверпусь были заперты в деревенской караулке. Они никак не ожидали, что дело примет такой скверный для них оборот. Еще час назад они разъяренно наскакивали на безвинных активистов, горланили, подзуживая народ, а сейчас притихли, вся прыть исчезла неизвестно куда.

Настроение у всех было подавленное, они молчали, тяготясь нерадостными думами. Особенно приуныл Микстур. Вообще-то он отличался трусливым характером, лишь вчера и сегодня, послушав Уртема, слепо исполнял его приказания. Теперь, когда проскрипели ржавые петли на двери караулки и щелкнул старинный тяжелый замок, он едва удержался от слез.

Отойдя в дальний угол, он свернул толстую козью ножку и, закурив, принялся глотать сизый дым.

— Тюрьма ведь получилась, Уртем пичче,—промолвил он плаксивым голосом, с надеждой взирая на Уртема.

— Ха! Тюрьма, конечно. А ты что думал, советчики тебя по головке погладят, что-ли? — грубо оборвал Уртем, презрительно оглядывая его с ног до головы.

— Как же это так? А ты говорил, что ничего не будет.

— А что может быть? Невинному человеку ясно ничего не будет,—вмешалась в разговор Мамуниха, подчеркивая слово «невинному» и имея в виду себя. Она оглянулась на Семена Пагарды и Упрама Алдана, растянувшихся во весь рост на полу, желая увидеть, какое впечатление произведут на них ее слова.

Оба они не были причастны к делу. Просто, поддавшись наговорам Уртема, решили, что друзья Назара действительно украли продукты. Они ввязались в драку, понятия не имея, в какую сомнительную компанию попали.

— Виноватыми нас считать не имеют никакого права. Скажем — народ бил, — недовольно проворчал Шеверпусь, выхватывая мимоходом цыгарку изо рта Микстура и всовывая ее себе в рот.—Раз вор, значит вор, так и говори на допросе.

— Ну, а если обвинят, что будем делать?—чуть не плача, спросил Микстур.

— Брось распускать слюни,—враждебно ответил Уртем.—Разревелся, как грудной младенец! Запомни: ты никого не бил и ничего не знаешь!—внушительно проговорил он, повышая голос.—Понял, наконец? Несколько раз одно и то же повторять приходится!—Лохматые брови Уртема сдвинулись у переносья, в глазах мелькнули злые искорки.

— А-а если это... найдут?—не унимался Микстур, забыв, что в караулке находятся непосвященные люди. Это было уже слишком.

— Чего найдут?—грозно рывкнул Уртем. И тут же со всего размаху ударил Микстура по лицу.

Щека запылала огнем и Михали схватился за нее рукой.

— За что бьешь?!

— Все за то! Не мели чепуху! Если еще хоть раз откроешь рот — задушу на месте, дурак ты этакий! Глиняная твоя башка!

— Надо уметь держать язык за зубами!—процедила вполголоса Мамуниха.—Ты и там, бог весть, что наболтаешь со страху. Длинный язык до добра не доведет.

— Я... я ничего не сказал особенного, зачем он меня ударил?—жаловался Микстур, сплевывая кровь.—Смотри, до крови хватил!

Алдан Упрам и Пагарды Семен, дремавшие до сих пор на полу, подняли головы, с любопытством наблюдали за происходившим, ничего не понимая.

Услышав шум в караулке, к окошку подошел милиционер и строго предупредил:

— Эй, вы там! Чего галдите!

— Мы не шумим, товарищ начальник! Мы смиренно сидим, не беспокойтесь,—заискивающим голосом ответил Шеверпусь, поглядывая на милиционера в окошечко. В караулке утихло, слышалось только назойливое жужжание летающих мух.

Лява Уртем прилег вверх лицом на скамейку у порога и стал бесцельно рассматривать потолок. Мысли тяжелым свинцом заполняли голову.

«Собаку привели... Неужели она может найти? Ну, на мельницу-то заглянуть вряд ли догадаются, она уж несколько месяцев не работает. Интересно, там ли отсиживается Махорка? Хорошо, если удрать успел! Он-то не сдастся! А вот тот... желторотый... Исай... Совсем ли

его прикончили? Кое-кого и других тоже не мешало бы привести в порядок. Ничего не успели сегодня, помешали. Интересно, что там сейчас делают?.. Этого дурака Микстура зря хлестнул. Выпадет чего-нибудь — и тогда все пропало! Напрасно погорячился, старый болван! Эта глиняная башка и вперед может пригодиться. Придется утешить парня», — решил он под конец.

Целый час перебирал свои думы Уртем, ворочаясь на жесткой скамье. Услышав, что лежавшие возле него на полу Семен Пагарды и Упрам Алдан густо захрапели, он поднял голову и огляделся. Жена Мамуна, уткнув голову в угол, тоже спала, и Шеверпусь заметно дремал.

Один Микстур сидел, положив локти на подоконник, и с остервенением курил цыгарку за цыгаркой. Он думал о предстоящей расплате. Неожиданная пощечина, полученная от Уртема, взбесила его и у него даже явилось желание позвать милиционера и рассказать ему о всех событиях по порядку, начиная со вчерашнего дня.

«Какое он имел право ударить меня? Не понял путем, да и давай хлестать. Издевается, все за мальчишку считает! Ладно, ладно!»

Но вскоре он одумался, и мысли приняли другое направление. «Если я так сделаю, то и сам попаду. Пожалуй, надо как-нибудь по-другому выкручиваться!»

Лява Уртем подошел к нему сзади и тихонько толкнул в бок.

— Есть что-нибудь покурить?

Микстур знал, что Уртем не курит, и потому посмотрел на него с удивлением, но потом, порывшись в карманах, достал табак, завернутый в листок чувашского евангелия, и дал щепотку.

— Нутро горит, — с удрученным видом прошептал Уртем.

Неумело свернул козью ножку, зажег, затем, наклонившись близко к уху Микстура, торопливо зашептал:

— Ты меня прости, Михалья! Сгоряча получилось. Я совсем не хотел обидеть. Сам понимаешь, нам сейчас ссориться никак нельзя, надо помогать друг другу, а иначе нас одним махом прикончат: и тебя и меня. — И тоном заботливого отца продолжил: — Клянусь богом, — он поднял глаза к небу, — если отсюда благополучно вылезем, я тебя, как барчука, обряжу, таких богато одетых женихов по всей округе не будет. На дворе стоит

годовалая телка—и ее отдам. Только будь твердым, умело держись при народе. Понял меня? Это ведь и для тебя лучше будет,—уговаривал Уртем.

Недалекий Микстур и на этот раз ему поверил.

— Не беспокойся, Уртем пичче! Не подведу. Я для тебя самый надежный человек. Меня хоть вверх ногами повесь, все равно ничего не скажу! Не выдам!

Милиционер опять подошел к окну, арестованные смолкли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Исаю отправили домой на носилках, сделанных на скорую руку из гибких ивовых веток.

Марине брызнули в лицо холодной водой, потом умыли, она пришла в себя и открыла глаза. Кулине и две девушки под руки увели ее в деревню.

Челомбитько с Петрухиным, отправив Исаю, принялись внимательно осматривать со всех сторон мешок, снятый с его головы. Он был сшит из прочного домашнего холоста, а на одной стороне сохранились две едва заметных буквы «Л» и «А», написанные когда-то дегтем.

— Це гарно, — сказал потирая руки и блестя глазами, Челомбитько. Петрухин кивком головы выразил свое одобрение.

Потом, поднявшись на обрыв, они вышли на открытое место, откуда спускались вниз. За ними неотступно следовала толпа.

«Куда могли бежать бандиты?»

Чтобы выяснить эту загадку, они пошли вдоль оврага, по течению реки Юрбаш. Здесь Альма снова забеспокоилась. До сих пор она все время подвывала, потеряв след. Пробовала забежать в рожь, тянулась в овраг, но снова возвращалась, виновато виляя хвостом. Челомбитько, поласкав ее, понукал легонько:

— Шукай, Альма, шукай!

Пройдя саженой двадцать-тридцать, они спустились в яму, в которой могла бы уместиться добрая деревенская изба.

Здесь Альма окончательно занервничала. Неожиданно Челомбитько опустился на колени, принялся искать что-то.

— Курили, холеры! — промолвил он, поднимая две обожженные спички и окурок, свернутый из газетной бу-

маги.—Во! Нам и це пригодится! А ну, Альма, пошукаем еще трошки!

Петрухин почувствовал, что кто-то осторожно дотрагивается до его локтя. Он обернулся и увидел обеспокоенное лицо Хомута Эндри, догнавшего его.

— Ну, как, товарищ, найдем?

— Найдем!

Хомут Эндри удовлетворенно закивал головой.

— Что он сказал тебе? — спросил Павел пичче вернувшегося Хомута.

— Найдем, говорит,—весело отозвался тот.

А Тарас в это время выезжал из полевых ворот. Дома он застал полный разгром. Все было поломано и разрушено: мать все еще лежала на крыльце. Уложив в постель и перевязав рассеченный висок, он оставил ее на попечение соседки Марфы инге, жены Павла пичче, а сам на том же коне, рысью, направился в поле, чтобы присоединиться к преследователям бандитов. Избитое и израненное тело нестерпимо ныло, то и дело темнело в глазах, но он сейчас никак не мог оставаться дома.

«Не только корней, а чтобы и духу вражьего не осталось, пусть не портят наш воздух, пусть и дышать и работать нам будет легко»,—думал Тарас, выезжая за околицу.

Очутившись в поле, он наугад повернул лошадь налево, к заброшенной водяной мельнице Уртема, надеясь там встретить народ. Лошадь неслась вскачь. Под легким ветерком покачивались голубые, желтые и розовые головки полевых цветов, мелькавшие по обочинам проселочной дороги.

На перекрестке дорог Тарас увидел двух мальчишек, во весь дух бежавших навстречу. Старшему было лет восемь. Его черная, гладко остриженная головка блестела на солнце вороньим крылом. Младшему, белоголому как одуванчик, было не более пяти лет.

«Спрошу у ребят,—не видали ли они приезжих из волости»,—решил Тарас, но не успел он и рта раскрыть, как детишки закричали в один голос, перебивая друг друга:

— Тарас пичче! Тарас пичче!

— Чего вам?—спросил Тарас, останавливая разгоряченную лошадь.

— Это самое... это самое... Там на старой мельнице...—едва переводя дух, бессвязно лепетали дети.

— Беглого видели! — выпалил наконец старший.

— Беглого видели! — как эхо, повторил младший.

Взглянув пристальнее на побелевшие личики ребят с широко раскрытыми от страха глазенками, Тарас понял, что дети испуганы чем-то не на шутку.

— Какой беглый? Где? — спросил он.

— На мельнице! — с трудом выдавил первый мальчишка.—Мы возвращались из соседней деревни от бабушки с дедушкой. Потом около мельницы спустились к реке, чтобы поудить. Там в камышах так много огольцов! Хоть руками лови.

— Ага, хоть руками лови,—картаво вторил младший, глядя прямо в рот своему приятелю.

— Ну, это я знаю, знаю! Вы насчет того человека толком говорите.

— Вот и скажу! Ловили, ловили мы, а потом решили домой идти. Поднялись к мельничному амбару и стали слушать, как на чердаке птенчики чирикают...

— Ну, а дальше, дальше что было? — нетерпеливо допытывался Тарас.

— Вскрабкался я по углу, посмотрел в щелочку, наверху у потолка,—там, Тарас пичче, птичьи гнезда... Вдруг вижу, что внутри дым. Сидит там, вот с такими длинными черными усами. Потом мне опять не видно стало. Он тогда, значит, курил. «Этот человек, наверное, беглый»,—сказал я Мидюку, потом мы скорее побежали сюда.

— Мы скорее побезали сюда! — торопливо закончил младший.

— А сам-то он видел вас? — заволновался Тарас.

— Не знаю, наверное не видел, мы сразу сюда побежали.

— А вы не заметили людей, которые по полю ходят с собакой?

— Каких людей? — с любопытством вытаращили глазенки ребятишки, настораживаясь, как зайчики.

— Да наших, деревенских и еще из волости. С ними серая собака.

— Нет, не видели,—и оба дружно замотали головенками.

— Ну, ладно, хорошо, ребята, молодцы! Ступайте домой!

Тарас дернул лошадь за поводья и ударив в бока пятками, помчался вперед, оставляя позади густое, кудрявое облако пыли. Ему не оставалось до мельницы и двухсот сажений, как он увидел толпу людей, спускающихся с горы.

«Наши» — подумал Тарас, свертывая с дороги и по меже среди ржи направляясь в их сторону.

Спустя две минуты он уже был возле людей, крикнул, прыгивая с коня:

— Стойте!

Петрухин и Челомбитко подошли к нему.

— Что-нибудь случилось, Тарас?

— Новости есть.

Отведя Челомбитко и Петрухина в сторону от людей, он передал, что слышал от детишек.

— С тех пор прошло не более десяти минут. Вероятно, этот человек и сейчас там, дожидается наступления ночи.

— Зараз треба окружить, — сказал Челомбитко, рассматривая издали полуразвалившиеся постройки. — С флангов и с тылу окружить. Мы с Альмой пойдем прямо в лоб! Не уйдет.

Петрухин согласился с ним:

— Правильно! Окружить со всех сторон и взять живым!

Не теряя времени, Петрухин объяснил народу суть дела и начал распоряжаться. Хомуту Эндри он сказал:

— Возьми человек двадцать и иди в обход по оврагу слева. А ты, — обратился он к Павлу пичче, — направляйся с остальными справа, вон мимо тех деревьев. Понятно?

Он повернулся к Тарасу:

— А тебе такое задание: поезжай на тот пригорок и становись наблюдателем. Мы с Челомбиткой пойдем прямо. Если он нас увидит издали, то ни вправо, ни влево на народ не бросится, побежит только в твою сторону. Ну, а мы тогда собаку по следу пустим.

Люди рассеялись по луговине. Одни побежали вправо, другие повернули влево, к оврагу.

У всех было одно желание — изловить бандитов и положить конец бесчинствам, творившимся в округе. Утром мысли сельчан двоились, многие склонны были поверить, что похищение продуктов — дело Тараса и его друзей. Но сейчас, после того, как в долине Качаги был

найден Исай, крестьяне убедились, что тут орудовали настоящие бандиты.

Тарас остановил лошадь на пригорке и огляделся. Ниже мельницы и кругом нее, прячась в лопухах и густых зарослях кустарника, осторожно передвигались люди.

«Словно на фронте»,—невольюно подумал он и, дернув коня за поводья, решил подняться выше, чтобы было удобнее наблюдать.

Спустя несколько минут, с той стороны, где пробирался Хомут Эндри со своими людьми, кто-то закричал во весь голос:

— Бежит! Бежит! Ава! Ава!

— Держи! Ловите!—послышался новый крик.

— Стой!

— А-а-а!—откликалось в разных концах оврага.

Тарас круто повернул коня и, нахлестывая концами повода, помчался на шум, но теперь крики возникли с правой стороны мельницы, где находился Павел пичче: повидимому, бандит метнулся туда.

— Эхе-хе-ей!

— Держи!

— Давай наперехват!

Через минуту он увидел на дне оврага, саженях в пятидесяти от себя, Павла пичче с его «командой», а впереди них, на таком же расстоянии, бегущего человека в синем пиджаке и сапогах, который то и дело оглядывался назад.

У Тараса колоколом забилося сердце. Он быстрее погнал лошадь наперерез бегущему.

Вот уже между ними осталось не более двадцати саженей, надо только спуститься с горы в овраг.

— Стой, все равно не уйдешь!—закричал Тарас.

Но бандит, увидев его, быстро обернулся, выхватил револьвер и два раза выстрелил. Пули со свистом пролетели мимо ушей Тараса.

— Не убежишь!—обозленно крикнул Тарас, сворачивая лошадь в овраг.—Отбегался!

Он вскачь переправился через ручей.

Тем временем бандит, вскарабкавшись по другому склону оврага, побежал в Шемерденевский лес.

Услышав выстрелы, люди, предводительствуемые Павлом пичче, в страхе остановились. Убедившись, что

Тарас невредим и продолжает погоню, они опять побежали, наполняя овраг шумными выкриками.

— Вон он!

— В лес уходит!

Расстояние между Тарасом и беглецом снова сокращалось. Близко, совсем близко! Сейчас Тарас настигнет и затопчет его конем. Бандит опять резко повернулся и дважды выстрелил в приближающегося всадника. Конь вскинулся на дыбы, круто шарахнулся в сторону.

Тарас, не удержавшись на лошади, свалился вниз.

Увидев противника в таком беспомощном положении, бандит, должно быть, решил покончить с ним, чтобы избавиться от наиболее опасного конного преследователя. Он подскочил к нему, изо всех сил прижал к земле, но Тарас изловчившись, сумел вывернуться. Оба катались по земле.

Конечно, худо пришлось бы Тарасу, еще слабому после перенесенных побоев. Но тут подбежал Петрухин, за ним остальные. Бандита скрутили.

— Кто ты такой? — спросил Петрухин. — Говори! Почему скрываешься от людей?

— Кто я такой — не тебе знать. А люди зовут Махоркой!

Петрухин поднялся на ноги, обратился к Тарасу:

— Не ранил он тебя?

— Нет как будто, — ответил тот, — не чувствую.

Махоркины пули в самом деле не коснулись его: одна пробила полу пиджака, а другая слегка поцарапала ногу лошади. В револьвере у разбойника, как после выяснилось, патронов больше не было.

— Ну, как будто, теперь сам главарь нам попался! — сказал Петрухин, облегченно вздыхая и пожимая руку Тараса.

— Теперь и остальных выловим!

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Деревня после отъезда Тараса гудела встревоженным ульем. Сельчане беспрерывно заходили в дом к Назару навестить пострадавших и узнать новости. Люди в избе то и дело менялись. Каждый интересовался Назаром и Мигишем, сочувственно охал и вздыхал, проклиная воровскую шайку.

После обеда стали приходиться из соседних деревень группами, целыми семьями: до них тоже дошли слухи о событиях в Эндрияле.

На улице, во дворах, около домов, где собиралось хоть два-три человека, начинались нескончаемые разговоры, и каждый спешил поделиться своими сведениями.

— Ты слышал, какой молодец Тарас, а? Одного часа, говорят, не пролежал, вскочил на коня и помчался искать. Варук сама говорила.

— А те как, избитые?

— Назар уже в сознание пришел и говорить начал. Вот Мигиш — тяжеловат.

— А кто милицию вызвал?

— Говорят, Микуль.

— Братишка Тараса? Смотри-ка! Видно, в брата смышленный будет.

— А правду говорят, что мать Тараса сильно покалечили?

— Ничего. Ушиблась только.

— Несчастливая женщина! Не везет ей в жизни! Где тонко, там и рвется...

— Ну, а как арестанты?

— Сидят. К ним и близко не подпускают.

— Так и надо...

Когда Исаю принесли в деревню и стало известно, что его нашли в долине Качаги, народ окончательно взволновался. Теперь не только в доме Назара, но и во дворе стало тесно. Кулине аппа и Варук, оставшимся в доме за главных хозяек, пришлось наводить порядок. Кулине попросила лишних выйти из избы, а потом деятельно принялась ухаживать за Исаем: непрерывно меняла охлаждающие компрессы на груди и голове, — так посоветовал делать Петрухин.

Около Исаю в слезах сидела его мать, крошечная, полуслепая старушка, всю жизнь промучившаяся в нужде и сегодня едва не потерявшая единственного сына. От неожиданного горя она сделалась как будто еще меньше и казалась ребенком, обиженным чьей-то безжалостной рукой.

В чулане Варук утешала Марину, которая пришла в себя, но никак не могла успокоиться.

— Ну перестань, милая, возьми себя в руки. На, выпей холодной воды. Мой отец был таким же слабым, да ведь раздышался и говорить начал. И Исая попра-

вится. Вот увидишь. Скоро доктор приедет, за ним ^{дав}но послали.

— Нет, чует мое сердце, не быть ему живым!

— А я говорю, что поправится! Поверь мне.

Вдруг до слуха Варук донеслись торжествующие крики:

— Бандита поймали! Ведут!

Это известие взволновало народ так же, как внезапно налетевший вихрь волнует Суру, превращая спокойные воды в кипящие и бурливые гребни.

«Поймали! Ведут!» — магические слова колоколом гудели у всех в ушах.

Каждому захотелось собственными глазами взглянуть на вожака бандитов, так долго державшего в страхе всю округу. Сколько издевательств и горя перенес народ! Как тут утерпеть от желания расправиться с сильнымником на месте!

Но Челомбитько и Петрухин не дали пальцем дотронуться до бандита. Его привели в школу, заперли, объяснив людям, что от суда он не уйдет. Других арестованных тоже перевели в школу.

Разговоры в народе не утихали:

— Говорят, допрос сегодня будут снимать.

— Да, а вот продовольствие никак разыскать не могут.

— Докопаются теперь до всего, беспокоиться нечего.

— Ничего не найдут, вспомните потом мои слова!

Допрос преступников длился нескончаемо. Но народ терпеливо ждал развязки и не уходил от школы. Время тянулось медленно, минуты казались часами. Люди расположились вокруг здания маленькими группами и тихо беседовали.

Вдруг подбежал Коля Арсюк и передал отрядную весть:

— Сын Хомута Эндри из города доктора привез. Доктор осмотрел всех и сказал, что особо опасного нет, все поправится.

— А как Исай?

— Исай тоже не пропадет, сказал. Но, конечно, тяжело ему. Сколько времени без сознания был.

— А, может, он вспомнит, кто на него напал?

— Где уж там...

Прошло еще часа два в томительном ожидании. В школе продолжался допрос. Челомбитько, слово

за словом добиваясь признаний, распутывал клубок преступлений бандитской шайки.

К вечеру, когда солнце устало покатилося на покой за древние Засурские леса, Челомбитько и один из милиционеров вывели Микстура Михали. Позвав с собой Тараса и Хомута Эндри, свернули в переулок. Никто не понял — куда и зачем они направились. Снова начались разнообразные догадки:

— Неужели в волость увели?

— Но почему одного?

— Может, дома что у него спрятано?

— Наверное, к матери повели.

— Её дома нет, ушла куда-то...

Скоро всё выяснилось. Не прошло и полчаса, как возле школы остановилась подвода, тяжело груженная ящиками и мешками.

— Вот он где—наш хлеб да сахар!—закричал Хомут Эндри, соскакивая с телеги.—Нашелся!

Толпа моментально окружила подводу.

— Где нашли? У кого?!

— Вот убей их гром!

Возбужденные люди не могли стоять на месте, группы передвигались, шумели, плохо слушая друг друга. Хомут Эндри указал палкой на Михали Микстура, гневно сказал:

— Наше продовольствие находилось в руках этого шайтана. Вывезли вот от этого самого голубчика. А ведь он орал и наскакивал больше других!

И на Микстура, когда его вели обратно в школу, грядом посыпались самые злые ругательства и проклятия.

Как будто все становилось ясным, но народ упорно не расходился. Видя это, Петрухин вышел из школы на улицу.

— Ну, друзья, теперь вам понятно, чьи здесь проделки?—спросил он крестьян с укором.—Знаете, кто был виноват?

— Знаем! Теперь как не знать!—послышалось в ответ сразу несколько голосов...

— А я и раньше догадывался. Потому что такое дикое дело мог затеять только бандит вроде Махорки, вместе с кулаками наподобие Лявы. А хотите знать, как было совершено преступление?

— Хотим! Конечно хотим знать! — снова слышался голоса.

— Хорошо, могу рассказать вам...

Петрухин сел на кучу бревен и закурил трубку. Глядя на него, уселись и другие, принялись налаживать свои чубуки и козьи ножки. Все затихли. Еле слышно шептались над головами людей темнозеленые листья яблонь да перекликались в ветвях птицы.

Петрухин повел свой рассказ издалека. Напомнил о том, что преступники творили раньше, как им помогали старые сельсоветчики Казяр и Иливан и в чем заключался смысл последней преступной затеи. «Кулаки хотели опозорить активистов и спровоцировать расправу над ними». Слушали в такой напряженной тишине, что Петрухину даже показалось, что он слышит биение человеческих сердец.

— Почему так происходит? — обратился с вопросом Петрухин.—Почему люди вроде Лявы Уртема и Махорки ненавидят нас всем своим существом, всей кровью? Советская власть, партия большевиков обломала им крылья, их паразитической жизни за счет пота и слез народных положила конец. Теперь на руководящую работу выдвигаются люди, живущие своим трудом. За ними будущее. Им принадлежит жизнь. Кулаки и их приспешники не могут помириться с этим. Они еще попытаются на каждом шагу мешать нам, но их время уже отошло и, как они не хитри, как не бесись, на наш загорбок им снова не залезть!

Долго говорил Петрухин. Его слова были простыми и понятными, проникали к самому сердцу. Затем посыпались вопросы. Петрухин отвечал подробно. Когда спросили подробности о похождениях Махорки, он, вспомнив свое горе, грустно сказал:

— Этот волк и меня сумел укусить. Недели три-четыре назад, в лесу, он убил мою сестренку. Сегодня соznался в этом.

— Бедная девочка! — сочувственно вздохнули женщины.—Она-то чем помешала ему?..

— Им весь трудовой люд мешает — от стара до ма-ла. Но больше им зверствовать не удастся, кончилась их дорожка! «Как веревочке не виться, а кончику быть!»—говорит пословица. Теперь нам Махорка и Уртем не мешают строить счастливую жизнь, а если кто

другой вздумает помешать — берегись! Пусть не становятся поперек дороги, а то на себя придется пенять: сил у нас хватит.

Слушатели за разговорами и не заметили, как зашло солнце, и потянуло вечерним влажным воздухом.

— Ну, друзья, идите и спите спокойно! — сказал в заключение Петрухин. — Завтра мы еще поговорим с вами. Самое приятное — о жизни толковать...

Успокоенный народ разошелся по домам.

ЭПИЛОГ.

Читателю наверное хочется узнать, чем завершилась история наших героев. Это законное любопытство можно удовлетворить кратким рассказом.

На другой день бандитов проводили в город, а недели через две судили. Махорку расстреляли, других приговорили к разным срокам лишения свободы. Семена Пагарду и Упрама Алдана как следует пожурили и отпустили домой.

За голодным, засушливым годом последовал прекрасный урожай, — вы, должно быть, хорошо его помните. Люди вздохнули полной грудью. В такое время жизнь расцветает и желания людей приобретают крылья.

Считая, что и впереди будет также хорошо, Тарас после молотьбы устроил веселую свадьбу и привел Варук к себе. Старуха-мать перестала сетовать на житейские трудности; любясь старшим сыном и красавицей-невесткой, она на старости лет стала жить да радоваться.

Да, чуть не позабыл: на свадьбе у Тараса побывали Петрухин и Челомбитько. И, как говорили потом люди, Челомбитько удивил всех ловкой игрой на гармошке и лихой украинской пляской.

Исай проболел больше месяца, а потом, встав на ноги, зиму проработал в избе-читальне, а следующей осенью вместе с Мариной уехал в город учиться.

Мы живем в счастливое время: чего человек пожелает, непременно исполнится.

Мигиша зимой выбрали в укомол, и он, хоть и был весьма занятым человеком, все же наведывался в родную деревню.

Что осталось сказать про других?

Ясно, что люди начали строить новую жизнь! Конечно, не мало препятствий встречали они на пути, но, знаете сами, нет таких преград, которые остановили бы народ на его пути к счастью.

Добился и Назар осуществления своей мечты. Дикое Чертополохово поле было освоено благодаря коллективному труду. Новый посёлок расположился на краю этого поля.

И если вам доведется быть в этих краях, вы никогда и никого не спрашивайте:

— А как проехать в деревню Эндриял?

Это будет бесполезно. Вам дороги никто не покажет. Лучше спросите:

— Как проехать в Сталинский колхоз?

Тогда вам сразу покажут путь и девяностолетний старик и десятилетний пионер.

Обложка художника
Г. Харлампьева.
Редактор *С. Кирьянов.*
Техред. *Н. Степанов.*

НТ 00791. Посл. в производство 10-V-1950 г. Подписано к печати 2-VI-1950 г. Объем 8,75 п/л. Формат 34×108/32.
Тираж 7 000 экземпляров.
Заказ № 1234
Цена 5 р. 30 коп.

Тип. № 1 Чувашполиграф-
издата при Совете
Министров
Чувашской АССР.

*Госр. Чебоксары,
ул. Володарского, 5.*

69

Цена 5 руб. 30 коп.